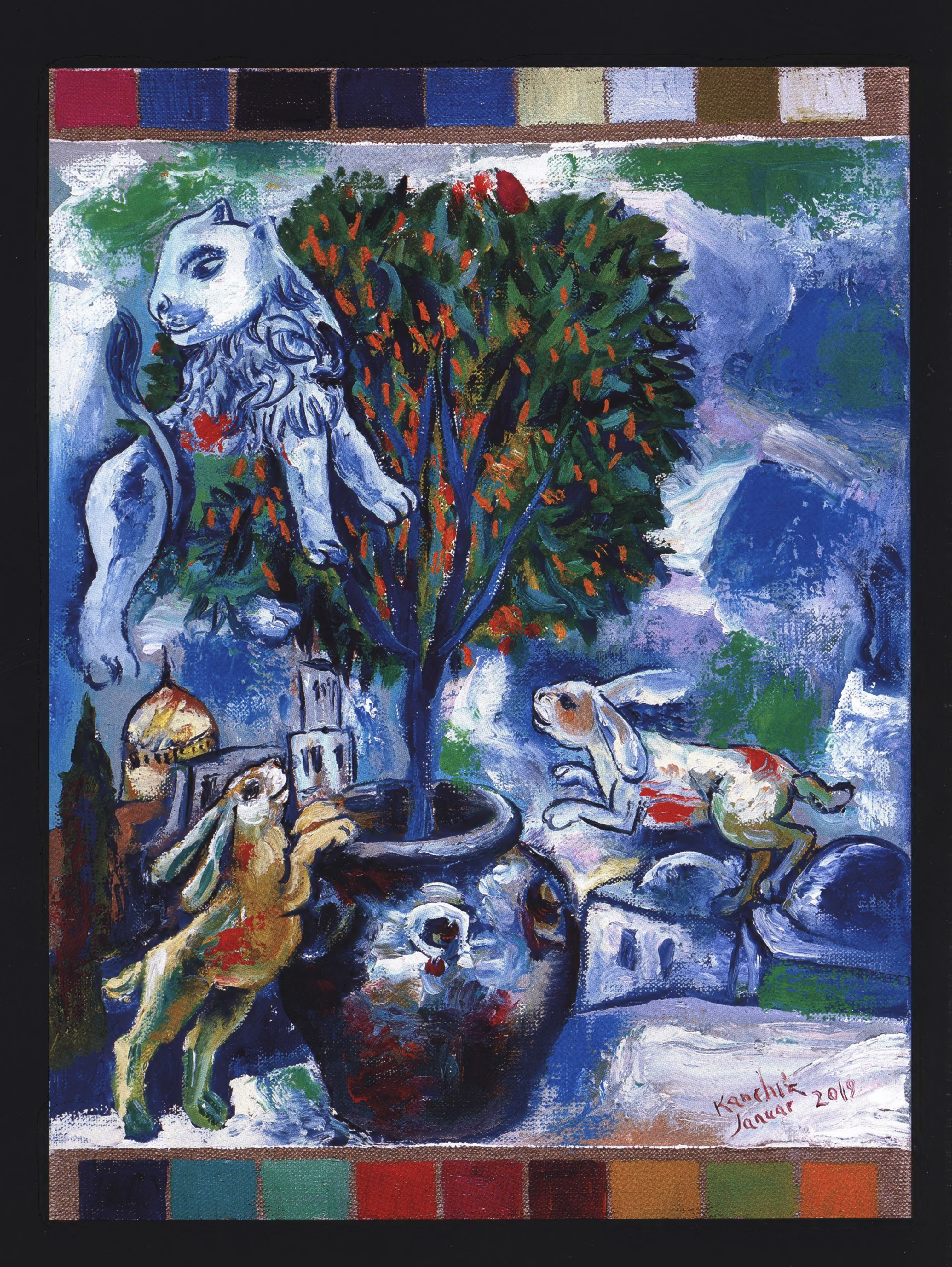
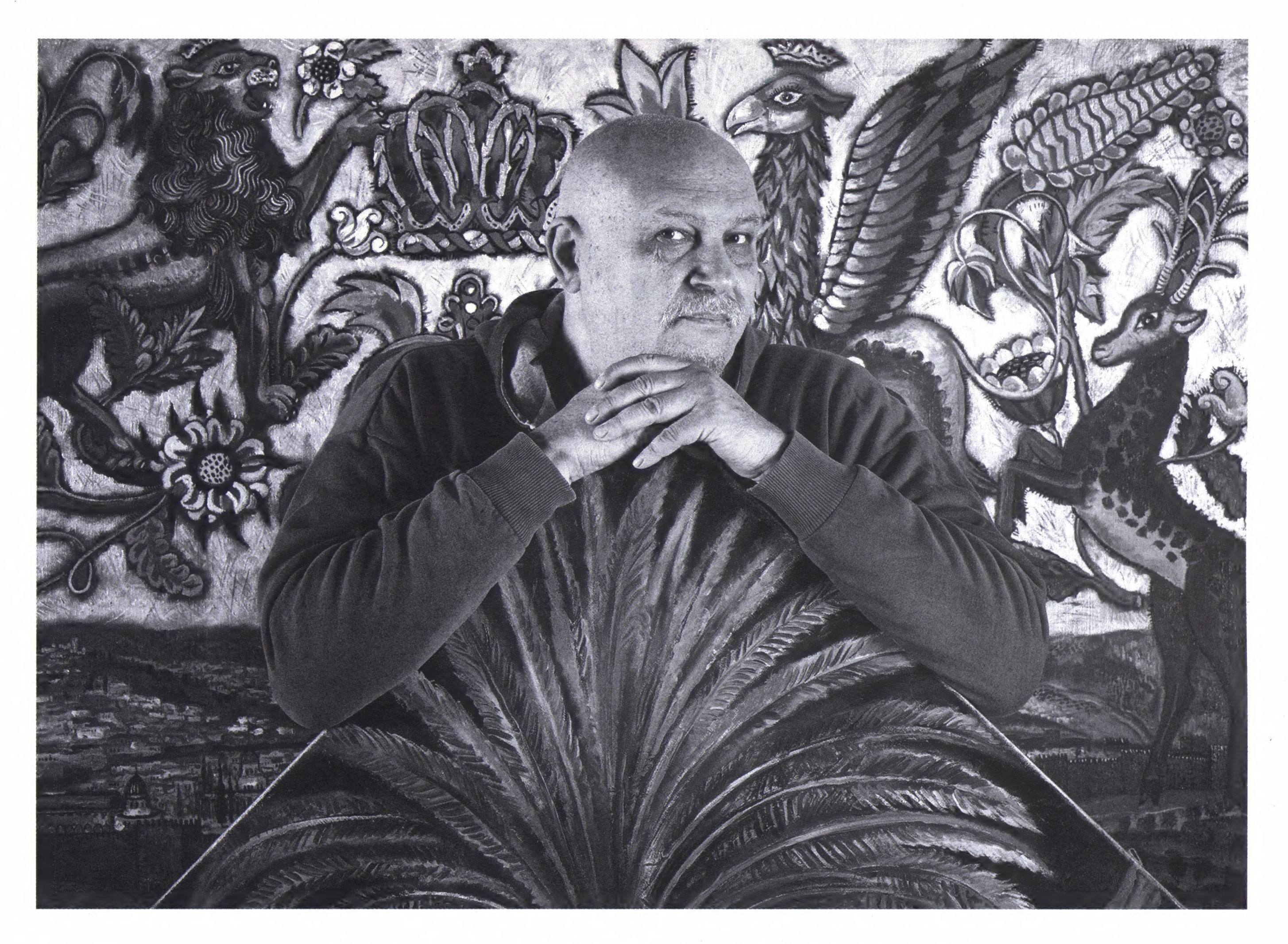
ISSN 2658-7920

ВЕСИ

№ 10, 2019


Kanchik
Januar 2019



АЛЕКСАНДР КАНЧИК: НАШЕДШИЙ СВОЙ МИР

Однажды в Кишиневе, осенью 89-го года, ко мне в мастерскую пришел мой друг Арнольд с незнакомым молодым человеком лет 30-ти, внешне чем-то похожим на писателя Довлатова. Такой же высокий, плотного сложения, несколько медлительный, с подобной шевелюрой, и внимательным, несколько ироничным взглядом. Познакомились, назвался Сашей Канчиком. Мой друг сказал, что Саша – профессиональный живописец и театральный художник, и он хотел бы, после его рассказов обо мне, посмотреть мои картины.

После разглядывания картин пили банальный азербайджанский чай и беседовали о жизни, увлеченно обсуждая творческие проблемы, планы на будущее. Саша несколько раз возвращался к увиденным сюжетам картин, высказывал свое отношение, а уходя, он пригласил меня к себе домой познакомиться с его работами.

Увидев его профессиональные картины, эскизы, я понял, что Саша может ловко и замечательно всё написать – от любого по сложности натюрморта до всевозможных пейзажей и театральных зарисовок для спектаклей. И вот на этом у нас тогда состоялся долгий разговор о живописи, ее тайнах и ее концептуальной реализации.

Саша, как человек восприимчивый и умеющий слышать, понял, что его ремесло, основанное на обучении в Крымском художественном училище и сценографическом факультете ЛГИТМИКа, его профессионально написанные картины, еще не дают представления о нем самом. Что нужна некая внутренняя концепция видения мира и отношения к нему.

Прошло несколько дней после нашего знакомства, и Саша пришел ко мне с просьбой поработать в моей мастерской, понаблюдать, как я пишу, своей мастерской у него тогда не было по причине увольнения из театра. Я не возражал, и он на следующий день пришел со своим мольбертом, красками и холстами. Так началась его новая жизнь в поисках собственного живописного мира.

Стеф Садовников

(Окончание на стр. 40)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке Живопись А.Канчика.
Подписано в печать 27.12.2019 г.

Отпечатано в АО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

12+

Заказ № 44.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В преддверии нового 2020 года люди разных профессий обсуждают некий скрытый смысл чисел, их значение и влияние на человека, его судьбу и всю нашу жизнь. В различных социальных сетях называют «красивые» дни наступающего года – 02.02.2020 или 20.02.2020, которые якобы могут кардинально изменить судьбу и в которые можно добиться невозможных в другие дни результатов.

Явление это не ново. С древнейших времен человечество, познавая Вселенную, применяло нумерологию как некую математическую структуру, интерпретируя значения чисел, создавая из них различные коды и матрицы. Одним из первых исследователей в этой области, например, был Пифагор, создавший тайные таблицы, известные под названием «Космический код», доступные только посвященным. Этому же посвящен и средневековый труд Корнелиуса Агриппы «Оккультная философия».

И в современной жизни, не вдумываясь в исторические, философские и изотерические корни нумерологии, мы составляем гороскопы, ищем счастливый билет, стремимся получить «зеркальные номера» для своих автомобилей, ищем определенных партнеров для бизнеса и свою «половинку» для жизни. При этом каждый ждет от цифры не столько ее физического выражения, сколько мистического знака.

А если оглянуться, то, каким бы «красивым» не был номер нашего банковского счета, деньги на нем появятся только тогда, когда мы их на него переведем, и какой бы «красивой» не была бы сумма в нашей квитанции за коммунальные нужды, ее придется оплачивать полностью.

Безусловно, нумерология как наука существует, и она лежит в основе многих математических расчетов в различных сферах нашей жизни и деятельности. Но перекладывать на цифры ответственность за свои поступки и за свою жизнь – это неверно и опасно. Если человек живет в гармонии с собой и с миром, ведет здоровый образ жизни, занимается своим развитием, если человек профессиональный и порядочный, то он в состоянии найти ответы на все свои вопросы сам, какими бы сложными они ни были.

Желаю в Новом 2020 году, чтобы каждый его день приносил вам радость жизни, удовольствие человеческого общения и творческие успехи. Будьте счастливы во все дни!

Татьяна Богина,
главный редактор.

ВЕСИ

№ 10 (158)` 2019
декабрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2020 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.
Сотрудничество с зарубежными подписчиками:
Кудрявцева Елена +7(495)961-23-62 доб. 3777 kudr@ural-press.ru.

Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

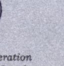
имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.



РБА

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

Вячеслав РЫЖЕНКОВ

Родился в 1956 г., окончил МИХМ, инженер-технолог. Публиковался в журналах «Голос эпохи», «Литкультпривет» и в региональной печати. Живет в г. Щелково (Подмосковье).

ГРОМ И МОЛНИЯ

(ПО МОТИВАМ НАРОДНЫХ СКАЗОК)

Жили в одной деревне два соседа – Трофим да Демьян. Трофиму жилось трудно, даже хлеба порой не хватало, то и дело приходилось занимать на жизнь у соседей, а чаще других – у Демьяна.

Демьян – тот напротив, хорошо жил, да уж слишком жаден был. Все, казалось ему, маловато у него добра. И хоть понимал он, от нужд Трофимовых не оскудеет его амбар, дать что-то соседу своими руками, пусть даже и в долг верный, казалось ему, порой, едва не хуже смерти.

Вот пришел как-то Трофим в неудачный час, и все с тем же. Лето только-только силу набирает, нового урожая еще ждать-дожидаться, а у соседа опять ни зернышка. И вздумалось Демьяну так повернуть дело, чтобы расстаться с этой обузой раз и навсегда.

Говорит Демьян Трофиму тихо так, ласково:

– Плохи дела твои, соседушка. Землицы у тебя мало, хлеба своего – одному не наесться, а тебе ведь еще и дочку в люди определять надо. Так уж и быть, подскажу я тебе по секрету, чем житьишко твое поправить можно. Хочешь узнать, как родитель мой покойный свое хозяйство наладил, да и мне кое-что оставил?

Трофиму-то деться некуда, хочу, говорит. А Демьян и рад:

– Знаешь гору крутую, что от деревни на восход солнца? Дерево еще на ней растет огромное, высоченное. Так вот. В хорошую грозу вершина дерева этого выше туч поднимается. И если в эту пору на самую верхушку забраться, чудо увидишь такое, что описать страшно. Сучочки там на верхушке, те, что уж совсем сухие, только туча верхушку закроет – золотом засветятся. А там все больше и больше, и так дальше и светятся, пока гроза не пройдет. Отец мой сам это видел.

Трофим терпеливо слушал, но тут усмехнулся даже:

– Светятся они – да что с того? Небось, гроза пройдет – и перестанут.

Но Демьян свое твердит:

– Это, если не обломить вовремя. Успеешь, пока еще гремит гроза – так золотом и останутся. Страшно пойти на такое, слов нет. Да и сломить их непросто. Но зато вся жизнь твоя разом переменится. Папаша мой и принес-то когда-то четыре сучочка, а как сразу поднялся. Он ведь прежде-то не лучше тебя жил.

– Сам что ж не лазишь за золотом, коли дорожку знаешь?

Демьян только развел руками:

– На что оно мне теперь, у меня ведь всего хватает. И трусоват я на такое, сам посуди.

И вот через пару дней, как потемнело на небе и заворчало, приметил Демьян – пусто на соседском подворье. Уж не правда ли поверил Трофим в его россказни? Ведь мало ли что говорится, не всему же верить. Ну, а теперь будь что будет, Трофим сам свою долю выбрал.

Впрочем, почему бы не поверить. Ведь отец Демьянов про дерево это, и правда, много чудесного рассказывал. Верно ли, нет ли, но богатство-то он и взаправду где-то раздобыть сумел. Как раз тогда, когда жизнь в их местах совсем невмоготу стала, ни дождей путных, ни урожаев. А он наоборот – и двор обновил, и скотину разную завел, и даже работников нанял. Стало быть, было с ним все-таки что-то в стародавние времена.

А Трофим в это время уже

Рисунок И.Старцевой

взбирался на дерево. Скоро наползла туча, черная грозовая, да такая, что закрыла от него всю землю внизу. Выбрался Трофим на самый верх, отдышался. Тихо наверху, и гроза все никак не начинается. Только вот сучки сухие так и остались прежними. Обманул доверчивого соседа насмешник Демьян! Посмеялся негодник.

Однако смотрит Трофим – туча грозовая, что под ним, совсем теперь не похожа на ту, какой ее с земли увидишь. Не серая с черным, не бугристая, а ровная вся, зеленоватая, и только чуть-чуть в пятнышках, как мокрый луг с кочками. Спустился до тучи Трофим, сделал шаг-другой – и вдруг осмелился и пошел ногами прямо по туче. Идет и видит, прямо перед ним – как копна сена возвышается. А в ней темнеется что-то, пещера – не пещера, шалаш – не шалаш.

Набрался духу Трофим и шмыгнул внутрь. Видит – не очень там просторно, хоть и не темно, и даже на жилье похоже. Вроде, как стол и лежанка, а на столе, с краешку, стоит резная шкатулка. Желтая по красному, и словно лаком покрыта. Взял Трофим шкатулку в руки – тяжеленькая она – и вдруг видит – посветлело. Огляделся – нет больше пещеры, стоит он просто на туче, она все такая же зеленая. И верхушка дерева, с которой он слез, тоже в стороне виднеется.

Жутко стало Трофиму, а ну, как и вся туча как копна развеется. Поспешил он назад и снова уселся на ветках, ровно зверек лесной. А потом подумал немножко и стал через просвет в туче вниз спускаться. Шкатулку, конечно так при себе и держит, только рубаху с себя снял, котомку скрутил и сзади к поясу приторочил. Иначе, как с дерева слезешь? А находку бросать жалко. Ведь оставлять ее тоже некому, на туче пусто, хоть шаром покати. И скоро она, к тому же, или дождем прольется, или ветром развеется. Впрочем, Трофим уже до земли добрался, а туча все еще так и продолжала висеть на небе.

Шкатулка к досаде его оказалась наглухо запертой. Попробовал Трофим открыть ее крышку – не открывается крышка. Сколько ни пытался, и по дороге в деревню, и затем у себя дома – не идет, хоть плачь. Сел Трофим на лавку, призадумался. Слышит, дверь в его избу отворяется, видно дочка воротилась из дальней деревни. Ан нет – вошел в избу сосед Демьян. И сразу к шкатулке:

– Откуда такое диво?

– Да вот, взбирался на дерево, как ты присоветовал. Веток золотых не видал, уж не обессудь. Другой клад нашел.

Демьян даже задохнулся:

– Неужто и вправду нашел! И что в ней, в этой шкатулочке?

Трофим только головой покачал:

– Не знаю. Не открывается шкатулочка.

– Ключик подобрать надо. Я тебе, сосед, помогу. У меня разных ключей и ключиков – целая связка. Только дело это мешкотное, ключи подбирать, ночи не хватит, а ты и так, поди, устал, соседушка. Давай-ка лучше ее мне, а сам утром приходи. Глядишь – к тому времени что-то и получится.

А Трофим и впрямь притомился – дальше некуда. Махнул рукой – забирай с глаз долой – и завалился на лавку. Но едва прикорнул – снова в избе топочет кто-то, а уж и темнеть начинало. Глянул Трофим, ахнул. Стоит перед ним гость неслыханный. С виду господин, весь из себя суровый – усом черен, волосом черен, платьем – и тем черен.

Заговорил Суровый Господин, да таким голосом, что все задрожало:

– Как ты посмел, ничтожный, на небо забраться?! Верни шкатулку резную, если жить хочешь.

– Так нет ее сейчас, у Демьяна она. У него и забирай.

– И слушать не хочу! Ты ее брал, с тебя и спрос! Сроку тебе – один день. Буду завтра в этот же час. Не вернешь шкатулку в целости и сохранности – сам на себя пеняй. Пощады не жди!

Сказал и вышел, только его и видели.

Посидел немного Трофим, сон как рукой сняло. И побежал к Демьяну. Ночь-то о ту пору уж полную силу взяла, да еще на небе ни луны, ни звездочки. Все от края до края тучами затянуло.

Стучал, стучал в Демьянову избу, еле достучался. Обсказал все соседу без утайки. А сосед Демьян как ждал его.

– Плохо дело, Трофим. Не уйти тебе так легко от гнева Грозного Господина. Видно не из простых он людей. Одно, полагаю, здесь теперь сделать можно. Отправляйся ты полегоньку, пока тучи не ушли, опять на ту же гору. Как раз к утречку там будешь. И верни шкатулочку на ее старое место.

Согласился Трофим. Поблагодарил от души соседа за совет добрый. Вынес Демьян из дальнего чулана его шкатулку резную, уже и веревками для удобства перевязанную. Вскинул Трофим ее через плечо и отправился, как придется, благо – дорога до горы была с малых лет исхожена-изъезжена. А как помалу развиднелось кругом, был он уже у большого дерева. Взобрался по нему на тучу, огляделся – везде ровно да пусто. Ходил, ходил – никак не найдет места вчерашнего.

Делать нечего, решил он, уж оставлю шкатулку эту там, где придется. Снял с нее веревки ради красы прежней. Повертел шкатулку в руках, да и наклонил неосторожно. Крышка приоткрылась и выпал из шкатулки большой серый камень. И в тучу, как в воду канул. А больше в той шкатулке ничего и не было. Взяло тут Трофима сомнение, не подменил ли Демьян шкатулку. Вроде и тот же узор на ней, а вроде и не тот. И говорит себе Трофим:

– Та ли, не та у меня шкатулка, лучше уж ей теперь здесь лежать. А как спущусь, непременно дознаюсь у Демьяна, зачем он меня обманул. Так просто этого дела я не оставлю.

Смотрит, а верхушка дерева, что из тучи выступала, куда-то подевалась. Не знал Трофим, как послал Демьян следом за ним на гору двух могучих братьев-лесорубов. Дал им по монете золотой и наказал настрого свалить огромное дерево, что растет на горе. Мол – торчит оно без толку. Только свет застит и тучам на небе проплывать мешает. Поверили Де-

мьяну братья и свалили дерево.

Так и оказался Трофим на небе, выше самого высокого дерева, выше легких птиц летучих.

А Демьян и в самом деле подменил шкатулку. Да только проку из этого подмена немного вышло. Не поддалась шкатулка с небес ни ключам, ни топору, ни клещам раскаленным, ни углям горячим. Целый день промаялся Демьян, весь потом холодным изошел, а так и не открыл шкатулку.

Наступил вечер. Тучи грозовые на небе рассеялись, не пролив, как нарочно, ни капли дождя, солнце село за темный лес, зажглись первые звездочки. Вышел Демьян из старой кузни, что от деда досталась, унес шкатулку в дом и хорошенько дверь запер. Только слышит вдруг Демьян – застучало на крыльце, сам собой откинулся засов, и вошел в дом все тот же Господин Суровый – усом черен, волосом черен, платьем – и тем черен.

Заговорил Суровый Господин, да таким голосом, что посуда с полок попадала и пыль поднялась по всему дому:

– Что, презренный, хитрее всех быть хочешь? Только не по зубам тебе, видно, орешек попался. А нука, дай сюда сейчас же шкатулку резную, коли жизнь дорога.

Перепугался Демьян, но виду не подал:

– Помилуйте, Господин Суровый, не ошиблись ли вы домом? Ваша шкатулка у Трофима, а эта мне досталась от покойного батюшки.

Еще пуще огневался Суровый Господин:

– Да ты смеешь еще перечить Грому Небесному?

И взмахнул широким рукавом. Разом шкатулка резная прямо в руках у Демьяна в пыль рассыпалась, а к руке черного Господина метнулся Кнут Сверкающий. Взвил Господин кнут дугою огненной, и буйным пламенем полыхнула вся изба Демьянова…

На другой день вернулась домой Меланья – дочь Трофимова. Видит – у соседа и от дома, и от кузни одни трубы торчат. А родной ее дом, хоть и цел – пуст стоит. Вошла Меланья в дом, не знает, что и думать. Вдруг стук в окошко, и кто-то чумазый, прокопченный снаружи в избу заглядывает. Пригляделась Меланья, а это – сосед Демьян.

– Полюбуйся, Маланьюшка, что наделал родитель твой. Вздумалось ему на гору пойти, да на небо взобраться, разгневать Гром Небесный. Страшен он в гневе, Гром этот. Видишь и я ни за что попал, погорел весь, до последней крошки. А Трофима, так вообще – прямо на тучу закинуло.

Ахнула Меланья:

– Как на тучу?

– На тучу, на тучу, говорю верно. И что с ним теперь – не ведаю. Ты уж Маланьюшка приютила бы меня, хотя бы в хлеву.

– Почто ж в хлев, дядя Демьян, в холодные сени поди. В избу, извиняй, не пущу. Не было мне на то батюшкиного позволения. А не любо, так ступай себе, куда глаза глядят.

Ничего не сказал Демьян, юркнул в сени, словно мышь в щелку. А Меланья еще пуще закручинилась. Верно ли, неверно обсказал все Демьян-сосед, а отец ее, похоже, не вернется уже до дому. Только про небо, да про тучи – кто же поверит! Особенно, так Демьяну-завистнику. Верно одно, коли сгинул отец, лежит он сейчас бездыханный там же, на горе крутой.

И надумала Меланья идти назавтра на ту же гору, разыскать отца своего и придать честь-честью земле, пока не обглодали его тело звери лесные. Как надумала, так и сделала. Вот только дорога ей по неведению далась куда тяжелей, чем Трофиму. К позднему вечеру взобралась Меланья на гору, где лежало дерево огромное, неизвестно кем сваленное, да тут же и брошенное.

Присела девушка на одну из ветвей раскидистых и не знает, что делать дальше. Время для розыску уже позднее, скоро ночь наступит. А домой возвращаться – ладно, если к утру будешь. Здесь же, на горе, ночевать тоже вроде как не с руки. Но что поделаешь? Темнеет небо на глазах, впору уже и костер развести, коли уж здесь оставаться.

Только подумала, как предстал перед ней незнакомец – усом черен, волосом черен, платьем – и тем черен. Встал и смотрит глазами строгими, сам не шелохнется, только в правой руке длинный кнут, как живой извивается. Дрогнуло в страхе сердце девушки, сразу поняла Меланья, что это и есть Гром Небесный. Встала тогда Меланья, чуть приклонила голову, насмелилась, заговорила:

– Вечер вам добрый, Гром-батюшка. Чем служить прикажете вашей милости? Неужто и я перед вами виновата?

– Виновата, нет ли – это мне судить. Скажи лучше, дочерь человеческая, за каким делом и тебя занесло на эту гору на ночь глядя. Да не вздумай вилять, поймаю на лжи – не помилую!

Потупилась Меланья:

– Причина у меня одна – безвременная погибель отца моего. Как тело его сыщу, так и дело мое закончено будет.

– И это все?

– Все, батюшка.

Усмехнулся Гром Небесный, да так, что эхо по горе прокатилось.

– Понял я, о ком ты хлопочешь. Только не там ищешь. На небо ступай! Там, среди туч грозовых, болтается твой ничтожный папаша. Счастье его, что я застрял тут, на земле вашей. Ну, да не долго ему осталось гулять, вору бесстыжему.

– Смилуйся, Гром-батюшка! Да в семье нашей воровство испокон веку не водилось. Если и взял что отец мой, то только по неведенью! Головой поручусь за него, поклянусь, чем только пожелаешь.

Ничего не ответил Гром Небесный, призадумался крепко. В землю уставился, веками прикрыл очи свои грозные. И вот очнулся словно:

– Слушай внимательно, дочерь человеческая. Так и быть, назначаю тебе большое испытание. Выдержишь испытание – пощажу отца твоего ничтожного. Нет – ни тебе, ни ему не будет от меня пощады!

– В чем же оно, батюшка?!

– Не перебивай, презренная! Здесь вот, по этому дереву, можно было даже людишкам безумным

на небо подняться. Мог и я, когда мне вздумается, тайным образом на землю спуститься. Да нашлись те, кто свалил это дерево. Страшно они об этом сегодня пожалели, сгорели вместе со своей избенкой дырявой. Но не всё в моей власти! Вернуть дерево на место я не могу. Не могу без него и на небо подняться.

Суровый Господин умолк. Как ни хотелось Меланье спросить его, а что же дальше, она укрепилась и молчала.

– Есть и другие такие дерева в заморских странах, есть горы высокие. Путь к ним через моря и земли. А ближе всего отсюда – просто край земли вашей, где она сама с небом сходится. Только идти туда ногами, подобно вам, тварям земным, да еще ночами, и в год не управишься. Есть у меня и другой путь. Днем, пока светло, я становлюсь прозрачным и легким, как пушинка. Первый же хороший ветер домчал бы меня куда надо. Дня два или три – и я на небе. Останется перехватить любую тучу и вернуться сюда с первой же грозой. Но не унести меня ветру, пока в руках этот Кнут Сверкающий. Недаром я его в тучах оставлял. Все поняла, ничтожная?

Меланья осторожно кивнула:

– Догадываюсь Гром-батюшка. Сохраню я твой кнут, если прикажешь. Только, как же ты его у меня назад заберешь?

– Не твоя забота, дочерь человеческая. Мне только на небо попасть, а там и способ найдется. Довольно, больше ни о чем не спрашивай, пока я не прогневался по-настоящему! Все поняла? Брось вот сюда, к моим ногам, охапку хвороста!

Меланья кинулась, быстро наломала сучков и веток, которые посуше. Щелкнул по хворосту кнутом своим Гром Небесный – и вспыхнул пламенем хворост.

– Дождись здесь утра, глупая. Потом домой иди, а кнута моего, смотри, не встряхни где-нибудь ненароком, а пуще того – из рук и на миг не выпускай! Себе и другим беды наделаешь. А теперь оставайся и жди моего возвращения. Крепко жди!

И кнут, словно змея ползучая, завертелся в руках у Меланьи. Бился, бился, но потом успокоился и притих. Вздохнула облегченно девушка, глянула вокруг, а Грозного Господина как и не было.

А Трофим, как уже и было сказано, по злой воле Демьяна, соседа жадного, очутился в небе на грозовой туче. В страхе, в горьком унынии не смыкал он теперь глаз, хоть и тянуло крепко в сон после ночи бессонной. Невдомек было Трофиму, что без Грома Небесного с его Кнутом Сверкающим не ударит из тучи ни одна молния, а не будет молний, не прольется и дождя ни капельки. Значит, нечего Трофиму опасаться, что вместе с дождем и сам он с неба на землю брякнется, как сырая лепешка на горячую сковороду.

Ближе к вечеру, как солнце на закат заворачивать стало, все-таки не выдержал, задремал и уснул Трофим. Потом спохватился, глаза открыл и видит – остался от его тучи один клочок, с малую лужайку, и несется он по небу в неведомые края. Сообразил Трофим, что налетел пополудни откуда ни возьмись ветер, растрепал всю тучу, а клочки разогнал потом в разные стороны. Но скоро другое заметил Трофим – не ветер гонит по небу его тучку. Тянет ее вдаль будто бы пустая шкатулка, которую он по-прежнему в руках держит. Только теперь кажется рукам Трофимовым, что не шкатулку он держит, а вожжи. Так трепещет и дергается шкатулка, словно правит Трофим упряжкой лихих коней.

Долго ли, коротко ли – увидал Трофим вдали новую тучу. И не одну тучу даже, а словно целая их стая сбилась вместе, так что явилась в небе большая серая гора. Вот к этим тучам, сбившимся в гору, и приткнулась, как лодка, тучка Трофимова. Уразумел, конечно, Трофим, что не просто так проехался он по небу, а попал прямо к своему назначенному месту. Тому месту, откуда приходят в их края все грозы и тучи грозовые.

Делать нечего, встал на ноги Трофим и перешел полегоньку прямо на те тучи, что сбились в гору. Прошел по ним немного, потом как по лестнице вверх поднялся, там снова слегка огляделся.

Недолго пришлось Трофиму на все стороны головой вертеть. Вышла ему навстречу из-за пушистого облака степенная женщина, вся в серебре, жемчугах да красном золоте. Иным словом, одета так, что и царице будет впору. Ясно, так и подумал Трофим поначалу – встречает его в своем царстве сама небесная царица.

Поспешил в пояс поклониться Трофим:

– Низкий поклон вам, государыня, от земли нашей. Вот уж не думал никогда, что попаду в гости к самой небесной царице!

Женщина улыбнулась и покачала головой.

– Нет у нас в небе цариц, не над чем им царствовать. Ведь тучи наши не то, что ваша земля. Сегодня полнеба закрывает, а завтра – и нет ничего. Какое уж тут царство!

Трофим от таких слов как будто даже приободрился:

– Как же тогда вас величать прикажете?

– Это уж, гость дорогой, как самому будет угодно. Что хозяйка я здесь, это ты верно понял. И всех этих туч, и других, которые оторваться и уплыть успели. Хозяйка я и всех гроз, что над вашей землей проходят. А потому, хочешь, назови меня по-вашему – Небесной Барыней, а не нравится, так и быть, скажи просто – Тетушка Гроза. На том и поладим покуда. Или, может быть, еще что спросить захочешь?

Трофим только головой покачал:

– У нас так не принято, сударыня, гостю поперед хозяина расспросы учинять. Уж сначала вы поведайте, для чего я вам понадобился. Понадобился ведь, раз залучили меня сюда за тридевять земель.

– Всему свое время. Спервоначалу ответь мне, гость нежданый, не знаешь ли ты, куда подевался Гром Небесный? Или, может быть, сразу скажешь, как нам всем теперь без него обходиться? Нет Грома Небесного, а без него сейчас и грозы не гремят, и дожди не льют. Для неба нашего, если сказать всю правду, сам гром мо-

жет и ни к чему. Зато земле без дождя тяжко приходится. Не так ли, гость наш разлюбезный?

Помолчал Трофим, задумался. Как тут ответить, если сам и половины не уразумел.

– Не гневись, Матушка-Барыня, мудрены мне твои расспросы. Только вижу я – придется мне рассказать тебе обо всем, что со мной приключилось. Уж будь столь добра – выслушай.

И рассказал Трофим, про все, что было с ним, с самого начала. А когда закончил, добавил:

– Одно понял я теперь. Мой Господин Строгий и был тот самый Гром Небесный. И шкатулочка вот эта – стало быть, не его. Та, что его, так и осталась у Демьяна бесчестного. А эту Демьян откопал по своим сундукам, а то и с базара привез. Вот только не пойму я теперь, как могла она меня в ваше царство доставить. Или снова Демьян намудрил?

– Позволь-ка, Трофим, взглянуть и мне на эту шкатулку.

– Сделайте милость, сударыня.

Но лишь только попала шкатулка в белые ручки Небесной Барыни, как откуда-то издалека донеслись звуки загадочные. То ли хриплым смехом кто залился, то ли с треском протяжным расползлось пополам полотно тканое. Покачала головой Тетушка Гроза и сказала задумчиво:

– Снова ошибаешься ты, Трофим. Еще как ошибаешься! Шкатулка эта резная как раз из наших, небесных. Хоть и не та, что тебе в руки попала. Еще в стародавние времена унес ее обманом один человек. Вытряхнул из шкатулки все, что в ней было, наполнил ее жемчугом небесным и спустился на землю по уговору ложному. С тех пор перестал выпадать на землю град, но и грозы пошли тише и спокойнее. В грозу теперь только посверкивает, не бьют в землю молнии, хоть гром и гуляет по всему небу. Да и дождей с тех пор льется куда как меньше, а в иное лето бывает и засуха.

– Да, вот тут правда ваша, Матушка-Барыня. Старики говорят, прежде дождей лило не в пример больше. А если уж про град вспомнят...

Тетушка Гроза кивнула, и сразу рукой повела, остановила Трофима. Потом повернулась, отошла в сторонку, и увидел Трофим, как скрылась она в одной из туч, нависавших неподалеку. Снова остался Трофим один, да не долго пришлось ему дожидаться. Скоро вернулась хозяйка, но уже с другой стороны той же тучи.

– Держи, Трофим. Теперь она твоя. А лучше сказать, твоя, покуда домой не воротишься.

Трофим осторожно взял шкатулку, которая вновь потяжелела. Он сразу потянулся к крышке.

– Нет-нет! Здесь этого делать не смей. Только тогда откроешь, как увидишь под собой, внизу, крышу своего дома.

– Дома? Выходит, пора мне откланяться?

– Пора. Прощай, Трофим, и ровной тебе дороги.

– Вам тоже моя благодарность, барыня-матушка. Только спросить осмелюсь, а как мне все-таки на землю опуститься?

Тетушка Гроза засмеялась.

– Я же сказала тебе. Как доплывет тучка до твоей деревни – тут и открывай шкатулку, и все тебе будет. Но смотри, держи ее крепко, не урони. До самой земли из рук не выпускай.

Трофим кивнул.

– Что ж. Пусть сбудется все по-вашему.

– И еще запомни Трофим. Запомни самое главное. Если вдруг придет за этой шкатулкой Гром Небесный, отдай ее ему сразу. Не пытайся его обмануть и не жадничай. Пожадничаешь – больше потеряешь. А сделаешь, как я сказала – и вас, и нас из беды вызволишь.

Та же тучка домчала Трофима домой, да еще быстрее, чем уносила, доставила к самому солнечному закату. Не успел он оглянуться, как увидел сверху в последних лучах солнца родную деревню, речку, гору, дерево упавшее. Трудно описать, как же обрадовался Трофим. Быстро поднялся он на ноги, с трепетом открыл шкатулку заветную. Разом сверкнуло ослепительно в небесах вокруг, и предстал перед Трофимом красный Огненный Конь. Не сробел Трофим, вскочил на коня, тот описал круг над тучкой и понесся как с горки вниз. Прямо по воздуху!

В деревне жители, кому случилось выглянуть в окна, только ахнули – и тучка небольшая, с овчинку, а вдруг такая яркая молния! Давненько таких не видали. Дочка Трофима – Меланья тоже выбежала из избы, будто что-то ее толкнуло. И тут прямо перед Меланьей ударила с неба молния в самую середину двора. Пронесся грохот, как оглушительное конское ржание, и встал на дворе красный конь с огненной гривой. А с коня соскочил ее отец, целый и невредимый – волосы дыбом, борода торчком, да резная шкатулка под мышкой.

– Вот и я, доченька!

Трофим протянул дочери шкатулку, стал прихорашиваться, поправлять растрепанную бороду. Но тут Конь Огненный вдруг фыркнул паром из ноздрей, тряхнул гривой горящей, на дыбы поднялся. Шарахнулся Трофим в сторону, потянул за собой Меланью. Казалось, здесь бы им и конец, земля не небо, стопчет их враз копытами неукротимый конь небесный. Да только вспомнила Меланья про Сверкающий Кнут в ее руке. Поняла догадливая девушка, для кого он предназначен. Удар, и конь попятился прочь, еще удар – и совсем присмирел, опустил голову.

– Довольно, неразумная, коня погубишь!

Слова эти прогремели, как с неба. Мелькнула тень темная на дворе, Трофим только ахнул. И встал подле Коня Огненного сам Гром Небесный – усом черен, волосом черен, платьем – и тем черен.

Меланья же еще больше отца удивилась:

– Откуда ж тебя нелегкая принесла, Гром-батюшка? Ты же, никак, еще вчера в дальний путь собирался.

– Ветра нужного не было, дочерь человеческая. Ну, да теперь это и неважно. Верни-ка мне кнут мой, глупая, пока большей беды не наделала. Я ведь предупреждал тебя: береги его, да в дело не пускай! Одно тебе прощенье, что сберегла его, как и обещалось.

Но тут Трофим быстро отодвинул плечом Меланью в сторону и поднял с земли то, что велено ему было Небесной Барыней ни в коем случае из рук не выпускать.

– Погоди, доченька, речь сперва про мой долг, а не про твой. Пусть примет добром Строгий Господин вот эту резную шкатулочку. А кнут ему возвертать, так я такого слова не давал. Ладно ли будет, тебе да мне, в сей миг страшный без него оказаться?

– Нет, отец, вернуть кнут, это уже мое обещание! Мне и решать.

Услыша дерзкие слова Трофима, разом вспыхнул гневом Гром Небесный:

–Довольно вздор молоть! Быстро подайте мне сюда и кнут, и шкатулку. Хотите, чтобы я испепелил вас на месте, твари ничтожные?

Трофим остолбенел, только рот разинул. Но Меланья сама взяла у него шкатулку и протянула ее разом, с кнутом вместе:

– Выбери своей рукой, что тебе в первую голову любо и надобно, Гром-батюшка.

И схватил Гром Небесный первым делом Кнут Сверкающий. Правой рукой – за рукоять, и левой прихватил за самый кончик. Вскинул вверх, словно дугу ослепительную. Но не успел он еще развернуть плечи, как вскочила Меланья верхом на Коня Огненного и понеслась вверх, под облака.

– Стой! Назад! Верни коня! – загремело ей вслед. Махнул кнутом Гром Небесный, но Огненный Конь резвее оказался, унесся туда, где и достать – не достанешь.

Еще три раза хлестнул своим кнутом в небо Гром Небесный. И вдруг кнут выпал из его руки к ногам и затух, словно месяц, за облаком укрывшийся. А небо над головой загрохотало в ответ раскатами громового конского ржания. Сразу стало тихо. И в той тишине воскликнул Строгий Господин, хоть и оглушительно, но без гнева, простым человеческим голосом:

– Не оставляй меня без коня, Свет-Меланья. Сил больше нет моих, по земле бродить. Воротись быстрее! Твердое мое слово, худа тебе не сделаю.

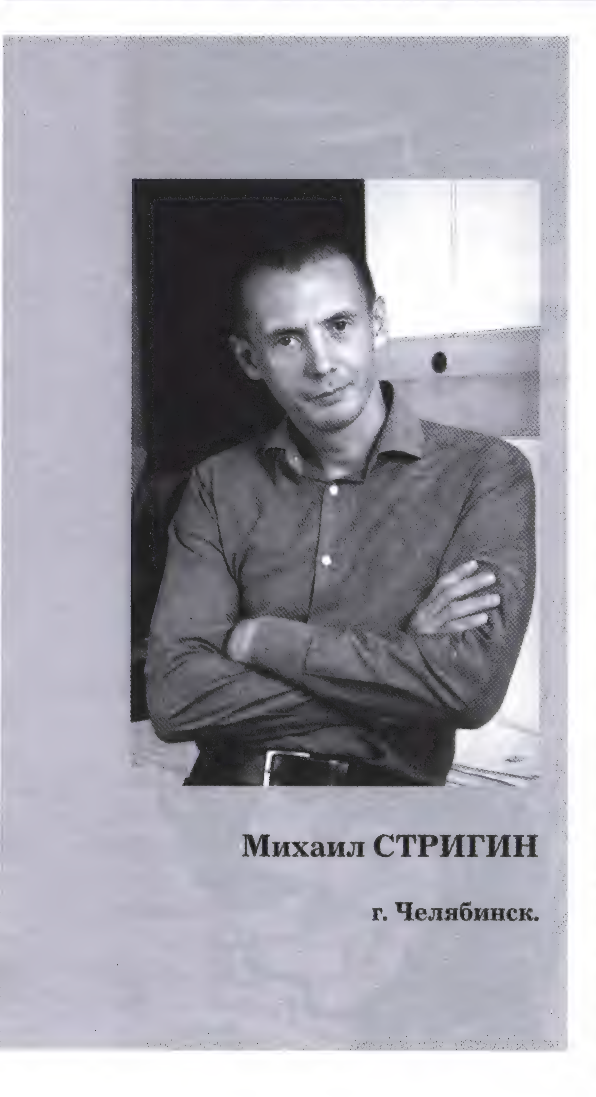
Неизвестно, как услышала его слова Меланьюшка, но вновь ударила в землю молния и появилась прямо перед Громом Небесным всадница на Огненном Коне. Взобрался на коня Черный Господин позади Меланьи, а догадливый Трофим тут же сунул в руку дочери погасший, но еще теплый, Кнут Сверкающий.

Только и увидел Трофим, как уносится в небо на Огненном Коне его дочь родная вместе со своим спутником, одетым в черное платье. Видно, только в этом и могло теперь заключаться для Трофима спасение от всех напастей. Ведь на тучи взбираться – оно выходит себе дороже. Похоже, что именно так и рассудила его дочь разумная.

На том и сказке конец...

Трофим, как и прежде, зажил в своем старом доме, но про нужду теперь и не вспоминает. Хоть и пашет, и сеет он по-прежнему, да только хлебушка теперь у него всегда вдоволь. Не поле у Трофима отныне – благодать земная. Когда надо – дождь его поливает, а когда надо – солнце освещает. Вдосталь поят его тучи небесные, вдосталь и теплу солнечному открывают. А всё дочь Трофима – Меланья, уж заботой своей она отца не оставляет. Хоть и живет теперь за облаками, и зовется не просто Меланья, а Меланья-Молния. Сам Гром Небесный верно ей служит и ходит у нее в подручных.

Демьян же погорелый так и прижился у Трофима работником, но держит себя теперь тихо, да все больше помалкивает. И только каждый раз прячется за хлевами и сараями, когда в самую длинную летнюю ночь, что к концу лета, спускаются с неба на своем коне Молния и Гром, чтобы погостить ночку, до зари, и повидаться с Трофимом.



Михаил СТРИГИН

г. Челябинск.

ДЕСЯТЬ МИНУТ

Стрелка проступила сквозь солнечные блики – наручные часы показали без двадцати семь. Всматривание в циферблат отвлекло от дороги. Ящерка выскользнула изпод башмака и грациозно утекла в траву. Дед на ходу проводил ее взглядом, улыбнувшись и порадовавшись за ее везучесть. В позапрошлом году он нечаянно раздавил такую же и целую неделю ходил сам не свой.

Йован медленно подымался в гору, оглядываясь, вспоминая о той трагедии и причитая: «Не зевай, жизнь очень быстрая штука. Не успеешь обернуться, а что-то в этой жизни уже не так. Вроде и дорога та, вроде и жасмин цветет так же, но вот тот куст начал сохнуть. Видать, какая-то бяка к корням присосалась. На хвост наступила», – Йован нахмурился и погрозил кому-то в кусты жасмина, которые словно арматура переплели небо и землю.

«А вот другая бяка», – Иован заметил трещину на асфальте: «Конечно, по сравнению с землетрясением – это мелочь. Тогда на хвост наступили целой стране, ладно до нас только отголоски той трагедии донеслись. Засохший жасмин тоже перестанет кому-то тень давать и побегут отголоски по траве», – Йован услышал справа работу газонокосилки, остановился, поставил на землю сумку, в которой было десять непроданных бутылок молока, перевел дух, а затем и взгляд с жасмина на прозрачный металлический забор новенького пятизвездочного отеля «Мираж»: «Или вот этот отель. Быстро его построили. Мы наш дом с отцом два года подымали. А тут пять четырехэтажных зданий за зиму выросли, бассейн наполнился, и зонтики, как пальмы, поднялись над шезлонгами».

За забором на лежаке возле бассейна громоздился волосатый мужчина в годах, похожий на крупного кота, сжимавший одной рукой высокий бокал с шампанским. Другой рукой он набирал номер на телефоне. Через секунду он уже оглашал окрестность властным басом. Йован прислушался, ему нравился русский язык:

– Сколько экскаваторов? Тридцать семь. Это хорошо. Доставка до Тюмени за наш счет. Сегодня же с банком свяжитесь, пусть к вечеру сделают банковскую гарантию. Тогда можно аванс просить, пятьдесят процентов. И пусть юрист Василий собирает вещички и завтра летит ко мне. Я думаю, он не против будет на пару дней в Черногорию слетать, – чеширская улыбка сжалась в тоненькую воронку, и «кот», отпив шампанского, всем телом подмигнул лежащей рядом томной красотке, которая подобно королевской кобре расправила боковые складки и хищнически поглощала мужчину взглядом. Ее бронзовая кожа переливалась на солнце волнами, которые двигались от кончиков пальцев до прекрасных глаз, неминуемо пробегая по всему телу и приоткрывая все тайны, заложенные в ней природой. «Кот» каким-то чудом отвлекся от девушки и заметил Йована и, поставив бокал, поднял руку и большой палец вверх, символизируя то, как ему хорошо. Йован тоже поднял руку и помахал в ответ. Десять непроданных бутылок молока, стоящие на земле, не позволили ему повторить жест и тоже поднять палец вверх – они напоминали о несбыточности желания Йована купить новое платье для жены. Но эти движенья соединили двух совершенно непохожих людей из разных миров.

«Наверно, хороший человек. С плохим не свяжется такая красавица. И русский язык мне нравится, он энергичный, вроде и похож на сербский, но резче, немного лающий. На таком языке командовать хорошо. Не такой как немецкий, конечно», – Йован промокнул платком пот на лбу и взвалил палку на плечо, на конце которой висела котомка с бутылками молока и контейнерами с сыром. Солнце уже распахнуло ворота своего стойла, задев краешком вершину горы, но неугомонно с жаром освещало предгорье. Йован расстался несколько сожалеющим взглядом с русским, когда увидел, как тот, поставив бокал, взял кусок зеленого французского сыра и словно фисташку отправил его в рот. Непроданный сыр давил к земле.

«Наш сыр вкуснее... Я его, конечно, понимаю. Так надежнее. Известное качество. Шезлонги, экскаваторы, сыр, температура воды – все единообразно, никаких неожиданностей. Новый век все уровнял. Двадцать лет назад внизу, в деревне продавалось двенадцать из пятнадцати бутылок

молока, и это был неважный день. Десять лет назад – уже десять, теперь, дай бог, продать пять. А таскаю всё те же пятнадцать бутылок. Козы меньше доиться не стали».

Йован сошел с асфальтовой дороги на грунтовую, выскочив из двадцать первого века в свой родной двадцатый. Соловьи, заливающиеся в соседней рощице, как будто сразу прибавили громкость. Хотя забор продолжался дальше, но строители посчитали бессмысленным продолжать асфальт выше – гости отеля туда не ходили или не доходили. Дорога резко взмывала вверх, как бы говоря:

– Слабо?

«За асфальт должен спасибо сказать отелю. А что-то язык не поворачивается. Сорок лет ношу вниз молоко, как дед умер, и суставы всегда были в порядке, а как асфальт положили, какие-то боли начались, для нежити он хорош – для автомобилей», – мысль замерла вместе с Йованом. Он весь превратился в зрение, рассматривая глубокий грунтовый рисунок, образовавшийся после дождя.

«Надо же. И здесь что-то новое. Не мог я раньше такого не заметить. Рисунок в точности напоминает линию жизни на правой руке моей Милянки. Сколько раз я разглаживал эту ладошку? Как не стер за пятьдесят лет природный рисунок? А как она пахнет, когда разотрет траву для чая! Уткнешься в нее носом и будто пролетишь над садом», – Йована словно куропатку подбил и вернул на землю громовой голос того же русского «тигра». Он не смог не обернуться, скинул палку с мешком на землю и остановился, с любопытством рассматривая диковинку.

– В смысле, теперь Василий работает на тебя? Что значит, он никуда не полетит? Что? Он занимается нашим с тобой разводом? Что? Ты ему предложила в два раза больше? – «тигр» проявил недюжинную прыть и соскочил с шезлонга.

– Каким разводом, Леночка? Ах, тебе прислали фотографии из Черногории, – он закрыл рукой телефон и обратился к «королевской кобре»:

– Ты выкладывала наши фото в сети? – не получив ответа, он понял по змеиным глазам, что ответ положительный, взревел, чуть не швырнул телефон в девушку, но видимо вспомнил, что там сейчас происходит очень важное и снова обратился к нему:

– И что ты собираешься делать? В смысле уже сделала? Я понял. Пошел.

«Тигр» сел, промахнувшись мимо шезлонга, еще раз взревел от боли, подскочил, снова сел и замолчал, превратившись снова в кота. Спустя несколько секунд продолжительностью в жизнь, он посмотрел на свою девушку взглядом змеелова. Она все поняла и не без грациозности начала собирать свои вещи. Русский, как факир, достал бутылку чего-то крепкого и наполнил им бокал из-под шампанского.

«Кто-то присосался к твоим корням», – Йован нахмурился. Фасад отеля стал темнее. Йован больно забросил палку на плечо, пошел и уже уходя, еще раз посмотрел на рисунок на грунте. Теперь он напоминал трещину, такую же трещину, которая сейчас бежала и разрывала мир этого «кота», трещину, которую породили то ли фотографии в инстаграм, то ли его глупость. Теперь мир этого русского уже навсегда будет обезображен глубокой трещиной.

«У всего свой масштаб», – трещина стояла перед глазами Йована. Ему вспомнилось землетрясение 1979 года, когда он приютил несколько беженцев из Котора. Они рассказывали про страшные трещины, пробежавшие по побережью и обезобразившие город, рассекшие его на до и после и преобразившие людей, живущих в нем. Их привезли на русском грузовике, и у них не было даже зубных щеток. Таких растерянных людей Йован не видел и во время войны в начале девяностых. В том памятном семьдесят девятом году единственный месяц в своей жизни он не спускался вниз продавать молоко – его просто всё выпивали.

Мысли утекали вниз вместе с забором. Вот уже виден его край. Дальше дорога уходит налево, огибает скалу и приводит прямо к крыльцу дома. Выше только горы. Йован поднял голову и увидел ласточек, радостно встречающих его, пикирующих, исполняющих немыслимые пируэты, неподвластные самым совершенным самолетам. И не успел он насладиться мыслью о скором возвращении домой, как снова услышал голос «кота». Йован обернулся, не планируя останавливаться, и не желая больше тратить времени на эту мыльную оперу. Красивой девушки не стало – она уже иссушивала другую жизнь, и смотреть было особенно не на что.

– В смысле, банк не дает гарантию? Они же всегда молились на нас? Что? Налоговая арестовала счета? Вычислили наши оффшорные дела? – «кот» вновь проворно вскочил, замер и сказал уже тише:

– Я, кажется, знаю, откуда у них информация, – слово «информация» только угадывалось по согласным звукам. В этот момент все вокруг стало серым – солнце зашло таки за гору и задернуло за собой шторы. Отель сжался до размера шезлонга.

– Это она, моя королева! – произнес он громко и четко. Йован почувствовал, как пространство проваливается в глотку «тигра-кота», словно в черную дыру, засасывая все пять четырехэтажных зданий, забор, бассейн и какой-то кусок самого Йована. После того как все было поглощено, тело русского осело и растеклось по кафельной плитке.

Часы показывали без десяти семь.

Официанты быстро подскочили к упавшему, взвалили его на шезлонг и унесли. Йован не помнил, как дошел до крыльца, и очнулся только когда Милянка, словно девчонка, выскочила из дома с новостью:

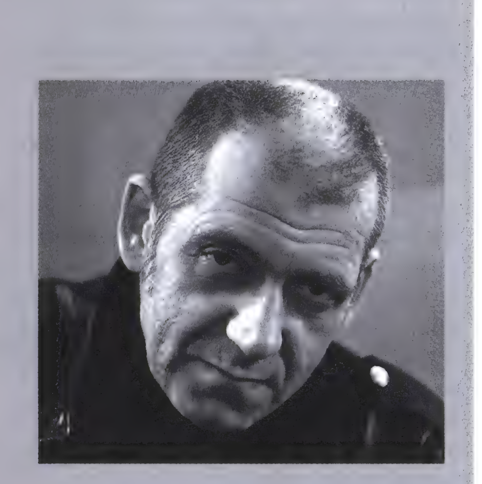
– Коза дала потомство! Пять козлят! Такого не бывало!

«Значит, теперь нести двадцать бутылок», – Йован, улыбнувшись, опустился на ступень и снова посмотрел на ласточек.

«Куплю я, пожалуй, не платье, а ткань, а Анастасия из деревни сошьет его. Небольшие, а перемены», – Миляна села рядышком, обняла Йована и вложила свою ладонь в его руку.

«А трещинка на ее ладони не разъединяет, а скрепляет».

«...ИЗ ИМЕН НАШИХ СОТКАН ГЕРБАРИЙ...»



Олег МИЧНИК (МОНАХ)

Квантовый лирик. Родился в Кишиневе в 1967-м году. Долгое время, с юности, жил один в пещере в горах, практикуя разные философские, религиозные восточные и западные учения. Треть жизни прожил в Санкт-Петербурге. Занимался беспризорными детьми. Треть жизни провел в Кишиневе, создавая Арт-клубы и пространства, театральные, литературные и музыкальные проекты. Остальное время жизни путешествовал, от Амстердама до Байкала и Восточных Саян и от Иерусалима до Санкт-Петербурга. Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Победитель Всероссийского Фестиваля Поэзии и мелодекламации «Петербургский Ангел». Избранные стихи были опубликованы в альманахе «Авангард и андеграунд новой литературы». Живет в Санкт-Петербурге.

АВТОБИОГРАФИЯ

рожденный моряком носил сутану
не пил спиртного (он любил марихуану)
цитировал не часто, но со вкусом
любимые места священных текстов
ночами пропадал в домах индусов
поэтому опаздывал на мессу
впоследствии имел приход
был монсеньором
слыл
бабником у мужиков
святым у женщин

пропал он по весне в начале марта
но через год опознан: был повешен
как капитан пиратского фрегата
и похоронен
как борец
за Веру...

ЗПТэ ТЧКа
(постук вагонных колес)

Нам приказано ждать
на путях запорошенных станций
где приливы огней
остывают в холодном окне
где молчим невпопад
и на желтых манжетах квитанций
отбиваем бессмысленный
ряд ТЧКа ЗПТэ

неподвижность колес
вплетена в позвоночник и ниже...
как минорный аккорд —
неподвижность берез за окном
нам приказано ждать
и уже не приказано выжить
и «летучая мышь»
под скрипучим скрипичным ключом
как хромой метроном
ветеран Золотого Сечения
в удушении мглы
испытает предсмертный экстаз
и погаснет навек
и уже не заставит в мучениях
асимметрией взгляда нарушить
симметрию глаз...

нам приказано ждать
мы уже не узнаем движения
трудно это понять
но труднее всего — изменить
но качнуло вагон...
и по мягкому телу скольжения
пробегает перрон
словно дрррожь... изгибается нить
двух дорог
двух туманных земных полушарий
бледный мальчик рассвет
по колено пропитан росой
нас конечно не ждут
из имен наших соткан гербарий
нам поспешно
прописан
отменный
посмертный
покой...

мы несемся вперед
на Восток — наугад — наудачу
встречный ветер несет
нам прохладу весенних дорог
сквозь немое стекло
и никак мы не сможем иначе
дотянуться до вас
сквозь услужливый вскользь некролог
мы остались лежать
на путях запорошенных станций
где приливы огней
застывают в размывах окна
где в поспешных стихах
на обрывках вчерашних квитанций
уместился один лишь
затакт
ЗПТэ
ТЧКа

СТАРЫЕ ТАНЦЫ

Мы старые танцы
Мы милые старые танцы
Порою смешные,
порою отточено-нежные
Но, только, смущаясь,
мы ловим улыбки небрежные
Все чаще и чаще...
Идут затяжные дожди...
Порою партнерами,
наших детей полусверстники
И мы, в своих па,
ради них совершаем диверсии
Но, в Юнга прогнозах,
от Неба поблажек не жди...
Мы так же стремительны
там, где стремиться положено

Мы так же безумны,
как сны запасных парашютов
И так доверительно
их обменяемся кольцами
При случае верного
несовпаденья маршрутов...

По дугам лекала движений отчаянно точных
Мы втайне стремимся вернуться к начальной позиции
И все предыдущее просто назвать репетицией
Вот только закончатся вечные наши дожди(сь)

Так сухо в глазах
И босыми ногами по гальке
Подходим мы к маме,
что с морем, как в детстве, прощается
Лицом к горизонту, но чувствуем, —
что улыбается, —
«Ты сбился... — начни все с начала, танцуй, — это жизнь...»

Мы старые танцы...
Мы милые старые танцы...
Порой контрданс,
но по сути всегда одинокие...
И Солнце,
в холодное море глубокое,

Прекрасный закат исполняет a la reverence

О›ГВИН И ВАН ГОГ

Наследник права цветопередачи
Абсент Чивава. Ствол. Мольберт.
Две кисти
Таким ты повстречал меня
Иначе:

Ave Duellum! — чистый арт! — на зло корысти...
Ты пишешь ночь
А я рассвет
Страдаем фугой...
Над Сен-Реми стотысяч звезд
Пред нами феи...
Не лучше ли сойти с ума
на пару с другом
Чем сдохнуть как Франсиско Гойя
— с гонореей...

Ты говоришь — есть нечто общее меж нами? —
В один, все трое родились, весенний день! — и? —
Особый тайный «Дар-Не-Бес» между ушами?!
— А я не верю! — ухо дам на отсечение!..

Грядет рассвет... Ты все угрюмее
И шепчешь
Что без религии тебе совсем херово
А я смеюсь — мне гладить против шерсти
Идею преклонения не ново...

Ирландский мед не перепутать с желчью
Желчь — слаще, друг, смех — для Ума полезней...
Ведь если сызмальства ты к докторам доверчив
То будешь до смерти лечиться от болезней

Давай плесну тебе, Винсент, еще абсента
Рука немеет, феи заскучали
Их изумрудность отражает свет как
Деленная на время изначальность...

Разделим же остаток нашей ночи
Напополам как братья по пентаклю
Увидим нашу магию воочию
Как первые лучи в последних каплях

С пяти углов не спятим мы ментально
Но сердцем целый мир переосмыслим
В движенье кисти отражусь в тебе зеркальным
Сном... На пшеничном поле с кипарисом...

Я выиграл. — Написана картина
Окончена дуэль. По уговору
Ее подпишешь ты... а я по-тихому
Зеленому как заводь коридору

Уйду за феями к пленительной свободе
Насыщенной свечением изумруда
И забытьем, иль чем-то в этом роде...
Но, помни, друг!.. — ты должен мне пол-уха...

* * *

глоток французского вина
звено японского бамбука
неповторимы как волна
просты как идеальность круга
древнее в мире нет черты
чем та что их объединяет —
они пронзительно чисты
в них Первый Миг Вселенной тает
до Бесконечности... и мы
едва коснувшись Тайны этой,
чуть пригубив — уже пьяны
опасной близостью Ответа...

ВОЛШЕБНИЦА ТАЛОГО СНЕГА

Волшебница Талого Снега
Его целовала запястья
Шептала о Танце Последнем
Молила о том в чем не властен
Никто... И Бессилия Нега
Сплетая озябшие пальцы
Шутя овладела Надеждой
Замерзшего насмерть скитальца

ВЫЧИТАНИЕ ДНЯ

тем кто ночью не спит
не дойти до финала
не стряхнуть с себя пыль
не соврать сгоряча
наливаю в стакан
то что ты загадала
и всеобщую быль
отсекаю сплеча

тень — от света... И смерть
лишь придумана теми
кто не знает любви
и не видит вранья
своего же И днем
покидая ступени
ночных восхождений
я встречаю тебя

балансируем долго
на грани рассвета...
как начало беседы —
двоеточье огня:

Так пойдем же сестра
искать братьев по свету
настоящему свету
полуночного дня...

мы бредем по ребру
онемевшей ладони
стеариновых свеч
иль иной кислоты
и в безмолвии глаз
наших сумрачно тонет
город в сумерках тонет
до ночной темноты

гриф графина изранен
осколком заката
он дрожит в предвкушенье
двух искусанных строк
отбивая по краю
стакана стаккато

в дот душевных сомнений
гранатовый сок

ЧЕРНЫЙ КЛОУН

в движениях Черного Клоуна есть

безмолвие птиц
печально
парящих
над желтою бездной
пустынь

где сплошной птицепад...
и любое желание как
растерзанный миф под когтями
реальности жажды
никто не хотел его
(клоун опасней убийц)

его наблюдали как танец
стремительных птиц
блестящих и черных
однажды
он станет движением кисти
вплетаясь
в недвижимость
лиц...

РЕЦЕПТ ЛЮБВИ В 12 СТРОК

посредством песни и огня
сварю луну в тумане дня

преподнесу любимой —
к гадалке не ходи мол —

нарежь на тысячу частей
и ешь их триста тридцать дней

по три неравных части
и будет тебе счастье

из остальных кусочков —
щепотки долек сочных —

сцеди по капле лунный сок
на тайны крохотный росток

ГРЕЧЕСКОЙ НОЧЬЮ

греческой ночью
незримо
неслышно
боги свои покидают
ниши
к ним наклоняясь
над гранью прилива

всходит луна...

в их отношениях
нежится тайна
и наблюдатель
случайный
отчаянно
губы кусая
от страсти
нечаянной

сходит с ума

LOVЦАМ ОТРАЖЕНИЙ

ежедневных мыслей
косая тень
что бросает мозг
на текущий день

в нас рисует незримый предел

и тот знак что нам
был к полудню дан
разгадали мы
лишь к закату дня

и теперь сидим не у дел

нам и спать не лечь
за порог — невмочь
лишь в руке тупой
перочинный меч

и в агонии так вся ночь

значит утром вновь
нам не взвесить «за»
не зайти за грань
не свести глаза

на свечу что твоя слеза

превращает в сонм
ледяных лучей

и как в горле ком
ты в потоке дней

и тверда в кулаке вода

СТАРАЯ ПОЧТА

о Кишиневе мне ль писать? —
о преисподне Бессарбской
где был согрет цыганской кастой —
Свободой в тысячу карат

еще не опустел стакан
а я уже марал тетрадку
и мой пятнадцатый аркан
насыщен был предчувствьем сладким

и кровь запретного плода
сочилась сквозь улыбку жизни
по озорным ее ногам
от зарождения до тризны

и трижды прокляты людьми
чадили бесы в центре зала
и средь цыганской голытьбы
меж ними Лярва танцевала

и я — как одержимый пел —
ревел ей пламенные оды
чернил кровавый тулбурел*
усы чертил на юной коже

и шестистопного коня
таврил иссине-черной лямбдой
и бледно-синего меня
он уносил из драки стадной

наутро... сквозь шелковиц синь
скитаясь в дебрях Старой Почты
я не прощения — а сил
просил у Духов прошлой ночи

и тридцать с третью лет спустя
бредя по тем же перекресткам
я встретил своего коня
чтоб смерть принять по праву тезки

но не признав при свете дня —
отпрянул гордо седогривый —
взглянул и молвил: чур меня! —
от седоков самолюбивых...

Хозяин мой — хмельной Поэт
Свободный от замашек рабских...

Похмелье. Старая тетрадь.
И райский воздух Бессарабский

*тулбурел — слегка забродивший виноградный сок

ПИТЕРСКАЯ ТЕТРАДЬ
(Северный Флигель Дворца)

чернила Мойки в вековых камнях
причудливо очерчивают профиль
немого города, где явный Ленинград
где тайный Петербург — смотри по кровле
считай по крови Пушкина родным
а проститутку с Невского — чужою
но ты пришпиленный на крепость Херувим
с воздетой к Небу левою рукою

ТРЕХЭТАЖНЫЕ ХРОНИКИ

четыре этажа. подъезд
читай: парадное
два шага до тепла и то
подспудно радует

код на подъезде взломан
здесь законы Питера
лишь те кто выжил... Как? — невесть —
твои со-Жители...

в подъезде юное мурло
и кособокое
гиперактивно прячет клей
мечта Набокова

на три пролета пролетар-
ский стиль и прения —
АзЪ Буки Веди тут не вы-
разят сомнения

в прихожей вещий эпатаж
конфликт исподнего...
наверно высший пилотаж
не видеть оного

не замечать не преступать
закон не писан здесь
на всем дознания печать
и способ выследить

но вот та дверь где ты живешь
скорей убежище
где неприкаянная ждет
любовь беспечная

не от вопросов: «ты принес?»
не в оправдание
чеку срываешь — и в разнос!
все мироздание

четыре этажа всего
а ты на паперти —
как не послать здесь вся и всё
к такой-то матери?..

код на подъезде взломан в Рай
и Петр валяется
переступают все его —
где тут покаяться?..

ГОРНОСТАЕВОЕ

шаг за шагом
улыбаясь
не настаивая
смерть идет
в кафтане горностаевом
следом за тобою
тенью в след
и о ней не скажешь —
эко лихо! —
так близко ее дыхание и тихо
на незаданный вопрос
немой ответ

*
милым обликом
приятными манерами
не торопит
не наводит масти серые
словно в позабытом детском сне
и незвано так
и в общем-то негаданно
веет от нее альфамонадами
и тирадами на древнем языке...

*
а на мне засалена рубаха
не пойму ни слова кроме мата
— эй, отстань! — засрешь свой горно-
стай...
а она тихонечко смеется —
что ты, солнышко мое, найдется ль —
столь неубиваемая ткань?..
пошутила... аж мороз по коже
я ей — слушай, милая, негоже
так над смертными смеяться
вот-те-крест
коли б мы махнулися местами
ты бы ощутила как вдруг станет
мысль о смерти —
страхов арабесками

*
поменялись... и теперь за вами
в снежно-горностаевом кафтане
тень идет тихонько
это — я
вы не думайте — я в общем не настаиваю
но однажды думаю вы сами
в середине — скажем — октября

обернетесь и отбросив лихо
так что станет в Мире очень тихо
и замрет извечная Игра
сбросите последнюю рубаху
и взаправду словно бы на плаху
тихо скажете — мне кажется
пора...

СИМФОНИЗМ

а я снедаю себя поедом
пью водку слушаю бетховена
и выгляжу обеспокоенным
сквозь жизни едкий симфонизм

но не поймите меня правильно —
вселенная давно отравлена
сама собою... и проявлена
как женский утренний каприз

но мне последнее не близко
пью виски слушаю Стравинского
и не почту наш Мир единственным
во всем параде бытия...

и если б вдруг в пылу случайного
я встретил инопланетянина
не делая из жизни тайну
спросил бы прямо: Как твоя?..

а он расплакался б возможно
и выпив эликсиру звездного
со мной и с кем-то неопознанным
(Вселенский принцип: На Троих!)

врубил бы «Сон Созвездья Лебедя»
и в нашей странной интермедии
нашли приют бы в википедии:
гараж для блюдц летающих

но в нашей яви беспрестанной
коньяк фигячу под бренстайна
литературные дизайны
преподаю иным перстам

стебусь над грязью феминизЬма
под маникюром катаклизмы
но в тон вопросам: чем ты счастлив был?
— ах, это я придумал сам

КЛАВИР (ЧИЖИКУ)

я знаю Чижик что ты бросил пить
после бесед со мною... иль спонтанно
не требую подробностей... — но странно —
по крайней мере — мог предупредить...

нас было трое — классика — не спорь
ты, я, луна и нечто между нами
что не озвучивается всуе... как пароль
иль тайный символ сложенный перстами...

не о пернатых будет сказано, увы...
но ты не злись — сиречь —
не щелкай клювом
итак к мостам привязанные львы
прохожим питерским нудят что ты безумен

они завидуют тебе как киноварь
пенициллину в случаях известных
сто лет в обед уж будет... но как встарь
о них никто не складывает песни...

А о тебе напротив — каждый день
касающийся клавиш фортепиано
по детскости своей иль просто спьяну
играет «чижика» — и, знаешь, верь-не верь

приносит счастье это всем! и странно
что ты все это хочешь прекратить... —
скажи мне Чиж, — зачем ты бросил пить?
ведь это — прямо скажем — не гуманно

по отношению к народу а народ
чай вырос не на песнях Беранже
послушай Чиж, — ты наш культурный код!
ты наше свято — ми до ми до фа ми ре

а посему — я возвращусь домой
налью тебе и мы в порядке бреда
затянем Чижика над лунною рекой
а тем кто против — до ре ми до ре до...

ХОЛОД ЧЕСТИ

холод — это что-то
вроде чести
мрешь, дрожишь —
но твердо стой на месте

и держи по ветру ватерпас

только Бог создал тебе защиту
словно на тебя она пошита

твое тело — данное на раз

а внутри бушует непогода
мыслей чувств предчувствий
смертный шквал
кто же дал ей Имярек — «Природа»? —
будто он при родах побывал...

и под стать такому многоборью —
где судьба не сводит счеты с кровью
а крошит наотмашь все окрест —

этот жуткий холод
взглядов встречных

льдом осколочным
и разрывной картечью

всех бродяг срывает
с теплых мест...

и опять дорога в ритм сердцу:
наша вера — потайная дверца
там вдали куда мы держим путь

вечный холод
и один из тысяч
нищих духом
пойманный с поличным

раньше времени стараюсь не уснуть

ПИТЕР

босыми ногами
на теплом асфальте
стою

шершавые мысли
и бешенный сердца
аллюр

за ретушью снов
и ободранных детских
колен

во внутренней лодке
пробоина памяти
крен

немыслимо плавны
все чувства и только
печаль

дает как в бинокль
театральный себя
различать

за рамой тускнеющих
самых прекрасных
картин

на теплом асфальте
босыми ступнями
один

в метущемся воздухе
голос: сынишка
домой

и хлопанье крыльев
незримых. наверно
за мной

СМЕРТЬ СПАЛЬНОГО РАЙОНА

соседи по зданию по месту создания
живущие в крупнопанельном соитии
дети ждут смерти своих же родителей
и дальше не знают как быть с ожиданием

боль не уходит с годами и таинство
жизни пропитанной спиртом и кровью
боль превращает в банальный знак
равенства
меж изнасилованьем и любовью

в этих пространствах погрязли навеки
мертворожденные бунины-ойстрахи
а на углу продают чебуреки...
новая страсть... базарного свойства

жаль что убрали трамваи... их постуком
жизнь метрономила время пределы
в этих скорей не проспектах а прочерках
дети ждут смерти.. в общем и целом

СЧЕТ

Однажды жизнь предъявит счет
Простой как белый лист бумаги...
И это все изменит от
И до в руке лежащей шпаги...

И будет верен каждый шаг
В ретроспективе всех ошибок
Как ты с судьбой играл в трик-трак
И в спорах был не очень гибок

Как много врал... Как часто мог
Во избежанье неудобства
Нажать поспешно на курок
Признав духовное банкротство

«...За сто лет, прошедших со времени боев на Мостовском фронте, отечественные историки Гражданской войны практически не уделяли этим событиям никакого внимания. В вышедшей в 1978 г. книге о боевом пути 1-го Рабоче-Крестьянского полка боям на Мостовском фронте было уделено неполных пятьдесят строк с общими словами и выдуманными подробностями. Также общими словами упоминается о боях в этом районе в работе краеведа В.М.Бесовой по истории села Черемисское, которая вышла в 1997 г. В мемуарной литературе эти события не получили никакого отражения, и таким образом бои августа – сентября 1918 г. на Мостовском фронте надолго оказались забыты...

...Материал собирался медленно, его было очень мало, и только с помощью чехов удалось привести найденные отрывки в какую-то систему. Настоящее исследование основано, в первую очередь, на документах о действиях войск Северо-Уральского фронта, которые были любезно предоставлены военным историком Иржи Харфрайтагом, а также на опубликованных чешских хрониках и полковых историях, которые подарил историк Бернард Пануш. Разрозненные материалы о действиях русских белых и красных войск на Мостовском фронте удалось найти в фондах Российского государственного военного архива, а некоторые воспоминания сохранились в фондах Центра документации общественных организаций Свердловской области и в Государственном архиве административных органов Свердловской области. Благодарю своих товарищей и коллег по военно-историческим клубам, всех работников архивов и библиотек, и особо – своих жену и дочь за помощь в создании этой книги...»

Александр Кручинин.

«ЗАКРУЧЕНЫ В СПИРАЛЬ ДОБРА И ЗЛА...»

Юлия СТАДНИК

Родилась 1 ноября 1987 в городе Обнинске, Калужской области. Отец – математик, кандидат премии Ленинского комсомола, мать – патентовед. Окончила МГУ им. М.В.Ломоносова. Хобби: поэзия, театр, музыка. Училась у педагогов из мастерской Дм. Брусникина. Играю в театре (арт-группа «Театр жизни», молодежный театр Вячеслава Спесивцева). Играла на скрипке в оркестре Бориса Красильникова. Соучредитель общественной организации «За безопасный город», развивающей социальную рекламу в России. Увлекаюсь визуализацией поэзии.

СЦЕНА ЖИЗНИ

Подмостки жизни. Вечная игра
На сцене, где всегда идет премьера.
Закручены в спираль добра и зла
Извечные любовь, надежда, вера.

Ваш выход, господа! Чуть-чуть смелей!
Забудьте, что участвуете в драме!
Вам что, не нравится игра теней?
Мы все — актеры в этом балагане.

Здесь ложь цинична и печален смех,
И слишком много величин условных,
И лезет нищета из всех прорех,
И нет надежды изменить сословье;

И кто-то любит, кто-то предает,
И надобно назвать кого-то трусом...
...Перед глазами наша жизнь идет,
Идет премьера. Только в зале пусто.

***

Те, кто не видел алевших рун,
Плывших к излету дня,
Те, кто не слышал плачущих струн, —
Вряд ли поймут меня.

Кружатся звуки. По граням стен
Тени теней скользят.
В истинном виде, во всей красе
Входит само НЕЛЬЗЯ.

Не изменяя сути своей,
Можно ль его принять?
Нужно всего лишь забыть друзей
И научиться лгать.

Тем, кто продался за медный грош,
Можно ль себя простить?
Горькая правда и злая ложь
Падают из горсти.

Падают — пеплом сгоревших дней,
Шорохами шагов,
Чтобы засыпать дела людей
Звоном колоколов.

***

Сравни себя с героями из книг,
Узнай себя в одном из персонажей.
Быть может, идеал — седой старик
Со скипетром, чей взор суров и важен.

Или девчонка, что в последний миг
Решила совершить побег отважный
С любимым вместе. Средь презренья граждан
Права — она! И счастлив, кто постиг

Цель жизни и свое предназначенье
Не в книге, а в реальном воплощенье.
Кто понял суть пришествия сюда,

На эту землю, чтоб среди лишений,
Мечтаний и мучительных сомнений
Добру остаться верным навсегда.

ПЫЛЬ

Приносит радость только то,
Что проглотилось, отболело,
Что светлой нежностью святой
Вдруг тронет душу, тронет тело.

Перевернет, перетрясет
От каждодневной лжи и скуки,
Из серых будней унесет,
Возьмет у смерти на поруки.

А мы бредем по бытию,
Вершим невзрачные поступки,
И распыляем жизнь свою,
Толчем ее в житейской ступке.

Кристаллы чувств, ничтожность дел
Низводим до громадной пыли.
А после — ветер налетел,
Взметнул ее, и ... нас забыли.

***

Под выцветшим небом из серого шелка
Змеилась дорога, леса рассекая.
Дорога людей разлучает надолго
И тихо смеется, во что-то играя.

Машины-игрушки бегут бесконечно,
Считая до цели своей повороты...
Кого принимая, кого-то калеча,
Дорога свои составляет расчеты:

Кому-то налево, кому-то направо,
Кому-то сгореть, не доехав до цели...
А я не хочу новой жертвы кровавой!
Уж лучше разлука, чем мертвое тело.

Уж лучше разлука, да дни ожиданья,
Соленые слезы в минуты бессилья,

Чем миг откровенного горького знанья
Того, что дорога игрушку разбила.

...И все ж я просила о встрече заветной,
Но слово мольбы с километрами смолкло...
...Лежала дорога спокойною лентой
Под выцветшим небом из серого шелка.

***

«Только змеи сбрасывают кожу,
Мы меняем души, не тела».
Н.Гумилев

Прав был тот, кого люблю я с детства:
«Мы меняем души, не тела».
Я свою сменю не из кокетства,
Не за тем, чтобы не помнить зла,

А затем, чтоб свет моей Вселенной
Не манил шагающих во тьму.
Мир души, не вставшей на колени,
Не позволю рушить никому!

Но под хрупкой бренной оболочкой
Больше не найдете вы тепла —
Добрым чувствам отпуск дан бессрочный...
«Мы меняем души, не тела».

***

Весна позабыла приличья, придя в этот город,
Очистив внезапно безжалостный неба простор.
Деревья с ручьями ведут деловой разговор
И падает жирными комьями зимняя копоть.

И тают снега, опьяняясь губительной негой,
И новая жизнь познает окружающий мир,
И вновь начинается красок безудержный пир,
А белым укрытая стужа уходит бесследно.

Вдохнуть полной грудью! — пока еще это возможно,
Пока синева не застыла в стеклянных зрачках,
Пока вдохновенье внутри, а не режущий страх,
Пока твою память хоть что-то под солнцем тревожит.

***

Что-то было не так, когда ночь опускалась на город.
Вроде — все как обычно, и свет зажигался в домах,
Только ветром свистел в проводах то ли страх, то ли холод,
Только яркие странные вещи являлись во снах.

Что-то было не так, когда утро взорвалось рассветом
И туман над рекой изогнулся белесой змеей...
Вроде все как обычно, но кто-то на поиски лета
Отправляется вновь, словно рыцарь выходит на бой.

Что-то было не так, когда день разгорелся как пламя,
Когда яростный свет ослепил в перекрестье дорог...
...Человек шел туда, где надеждой прекрасное манит,
Только он почему-то забыл, что на свете есть Бог...

***

Стихи не лгут! Они пророчат,
Их называют «Божий дар»,
Они уверенно и точно
Собою отразят удар,
Что друг направил точно в спину.
...И боль уйдет с потоком строк...
Стихи накажут за гордыню
И за любой иной порок,
Они восславят и низложат,
Раскроют правду и обман...
И потому зовет их ложью
Судья поэта графоман.

***

Мы встретимся очень скоро,
Вот только придут капели,
И снова родятся листья,
И станет короткой ночь...

Мы встретимся очень скоро!
...А с неба падают звезды,
Холодные, как снежинки
На елке под Рождество.
Дожди умывают землю.

Мы встретимся очень скоро:
Вот школу закончат дети
И бал пройдет выпускной...
...Я знаю, что так и будет,

Мы встретимся очень скоро,
Вот только — совсем седые
И с палочками в руках.

***

Я живу без тебя, отказавшись от чуда,
Сдав позиции сразу, без долгой борьбы.
Время холодом зимним мне память остудит
И снегами засыплет капризы Судьбы.
Это горько и страшно, но так будет лучше.
Я живу без тебя, растеряв даже сны,
И сомнения больше ночами не мучат:
Все печали и радости стали равны.
Эту грустную повесть с известной развязкой
Я читаю по линиям левой руки...
Я живу без тебя! Это быль, а не сказка.
Ничего не изменишь, мы так далеки.

***

Я говорю... слова уносит ветер,
Играя ими в зелени аллей.
И их не возвратить, покуда светел
Тягучий день, что вечности длинней.
Я говорю тебе... а ночь бесшумно
Крадет мой голос мерно, не спеша,
Чтоб звезды загорались в полнолунье.
Ведь слово — это чья-нибудь душа.
Услышь меня! Ведь не пропали звуки,
Они все так же нежно горячи.
Они — с ночного неба в час разлуки
Моих признаний тонкие лучи.

***

Страницы открытой книги.
Чьи судьбы сплелись в клубок?
Какую еще интригу
Измыслил жестокий рок?
А буква бежит за буквой.
Возможно, благая весть...
...Хватило одной минуты
Понять: не смогу прочесть.

ВЕНКИ СОНЕТОВ

КАК ПИШУТСЯ СТИХИ

1
«Как пишутся стихи?» — звучит вопрос.
Мне задают его не только дети.
Но очень сложно на него ответить,
Особенно без шуточек, всерьез.

Ведь мостовую лепестками роз
Мне не мостили, тернии повсюду.
Но я писать хочу, могу и буду,
Раз этот дар Господь мне преподнес.

Я чувствую в груди биенье рифм,
А разум подбирает нужный ритм,
Размер; следит за точностью названий.

Стою на сцене. Давит тишина.
Мой микрофон дрожит. Но я должна
Все рассказать обычными словами.

2
Все рассказать обычными словами
О том, где рифм скрывается исток
И где искать его, раз он далек,
Трудней, чем управлять своими снами.

Но если развести года руками
И в прошлое далекое взглянуть,
То можно разглядеть искомый путь,
Проложенный бессмертными стихами.

Кто выбран им? По сумрачным векам
К кому ведет он? Ляжет к чьим ногам?
Кому дано над белыми листами

Сквозь призму лет вещей увидеть суть?
Строка — дорога. На нее шагнуть
Я попытаюсь. Посмотрите сами.

3
Я попытаюсь. Посмотрите сами:
Он нелегко дается, первый шаг.
За мной следят сейчас и друг, и враг,
И муза с опаленными крылами.

А путь уже пролег под облаками,
И где-то ждет оседланный Пегас...
Я оглянусь назад в последний раз,
Прощаясь... И несмелыми шагами —

В иную круговерть. Там даже слово,
Внезапно наполняясь смыслом новым,
Вонзается не в тело — прямо в мозг.

Но как словами же бороться с болью?
Ответов нет. Я понимаю только,
Как этот труд мучительно непрост.

4
Как этот труд мучительно непрост —
Найти слова, что сердце растревожат,
По телу пробегут горячей дрожью
И от души к душе воздвигнут мост.

Наверно, это свыше мне далось:
Кружились чувства в пестром хороводе
Мозаикой разбитой. Только, вроде,
Название для каждого нашлось.

Ведь много лет копились по крупицам
Те мысли, что теперь подобно птицам
Летят с пера в жару или в мороз,

И в час любой зову я их на помощь.
И в яркий полдень, и в немую полночь
Звучит строка раскатом первых гроз.

5
Звучит строка раскатом первых гроз,
Разбив собой незримые оковы.
Все правильно: «Вначале было Слово»,
И вырастало слово как колосс.

Оно могло создать сиянье рос —
И создавало. И — не только это:
Родился мир, и движутся планеты,
И светят в небе мириады звезд.

...То было раньше, на заре времен,
И словом был сам воздух напоен...
Мне не под силу повторить былое.

Ведь лишь одно из многих тысяч слов
В себе скрывает холод ледников
Или ласкает теплою волною.

6
Или ласкает теплою волною,
Или тисками сдавливает грудь,
Но очень часто не дает уснуть
Слагать стихи желанье роковое.

Легко писать, когда живешь весною,
И ярко синий чистый небосвод
Ни бурь не предвещает, ни невзгод,
А только — радость, счастие земное.

А если в клетке осени живешь,
Когда вокруг сплошной обман и ложь?
Что ж, и тогда стихи спешат на волю —

И погибают, не увидев дня...
И только Муза не умрет моя,
Она должна! Все время быть живою.

7
Она должна все время быть живою,
Моя строка, единственный мой друг,
Когда меняет облик все вокруг
И в жилах кровь становится водою;

Когда не виден свет над головою,
Когда — среди толпы — всегда одна,
Когда на части рвется тишина,
А разум просит смертного покоя, —

Моя строка меня обнимет нежно,
Растопит беспокойства холод снежный,
Расправит прядку спутанных волос,

Погладит по плечу и обнадежит...
Она меня поддержит. И поможет
Пройти врата и радости, и слез.

8
Пройти врата и радости и слез,
Чтоб рассказать — вот главная задача.
Я просто не могу писать иначе,
Стихи — река. Стремнина или плес, —

Мне плыть туда, где под рукой слилось
Расплавленное золото закатов,
И храп коней, и черный стяг пиратов,
И тихий шепот тоненьких берез.

Звучит ли в ней тревожный шаг дуэлей
Иль песня матери над колыбелью,
Иль чем-нибудь другим она полна,

Я просто так строку писать не смею.
Какая-то должна в ней быть идея,
К чему-то призывать она должна.

9
К чему-то призывать она должна,
Моя строка. Иначе — все не нужно.
И музыке со мною будет скучно.
И будет ждать гитарная струна,

Когда, очнувшись от объятий сна,
Бумагу приласкаю с чувством новым
И напишу приснившееся слово.
Осколками взорвется тишина...

Гитара, пой! Рука ладов коснется
С сомненьем. Но уже к восходу солнца
Нелепая молчанья пелена

Развеется. Ведь песня зазвучала,
Чтоб изнутри сжигать мои печали
И опьянять рассудок без вина.

10
И опьянять рассудок без вина,
И славить тех, кто этого достоин,
И наважденьем быть, и чьим-то горем —
Дорога у стихов всегда одна.

Я кубок жизни, выпитый до дна,
Отдам потомкам. Пусть наполнят снова.
Пусть песней отзовется мое слово
Иль фразой, что как слезы солона.

Стихи — весы для правды и для зла.
И рифма не единожды спасла
Меня и мою веру в то, что свято...

Доверить душу страшно тем весам.
Но кто доверил — пусть решает сам,
Быть другом или же врагом заклятым.

11
Быть другом или же врагом заклятым.
Здесь середины просто не дано.
Стихи — рисунок кровью на панно,
К ним трудно относиться непредвзято.

Кому забава, а кому — расплата
За то, что по-иному видят мир
И уклонились от жестоких игр,
И руку не смогли поднять на брата.

И тот, кого стихи, как бритва, ранят,
На службу злу свою направит память,
Стать ревностным гонителем решив.

Он заглушает тихий голос свыше:
«Не надо предавать того, кто пишет
Карминными чернилами души».

12
Карминными чернилами души,
Составленными из переживаний
И философских наименований,
От веку непригодными для лжи,

Мне суждено писать. Отброшен щит,
Которым прикрывалась я сначала.
Мне было плохо, если я молчала,
Не помогали лучшие врачи.

А слово стало знахарем искусным,
Оно дало покой усталым чувствам.
Пред словом отступили миражи...

Для боли — только тело уязвимо.
(А жить порою так невыносимо!)
Рисую буквы, и рука дрожит.

13
Рисую буквы, и рука дрожит:
Ложатся на бумагу предсказанья.
И лучше бы остаться мне в незнаньи,
Чем знать, что вновь никто не защитит.

Но фраза, что в задумчивой ночи
С пера скатилась, — со стилетом схожа.
Я ею нанесу удар. Но — позже,
Когда к истокам творчества ключи

Собой отяжелят мою ладонь,
Когда Пегас, крылатый верный конь,
Умчит меня к вершинам безвозвратно.

Мои стихи-пророчества не лгут
И будто сами по себе живут.
И мне самой так много непонятно.

14
И мне самой так много непонятно:
Ведь я — как все. Такой же человек.
Я ем и сплю. За свой недолгий век
На шкуре на своей весьма наглядно

Познала боль и горечь от утраты,
Зло от бессилья... Почему ж сейчас
Перо и лист дороже, чем алмаз?
Да потому, что сочинять — приятно,

И будет преступлением молчанье.
Рифмуются сомненья и признанья,
Надежды и грядущего прогноз...

Мои стихи ведут меня на сцену.
Но каждый раз из зала непременно:
«Как пишутся стихи?» — звучит вопрос.

15
«Как пишутся стихи?» — звучит вопрос.
Все рассказать обычными словами
Я попытаюсь. Посмотрите сами,
Как этот труд мучительно непрост.

Звучит строка раскатом первых гроз
Или ласкает теплою волною, —
Она должна все время быть живою,
Пройти врата и радости, и слез.

К чему-то призывать она должна
И опьянять рассудок без вина,
Быть другом или же врагом заклятым.

Карминными чернилами души
Рисую буквы, и рука дрожит,
И мне самой так много непонятно.

ВЕНОК СОНЕТОВ № 5

1
И снова синева над головой.
Всмотрись в нее, пронзенную лучами,
И — унесутся прочь твои печали.
Дружить не надо с облачной тоской.

А ясный день мне говорит: «Постой,
Зачем грустить? Не лучше ли поверить,
Что скоро сказка постучится в двери
И навсегда останется с тобой?»

Не верить в это было бы грешно.
Пока за тучи солнце не зашло,
Могу я стать свободной попытаться?

Тайком взмахну невидимым крылом...
И надо мной, как в детстве золотом,
Безоблачное чистое пространство.

2
Безоблачное чистое пространство,
Огромное, куда ни кинешь взор.
Везде такая ширь, такой простор,
Что забываешь ритмы декаданса.

И птицей в небе хочется остаться,
И над безумным миром свой полет
Продолжить. И кричать: «Весна идет!»,
Забыв, что снег кружится в первом танце

И падает на землю с высоты
Желанной, но несбывшейся, мечты
На пестроту осеннего пасьянса...

...Но голубое превратилось в медь,
А под моей стопой — земная твердь,
Она вселяет веру в постоянство.

3
Она вселяет веру в постоянство,
Моя земля. На ней оставить след
Хотелось бы. Не отменяли смерть,
И все должно когда-нибудь кончаться.

...Вот вдохновенье. Странное богатство —
Оно само придет, само уйдет;
Его карманный вор не украдет;
Его лелеют или губят пьянством, —

Оно откуда? Из какой Вселенной?
Рукою чьею брошено на землю?
Оно живет под солнцем и луной,

Оно тревожит сонное сознанье,
Не зная, что такое расстоянье,
И сохраняет чей-нибудь покой.

4
И сохраняет чей-нибудь покой,
И заставляет думать о прекрасном
Мир вокруг нас, такой разнообразный,
Такой изменчивый, такой родной.

Хочу потрогать облака рукой,
Хочу познать все таинства природы...
В сияньи голубого небосвода
Жизнь кажется немножечко иной:

Светлее, чище, лучше и добрее.
...Закатный алый стяг над миром реет,
Скрывая, что содеял род людской.

Не переполнить бы терпенья чашу!
Она одна у нас, планета наша!
Одна для всех. И летом, и зимой.

5
Одна для всех и летом, и зимой
Небес высоких краска голубая.
Она по солнечным лучам стекает
И темной отражается водой.

Полна какой-то силы колдовской,
Она к себе притягивает взгляды.
Она то далеко, то снова рядом.
При случае коснись ее рукой,

Войди в нее, как гость заходит в дом:
Перед тобой весь мир лежит ковром
И пониманья и защиты просит,

И Бесконечность ближе и нежней.
Как сущность отраженная вещей,
Она дает ответ на все вопросы.

6
Она дает ответ на все вопросы,
Упавшая полночная звезда.
Но в небе не осталось и следа,
И как найти ее в холодных росах?

А может быть, уже дыханьем грозным
Палящего светила сожжена?
И чуда нет? И на пути стена
Длиною в жизнь, из вечно серой прозы?

Дорогу выбираю наугад,
И ищет огонек усталый взгляд.
Бреду через овраги и откосы.

Ведь в музыке, что ветер мне принес,
Хранится память о паденьях звезд.
Она — неслышимых аккордов россыпь.

7
Она — неслышимых аккордов россыпь,
И радостный призыв к началу дня,
И язычок горячего огня —
Заря, что взгляд на снег холодный бросит.

А скольких зорь танцующую поступь
Хранил в себе клубящийся туман?
Под натиском лучей бежал обман
За ночью вслед. И вот уже так просто

Все названо своими именами,
А потому — иным уже не станет,
И не впервые свет сразился с тьмой.

День лепестками солнца расцветает,
Плывет неспешно облачная стая,
Влекомая небесною рекой.

8
Влекомая небесною рекой,
Резвится мысль на берегу последнем...
Как много было взлетов и падений,
Был лютым холод и палящим зной...

Я изменялась, но была собой.
И синева меня к себе манила.
Я к ней тянула руки и молила
О крыльях и судьбе совсем иной...

Я на земле. Безгласна и бескрыла.
Забывшая о тех, кого любила.
Познавшая ненужность многих фраз.

А надо мною — голубая бездна.
Пускай она немножечко помпезна,
Она — как отдых для усталых глаз.

9
Она — как отдых для усталых глаз,
Зеленая листва на синем фоне.
Лишь осенью придет пора агоний
Для изумрудных кружев. Сотни раз

Звучал осенне-летний парафраз.
И сотни раз ветра рвались, как струны,
Кидаясь пеплом времени бездумно,
Внося в сознанье резкий диссонанс.

Так было. Облака в спираль свивались,
Движенье их напоминало танец,
Всеподчиняющий жестокий вальс,

Луна из полной превращалась в месяц...
...А ничего не знающий младенец
Порой мудрее тех, кто был до нас.

10
Порой мудрее тех, кто был до нас,
Мы мним себя... Кто мы на самом деле?
Стараемся своей достигнуть цели,
А средства... в них никто нам не указ.

И, выдавая уголь за алмаз,
Мы забываем вечную дорогу,
Которая ведет от сердца к Богу,
И — платим. Но когда приходит час

Сложить дела земные с плеч долой,
То начинаем думать головой,
Пугаемся забвения и смерти...

...А синева — как книга. Вот она!
И можно прочитать все имена,
Кто жил и будет жить на этом свете.

11
Кто жил и будет жить на этом свете
Под небом одинаково равны:
У каждого минуты сочтены
И каждый за дела свои в ответе.

Как много несмываемых отметин
На душах, а не только на телах!
Невольный взгляд наверх —
животный страх,
Что Судия грядет из круговерти

Немых времен, неведомой Вселенной...
И как ошеломляюще прозренье,
Что правда в синеве отражена.

Порою неприглядна и жестока,
Как горечью мощеная дорога,
Она дыханьем Вечности полна.

12
Она дыханьем Вечности полна,
Стихия неба под пытливым взглядом.
Вопрос... И капля знания в награду
Стекает в чашу рук. Окружена
Я снегопадом. Но в душе — весна,
Что неподвластна прихотям погоды
И веселит в любое время года:
Я знаю, что кому-то я нужна.

Нужна! И небеса — светлей и выше,
И кажется — весь мир неровно дышит
В моих объятьях. Как на грани сна,

Со всех сторон сверкающее пенье...
И аурой становится моею
Согретая лучами тишина.

13
Согретая лучами тишина
Лилась с небес на чистые полотна.
Она была щедра и плодородна,
Ласкала холст, как теплая волна.

Вот линия... теперь еще одна...
Беспомощным наброском черно-белым...
А тишина цветною быть хотела
И яркость красок получить сполна:

Чтоб тонкий штрих был правилен и строг,
А каждый зрячий радость видеть мог
И ощущать покоя многоцветье.

...Сойдя с небес, так хочется порой
На миг ожить под детскою рукой...
И эту тишину рисуют дети.

14
И эту тишину рисуют дети.
Застывшие мгновенья красоты
Зовут туда, где отблески мечты
Становятся реальным ярким светом.

И кисти неумелой песня спета:
Приходит, умножаясь, мастерство,
И на листе творится волшебство
Спокойных линий в фейерверке цвета.

Все краски дня глядят на нас из рамы.
И понимаешь, что должно быть главным:
Земля должна все время быть живой,

А небо — мирным, а не только синим...
...Взгляд отвожу от совершенных линий,
И снова — синева над головой.

15
И снова синева над головой,
Безоблачное чистое пространство.
Она вселяет веру в постоянство
И сохраняет чей-нибудь покой.

Одна для всех. И летом, и зимой,
Она дает ответ на все вопросы.
Она — неслышимых аккордов россыпь,
Влекомая небесною рекой.

Она — как отдых для усталых глаз;
Порой мудрее тех, кто был до нас,
Кто жил и будет жить на этом свете.

Она дыханьем Вечности полна,
Согретая лучами тишина.
И эту тишину рисуют дети.

КУБИНСКИЕ НОВЕЛЛЫ

Валерий КЛИМУШКИН
(04.04.1940–04.04.2019)

СИНЯЯ ПТИЦА ВАЛЕРИЯ КЛИМУШКИНА

«И дольше века длится день». Это название Айтматовского романа, взятое из главного библейского повествования, отражает философскую суть состояния мятущегося человека. Произнося эту фразу, кажется, впадаешь в ступор, подступают моменты отчаяния об уходе – пиши и размышляй… Утром, когда я стала думать о предисловии к подборке, я написала эти стихи о памяти, которая неизбывна…

Сегодня то же, что вчера,
но незаметно все другое,
где осень — желтая жара
раздует холод за бугором,
за поворотом прошлых дней,
когда груз горя похоронен,
но сожаления сильней
в сто тысяч радужных ироний...
Уходим той же тропкой вглубь,
храня знакомые сюжеты
октябрьских дней, что не вернуть, —
все тот же лист, но чуждый ветер...

Весной этого года я потеряла лучшего друга жизни, мужа, члена Союза писателей России ВАЛЕРИЯ КЛИМУШКИНА. Душа по христианским канонам отлетает с земного плана на сороковой день. Эта уходящая энергетическая суть человека мечется, стараясь за что-то зацепиться, чтобы остаться. Но когда у людей родственные души, а творческий процесс открывает незримые информационные каналы, так называемый тонкий мир, происходит необыкновенное. Так, 14 мая, прибираясь на кладбище на 40-й день, я чем-то уколола палец, и он долго болел, пришлось его разрезать, обратившись к хирургу. А до этого Валерий как-то сказал, что, мол, напомню о себе из того мира, ущипнув побольней. И это произошло, может быть, потому, что я впечатлительная натура. Вот и не верь мистическим знакам…

Известный прозаик Валерий Климушкин ушел из жизни после продолжительной болезни весной 2019 года на восьмидесятом году. Он родился в Москве. Когда отца-офицера вместе с женой во время Великой Отечественной войны отправили на Сталинградский фронт, мать привезла его в г. Стародуб Брянской области на попечение деда и бабушки. С ними он некоторое время находился в партизанском отряде. Детство Валерия проходило в городе Стародубе, в старинном родовом доме с садом, и оставило заметный след в его творчестве.

Валерий учился в Брянском железнодорожном училище, служил на Кубе во время Карибского кризиса. Будучи студентом Свердловского пединститута, он в 1966 году дебютировал яркими рассказами в журнале «Новый мир», который в то время редактировал А.Твардовский и хорошо отозвался о творчестве молодого автора.

Как педагог Валерий Климушкин преподавал химию, биологию, географию в школах Свердловской области, путешествовал с учениками по родному краю, консультировал молодую пишущую поросль в Свердловском отделении Союза писателей СССР и России, в котором состоял с 1979 года. Произведения Ва-

лерия Климушкина публиковались в центральных газетах и журналах, в различных антологиях, альманахах, сборниках.

В рассказах и повестях автора олицетворенная природа ярко раскрывает переломные моменты в жизни и непростые характеры героев. Его прозрачная и лаконичная стилистика завораживает своей простотой, в которой кроется бездонная глубина смысла, приоткрывающая лабиринты необыкновенной личности. В разное время вышли его книги: «В пору жаворонков», «Стук в окошко», «Солнце в глаза», «Чай с малиновым вареньем», «Жизнь бесконечная», «На круги своя». В последние годы тяжелая болезнь приковала его к постели, амнезия по причине кубинской армейской службы, в с соседстве с ракетными установками, не давала возможность полноценно работать. Тем не менее, он написал на новом уровне интересный цикл новелл.

Предлагаем вниманию читателей цикл Кубинских новелл, написанных Валерием Климушкиным, спустя более чем полвека после известных событий, о которых раньше их участникам нельзя было рассказывать. Удивительные события, люди и время оживают под пером мастера-прозаика, заставляют сопереживать.

Мила МАТВЕЕВА,
член Союза журналистов
и Союза писателей России.

ВЕЩАЯ ПТИЦА КАКАДУ

– Аве, Валерио! Моритури те салютант! – Так я приветствовал друга-кубинца, как обычно, отправляясь с ним на боевое дежурство. Я служил на Кубе во время Карибского кризиса, и те далекие события до сих пор не стерлись из памяти.

– Нон моритури, – отвечал тот, – но пасаран, компанейрос Валерий...

Это означало, что смерть пока не про нас. И мы крепко пожимали друг другу руки.

Во-первых, мы оба – Валерии, во-вторых, более или менее понимали немного по-латыни. Он учился в Гаванском университете по специальности: «Испано-португальские языки». Я с детских лег штудировал латинскую грамматику и книги великих римлян, что хранились как наследие моего дяди в сундучке моей бабушки, а Гай Валерий Катулл долгое время был моим любимым автором.

Испанский с португальским – близнецы-братья, как русский с украинским и белорусским. А корневой язык для испано-португальцев – латинский. Если взять еще испано-русский словарь, который имел каждый из российских волонтеров, или «совьетрашен», так нас прозывали тогда... Но вскоре я узнал о своем приятеле почти всю его подноготную. Он – сын майора, высшего тогда военного звания на Кубе, личный друг и соратник Фиделя, с которым они вместе брали Монкаду и вместе сидели в тюрьме, куда их заточил диктатор Батиста. Он рассказал, как крупно поспорил с Фиделем на тему, какая страна лучше: империя СССР, или та, что у них буквально под боком, другая великая страна – Соединенные Штаты Америки.

«Русские, да, я их люблю, – говорил он. – Когда я читаю по-русски Пушкина, мне хочется заплакать от собственного ничтожества: «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» Но с другой стороны. Эрнест Хэмингуэй – мой самый любимый писатель. И я хочу дружить с вами и с Америкой. А не воевать...» За это Фидель и отправил его к нам, в «болотные джунгли Кубы» – полуостров Сапата, от которого до Флориды, которое называли тогда «гнездом империализма», рукой подать.

«Гомо гомини, люпус ест», – напоминал я ему из репертуара великих римлян. «Арс лонга, вита бревис» – хочешь мира, готовься к войне.

В тот день мы поменялись с ним касками. Я одел его американскую, с сеточкой от москитов, а он – мою, советскую, со звездой. А раньше, отправляясь на задание, мы обменивались автоматами: я брал его американский М-17, а он – мой родимый АК, который я научился разбирать и собирать с закрытыми глазами.

Проходя по узкой тропке в зарослях диких бананов и пальм, которые составляли местные джунгли, мы вспомнили Гая Валерия Катулла: «Коэлум нон анимам мутант, кюй транс, мааре куррунт», что означало: «Оставляя родину, мы покидаем небо, но не душу». Пожав друг другу руки, мы разошлись у верстового столба: он – направо, я – налево...

Пройдя несколько шагов, я услышал громкий вскрик, а затем пронзительный клекот птицы какаду, внешне очень похожей на нашу ворону, но с разноцветным опереньем, и удар, словно молотком по голове. Падая, я успел дать длинную очередь в сторону вещей птицы и потерял сознание.

Очнувшись, с шумом в голове и болью возле уха, которое перестало у меня слышать, я снял каску и увидел следы пуль на ней. Вернувшись немного назад, я обнаружил Валерио, лежащего ничком. Каска, пробитая насквозь, валялась рядом, а в голове кубинского друга темнели три дырочки, даже без крови. Неподалеку, на ветвях терновника, полулежали два трупа в американских масхалатах. а возле них – скорострельные М-17, лучшие в мире, как хвастали наши «друзья из Флориды». Тут же валялись пачки динамита, выпавшие из мешка.

Шатаясь от контузии и боли, я взвалил на плечо тело горемычного кубинского друга и поплелся в казарму. Кубинцы не сразу отпустили меня. Принесли мне бутыли с ромом и бананы. И мы помянули Фернандо Валерио Санчеса, гибель которого для меня была тогда такой неожиданностью, как удар под дых...

Наутро наш батальон и подразделение кубинцев выстроились на плацу. Полковник зачитал приказ о нашей эвакуации с острова и поблагодарил за службу. Кубинцы в это время произвели салют в честь новоиспеченного майора, которое Валерио получил посмертно. Назвали и мою фамилию: «...за проявленное мужество в борьбе с американским империализмом, подлыми янками, присвоить звание старшего сержанта...»

– Служу Советскому Союзу!– Гаркнул я, вскинув руку к козырьку и звякнув подковами моих американских ботинок.

Аве, Валерио! Прости, брат!

ЖАКАРАНДЫ И БУГЕНВИЛИ

Колибри – существо неземное. Представьте себе очень яркую бабочку с крылышками птички. Ее звонкая трель и вертикальный взлет напоминает нашего жаворонка. Если бы не одно но... Жаворонок, тот не поет, а трещит, как старомодный аппарат азбуки Морзе. Почему это пришло на ум, потому что жакаранды и бугенвили, как называли мы тропические растения с пышными неземными цветами, а также громадное дерево манго, служили естественным укрытием нашей ракетной батареи. Тропические джунгли неописуемы. Но дело совсем не в том, что наряду с автоматом, боезапасом и кинжалом на ремне, мне вручили американский магнитофон средних размеров и приказ. Он гласил о том, что как только услышишь пение колибри, нужно стремиться его записать как можно полнее. Два-три раза я приносил эти записи командованию в штаб нашего батальона. В конце концов поинтересовался у дежурного офицера, что это значит.

– Ты работал с огнеметом?– вместо ответа спросил он.

– Так точно, товарищ подполковник, на полигоне, в Нелидово, и в школе сержантов...

– Похвально. Все дело в том, что так называемое пение птичек колибри – это американский шифр. А этот шифр нам сообщил, что послезавтра у морского поселка Плайя-Херон высадится десант с Флориды. Ты залив Кочинас знаешь?

–Как же не знать, товарищ подполковник, хожу мимо него на вторую батарею. Купался даже. Медуз там полно.

– Вот и переводится он с испанского, как залив медуз. А с какими огнеметами вы работали, советской марки?

– Так точно!

– А здесь у нас – трофейные, американские зажигалки «Зипо».

– Мы называем их греческим огнем...

– Наш противник, морской десант с Флориды, серьезный, хорошо подготовленный. Его надо уничтожить. Это наш почетный долг, представителей Советской армии. Вот что, товарищ сержант, возьмите пяток толковых ребят и идите к старшине. Получите все необходимое, соответствующие инструкции. Запомните: зеленая ракета – огонь, красная – отход. Есть еще вопросы?

– Все понятно, товарищ подполковник. Марка нашей боевой ракеты, которую я обслуживаю, «Н. Тагил», как это понимать?

– А это, брат, Нижний Тагил – Урал, опора наша и цвет страны. А ты откуда родом?

– Брянский я...

– Ого! Брянские партизаны Россию спасли, так смело сопротивлялись. Ну, бывай! До встречи!

Через день, прекрасным тропическим предутрием, когда небо фосфоресцирует всеми цветами радуги и начинается пение цикад, а за ними – попугаев всяких видов и прочей мелочи, типа колибри, мы, то есть я и пятеро сослуживцев, лежали со всей амуницией в густой траве, на берегу Атлантического океана, покуривая крепкие кубинские сигареты.

Солнце еще не взошло, когда мы увидели на сине-буро-голубом горизонте силуэт громадного корабля. А вскоре, через птичий кагал, отчетливо раздался звук лодочных уключин. Ровно в шесть взлетела ракета, мы встали пред полчищами врага и включили свои «Зиппо».

Позднее венки из жакаранды и бугенвиля кубинские товарищи, ликуя, одели нам с другом на шею – остальные четверо погибли в бою.

Как сообщило тогда агентство Ассошитиэйтед Пресс, «красные головорезы на Кубе» совершили очередное преступление. Мировая общественность клеймила позором Советские войска...

ПАТРИО О МУЭРТЕ

У нас был с собой мешок сухарей и все, что одето на нас. Я не знаю, каким чудом мы остались живы. Я увел ее в Армению, а оттуда мы перебрались в Россию.

Б.М.Саркисян

«Блажен муж, иже инде на совет нечестивых» (Пс. № 1)

Вспомнился мне вдруг тропический сентябрь далеких 60-х годов. Где-то в районе Багамских островов гидросамолет с американскими опознавательными знаками вынырнул откуда-то из-за корабельных надстроек, пронесся на бреющем...

Мы, блевавшие у бортов в самое настоящее Саргассово море и бродившие, как чумные, по палубе, что было строжайше запрещено, рассыпались, как горох, кто куда. Я упал плашмя и закрыл голову руками. «Мама, прости», – последнее, что пронеслось в моей голове, и что-то пискнуло в груди. Гортанный, с акцентом голос, где-то рядом заставил открыть глаза.

– Встать! Ты солдат или б...

Прозвучавшая команда привычно подбросила на ноги. Высокий сухощавый брюнет южного типа, до глаз заросший мохнатой бородкой, в шортах и майке, что выдавало в нем офицера, солдатам строжайше запрещалось снимать пиджаки, – стоял, широко расставив ноги, в группе «моричманов», которым, судя по всему, вообще все было до «фени». В руках офицер вертел какой-то экзотический цветок, обмахиваясь им, как веером.

– У нас солдатов нету, – заметил один из «моричманов». – У нас специалисты по сельскому хозяйству, стало быть... – И ткнул пальцем вверх и вниз – прослушивают, дескать.

Человек с цветком круто развернулся, – гидросамолет, сверкая на солнце стеклом кабины, уже закладывал второй вираж... И тут, не сговариваясь, мы, то есть сельхозспециалисты, бывшие на палубе, словно устыдившись за свое малодушие, дружно, отчаянно помахивая вслед, проводили самолет, который улетел и больше не появлялся, вероятно, приняв наши красноречивые жесты за некий тайный код этих «совьет рашен»... Так мы познакомились с капитаном по кличке Бюль-Бюль Оглы, в просторечии мы звали его Орловым.

«Там, за горами, Аргентина» – записки чехословацких путешественников Мирослава Зигмунда и Иржи Ганзелки – была одной из моих самых любимых настольных книг. Я видел себя то генералом Симоном Боливаром, освободителем, то лихим «гаучо» в пампасах, то «спасителем нации» Хуаном Нероном.

«В далекой знойной Аргентине, где небо южное так сине»... Кумиры и пристрастия, однако, стремительно менялись. «Во имя нынешнего дня и вас, все будущие годы, Фидель, возьми меня к себе солдатом Армии Свободы» – написал когда-то Евгений Евтушенко. Кто не мечтал тогда встать под знамена романтичного бунтаря и громить империалистов-янки?

«Говорят, Куба – первая свободная территория Америки», – женский стремительный голос-контральто умолял, требовал, звал...

Мне чертовски повезло. В одном из военных городков Закарпатского округа я заканчивал курсы сержантов как специалист СЦБ и связи. Мне довелось родиться и чернявым, и кудрявым – весь в мамочку-украинку. И, слегка подкрашенный, для блондинистых особ применялся особый грим, я вполне сходил за средней руки «компанейроса».

Патриа о Муэрте! Там, за горами, была деревня Кичан. Большое армянское поселение, которому крупно не повезло расположиться возле самой границы. Несколько раз оно переходило из рук в руки, пока его окончательно не сожгли вместе с обитателями, то есть стариками, калеками, детьми – Армения конфликовала с Азербайджаном. Наш капитан Орлов в связи с этим многое пережил в своей деревне Кичан.

– Капитан! Никогда ты не будешь майором. Скорее всего, генералом. И в Армению заявишься в полной форме, – говорили мы своему командиру.

Мобильная ракетная установка с атомным зарядом класса «земля-земля», которой командовал наш капитан, была в образцовом порядке, что я готов засвидетельствовать, как СЦБист, имевший доступ в потайные бункера. И если, например, на соседней точке двое батарейцев-лейтенантов, хлебнув из бутылки с лиловой негритянкой на этикетке, что было строжайше запрещено, принимались азартно спорить на тему, когда их «накроют», после первого залпа, через пять или семь минут, то капитан, глядя поверх наших голов бархатистыми почти женственными глазами и, теребя свой цветок, ронял твердо и непреклонно, как те булыжники, слова:

Мы накроем свой квадрат вовремя! – И, подумав немного, как отрезал, – и без потерь!

Знакомый журналист, корреспондент газеты «Труд», в те годы рассказывал о том, как в самолете, по пути в Гавану, ему лично довелось сыграть шахматную партию с Че Геварой и, вроде бы, свел вничью. Ничейным результатом закончилась и наша экспедиция. Со всех экранов ТВ двое властителей двух государств с улыбкой пожимали друг другу руки. Но, как говорится, «Боливар не выдержит двоих», и вскоре симпатичный американский президент Джон Кеннеди был расстрелян за чрезмерную дружбу с Советами.

«Вени, види, вици», – докладывал обычно Гай Юлий Цезарь после очередного сражения сенату. Но где та великая Римская империя, железные легионы которой заставляли трепетать весь подлунный мир? Остались от нее только академический мертвый язык, куча афоризмов на все случаи жизни.

Обитатели бывшей деревни Кичаны разбрелись, кто куда, по необъятной России. Но армянская диаспора – одна из самых разветвленных, кроме еврейской, во всем мире. Занесет, допустим, такого потомка древнейшего и грозного некогда государства Урарту в Аргентину, Новую Зеландию или на Кубу, обязательно найдутся земляки-единоверцы, обогреют, поддержат, спасут. Нам бы, россиянам, учиться у них.

«Вени, види, вици», – докладываю вам, многоуважаемый Никита Сергеевич, мы, ваши хлопцы, достойно выполнили все ваши приказы, как приказы Родины, которая нас подзабыла. Более 50 лет минуло уже с той поры, как мы высадились на Кубе, и с тех пор почему-то все окутано тайной. Карибский кризис теперь, как выдумка досужих журналистов, статус кво... Но нам, выжившим в той передряге (в живых остались единицы по причине долгого и близкого соседства с ракетами, нацеленными было на Америку), уже можно говорить об этом, истек срок давности на молчание. Но льгот нам никаких так и не выдали...

Что нам остается, тем безымянным солдатам, теперь у же ставшим стариками, а многие ушли безвременно, схватив огромные дозы от ракетных установок?! Остаются нам лишь воспоминания да собственные песни, сочиненные в кубинских джунглях в напряженном ожидании пуска наших ракет в сторону США. Хорошо, что не случилось...

СИНЯЯ ПТИЦА

Веселая страна – Куба. Приятно вспомнить шестидесятые годы прошлого столетия, когда я служил на этом революционном острове в составе советских войск, оберегая кубинцев от американских нападок во время Карибского кризиса.

Шагайте, кубинцы!
Вам будет счастье Родины наградой.
Народа любимцы,
Вы солнечной республики отрада...

Так по-русски звучит песня, которую по утрам поют наши соседи. Длинная казарма досталась нам от бывшего диктатора Батисты, который с командой, как говорится, смылся во Флориду. Это помещение мы, советские ракетчики, по-дружески делим пополам с кубинскими «барбудосами».

В ответ мы запевали свою песню на слова Добронравова и музыку Пахмутовой, привезенную вместе с нами и зенитными ракетами на очередном пароходе:

Куба, любовь моя!
Остров зари багровой.
Песня летит, над планетой звеня,
Куба, любовь моя!

Старшина, мудрый хохол, стоит возле нас, слушает. Он еще не старик, хорохорится, порой подпевает нам.

– Вы, хлопцы, пойте, да не шибко... Як Фиделя турнут, полетим мы все к черту на кулички... Без Америки как жить... Сами бачите, что и как..

Чуем, батька, чуем, – гоготали мы, молодые солдаты.

Сразу за казармой, в зарослях бамбука и джокоранда, если перефразировать Лермонтова, «одна и грустна прекрасная пальма растет». Верхушка ее с кокосами настолько высока, что если задрать голову, американская кепи валится с головы. Попугаев на ней – видимо не видимо, но нас занимает другая, отличная от стаи птица, самого синего колера, видимо, выпорхнувшая из клетки и пожелавшая присоединиться к родственной среде. Эта прелестная птичка прилетала всегда неожиданно, садилась на самую верхушку, вроде, сама там еле держится, но твердо и монотонно твердила одно и то же: «Фидель, Фидель, Фидель!» Осмотрится по сторонам и снова за свое. Мы пробовали бросать в птицу кокосами, да где там – высота... Но ведь дает, наводку, подлюка, на нашу закрытую ракетную часть.

Пример показал полковник, командир батареи. Он постоял, посмотрел, достал из кобуры свой пистолет «Макаров». Прицеливался долго и спустил курок. Птичка заверещала, забила крыльями и растворилась в лазури неба.

– Вот! – произнес полковник, выбросив гильзу и отправляя пистолет на место. На стрельбах некогда первые места занимал. Так что есть еще порох в пороховницах

– Ура! – кричали мы.

Но птичка оказалась хитрее нас. На другое утро прилетела и снова запела свою песенку: «Фидель, Фидель, Фидель!»...

Закрой пасть! С чувством выразился мой напарник Зяма, с которым мы собрались на боевое дежурство. Он вскинул автомат и прицелился. – Я тебя породил, я тебя и...

Кончай дуру гнать! – Я отвел его ствол и велел следовать за собой.

Долго мы пробирались по местным джунглям до следующего поста с ревизией кабельно-шестовой линии связи. По уставу вышло четыре часа. Дважды бросалась на меня ядовитая змейка со стрелкой на спинке: чуть отвлечешься, и готово, смертельный укус, до медпункта не добежать. Единственное спасение – американские подкованные ботинки, которые, если не зевать, могут раздавить тварь. Питоны безопасны, высовывают голову из зарослей, словно лыбятся, мы им только пальцем на ходу погрозим, как и мартышкам. Одним словом, в джунглях не соскучишься.

Выполнив задание, мы вернулись к исходной точке, к нашей пальме, сбросили амуницию, сели перекурить гаванскую сигару, которую нам выдавали одну на двоих в неделю. Стояла привычная жара. Птичка наша однообразно чирикала. И меня вдруг осенило.

Ты... пацан! – обратился я к напарнику-первогодку. – Хочешь, фокус покажу...

А не забздишь, – слабо вякнул Зяма.

Разинь глаза и учись!

Я передал ему прикуренную сигару, облачился в свой рабочий костюм, надел пояс, взял сачок, которым мы ловили тропических бабочек, величиной с птиц, на ноги одел очень удобные монтерские. американские когти. Подпрыгнул и полез на пальму. Трудности были в том, что подобные деревья – очень сочные, вода прямо льется по стволу. Жалко ведь красавицу-пальму. Где-то на середине моего пути с океана повеял ветер-бриз, меня на стволу пальмы зашатало. Но потом ветер утих, и я сумел приблизиться к птице, которой было все нипочем. И она звонко распевала свою песнь. Но как привлечь ее внимание к себе?

Я вспомнил вдруг свое детство, наш старый сад в Стародубе и густой сиреневый бузок, где обитал соловей. Я каждый год соревновался с ним, свистел, подражая ему. Приходил из сада разбитый, лез на колени к бабушке.

Ну, дитенок, ты дитенок, – ласково гладила она мне вихры. – Аж до самого батюшки-соловья добрался, – бывало, говорила бабушка.

В этот раз я сидел на кубинской пальме, пытаясь воссоздать какие-то птичьи трели, но напрасно, волшебная птичка даже не глянула в мою сторону. Пробовал было вывести флейту иволги, но птица даже не взглянула на меня. Тогда я разозлился, сложил пальцы рупором и выдал последнюю приманку: «Фидель, Фидель, Фидель»... Птичка преобразилась, подпрыгнула, захлопала крыльями и ринулась на меня, где ее и ожидал подставленный мною сачок.

Гарный хлопец, – сказал старшина, наблюдавший эти сцены. – Не обкорябался? Ничо?

Нет, все нормально, – ответил я. – Клетку бы надо...

А это мы у них попросим, – он кивнул на кубинскую казарму. – У байстрюков наших, у них все есть...

Революционную птичку мы, не долго думая, повесили высоко у входа в бункер, чтобы каждый входящим мог сказать ей свое золотое слово. Но для начала решили обучить простеньким русским фразам, типа «привет, привет».

Вскоре я уехал в командировку, в Гватемалу, готовился к соревнованиям по баскетболу. Привез оттуда для птицы дефицитного конопляного семени. Спустя некоторое время птица научилась произносить некоторые слова, но както вяло, без прежней бойкости.

Худшие мои предчувствия вскоре сбылись. Прихожу однажды после учений, а птица лежит кверху лапками, не вынесла, видать, ее душа чужой неволи. Хоть песню сочиняй о ней. Положил я ее на ладонь и понес в любимое место, к океану. Размахнулся и далеко забросил голубку, синюю птицу, мечту моей юности, в бурные океанские воды.

Вечером в казарме у кубинцев мы помянули ее по-своему. У кубинцев тоже есть песня «Голубка». Мы попросили ее спеть. Их командир согласился и запел:

– Когда я вернусь в Гавану, лазурный край, – начал он по-испански, – меня ты любимой песней моей встречай. О, голубка моя, будь со мною, молю, – хором подхватили «барбудос». – О, голубка моя, как тебя я люблю, как ловлю я за рокотом моря дальнюю песнь твою»... Наверное, у них были свои слова, подобные нашей песне. Но на душе было похожее настроение...

ТРАМОНТАНА

– Внимание, внимание! Говорит Америка... Работают все радио и телестанции Соединенных Штатов Америки...

Голоса, голосища, подголоски и отголоски, дамский истерический визг, пополам с армейской четкой речью и гарканьем, сообщали одно и то же. – На территорию Центрально-американских островов и полуострова Флорида движется холодный арктический фронт. Холодный фронт... Трамонтана... Будьте бдительны и одевайтесь соответственно...

– Одна у них эта беда, примерно раз в три года бывает,– подытожил наш командир батареи и велел идти к старшине за теплой одеждой.

– Отдохнем хоть от жарищи. Привет нам всем из Ледовитого океана. Есть у нас сибиряки-то? – Поинтересовался лейтенант из обслуги.

– Есть, есть, – раздались голоса. – Насчитали шестерых. Вот вам и полегчает, а то заржавели ведь от солнца ...

Политрук был прав. Мы настолько стали темными, что я и сам перестал узнавать себя, глядя в зеркальце для бритья. То же самое испытывали и мои сотоварищи по службе. Командир батареи вызвал меня в бункер.

– Есть предложение к тебе прямо сейчас. Одевайся, значит, теплее. Пиджачок, деньги старшина даст. Станешь фрайером, по бунгало походишь. Кубинских девочек посмотришь. Хочешь? Вот смотри фото – этот тип с Флориды проник в наш квадрат с целью обнаружения четвертой батареи. Агент он опытный, немного старше тебя. По происхождению он не из штатов, а вроде как хохол... Выяснишь точно. Боевая задача – любой ценой взять его, а если надо будет, стрелять.

Он достал из ящика стола пистолет с обоймой и два американских презерватива. Это – для приманки, если случится... Задача ясна?

– Так точно, товарищ полковник!

Городок Санта-Фе был типично кубинский, с большими апельсиновыми плантациями, испанскими домиками в два-три этажа. Жакаранды и бугенвили, как мы их прозвали, кусты с яркими цветами росли здесь на каждом углу. Пройдясь по центральной улице, ведущей к заливу Кочинас, я зашел в магазинчик с красочной рекламой и большим портретом Фиделя Кастро на входе и стал рассматривать товар. На одной из стеклянных банок я увидел знакомую марку Стародубского овощесушильного комбината, и, не поверив своим глазам, принялся читать вслух написанное на банке. «Ну, дают, – подумал я восхищенно про своих земляков, – вон, куда закинули свою продукцию».

Человек в сомбреро, стоящий сбоку, шагнул ко мне навстречу, протянул руку:

– Привет, Керя!

– Кстати, – внутренне подобрался я, – Кирюхи из гнилой Одессы, а я не оттуда... И вам не рекомендую...

– Да, брось... Не Одесса, и я... Я из Нежина. Слыхал про такой город?

– Конечно, – я протянул ему ладонь. А я – брянский... Отдыхаю здесь...

–Ого! Айда в бунгало...

Просидели мы часа два на берегу прекрасного залива, где дельфины с почти человечьими глазами прыгают над водой и гоняются друг за другом, делая реверансы в сторону невольных зрителей.

– Я вот, – рассказывал мой новый приятель,– шесть лет уже живу на Флориде. У меня – дом, участок земли. Я работаю на американскую разведку, в ЦРУ. Америка – моя вторая родина. Ты ведь тоже не враг ей... Русские и американцы поделили весь мир. И нам совсем ни к чему драться, тем более, воевать. Кубинский спектакль скоро окончится, мы можем остаться друзьями. Не так ли?

– Ты затронул мою потайную струну... Люблю «Хижину дяди Тома», «Приключения Гекльберри Финна»... Лично я очень уважаю Америку... Но ты-то зачем здесь?

– Зачем? Чтобы разведать все о вашей батарее... с ядерными головками уран-238... Кстати, у американцев начинка из других материалов, из плутония, например... Удивлен, что я тебе об этом говорю? Расскажи о себе-то...

– С удовольствием. Я ЦСБист. Это значит, я контролирую антиракету. Когда враг первый запустит гостинец, наша ракета автоматически срабатывает и на расстоянии десяти миль, на любой высоте, сбивает противника. Тебя это устраивает?

– Интересно...

– А у американцев разве не так?

– У американцев – по-другому и только на высоте до 10 километров.

От вина и жары мы захмелели и пошли по берегу залива, где росли мощные фикусы.

– Может, девочек прихватим, а? – Подмигнул мне приятель.

Две синьориты, щебеча между собою, как стайка тропических птиц, приближались к нам.

– Рус... карош, – сказала одна и показала на пальцах – десять песо.

– Давай! – Я показал свой презерватив приятелю, и мы зашли за соседние деревья.

Моя кубинка быстро заголилась и ловко натянула мне прибор... Я был молод. Тропическая жара лишь подливала страсти. Мой приятель тоже быстро вышел из-за фикусов, застегивая штаны. Девочки засмеялись и помахали нам вслед.

– Да, кубинки зажигательны! – оценил мой товарищ, и я ему поддакнул.

Быстро похолодало, и мы снова зашли в ближайшее бунгало. Заказали крепкий ром и по сигаре – шиковать, так шиковать.

– Хорошо провели время, – заметил мой новый приятель, затягиваясь сигарой. – Теперь у меня к тебе деловое предложение.

– Давай, – удобно расположился я, попивая свой ром.

– Я предлагаю тебе хорошую работу, – сказал он. – Кстати, у тебя пистолет какой марки?

– Макаров, – показал я ему кончик из бокового кармана.

– А у меня – Смит энд Вессон, – вытащил он свой.

– Стреляешь ты нормально?

– Не знаю... На стрельбах хорошо редко бывает...

– А рукопашный?

– Шестнадцать способов бесшумно снять часового...

– Ого! А у нас – восемнадцать...

– Есть финка, десять шагов – по рукоять...

– Браво! Я предлагаю, плюнь ты на всю эту херню, чем вы зани-

маетесь... В Америке ты станешь человеком... Такой специалист, как ты, везде найдет применение своим способностям... Сегодня вечером придет катер в условном месте, и он заберет нас... И прямиком – ко мне в гости. Идет?

– А сколько платить будут?

– Сколько? Запомни, американский сержант получает больше, чем ваш советский генерал... Устроит тебя? Только одно условие. Я дам тебе этот фотоаппарат, – он показал мне штучку с дамский пальчик, – нажмешь на звездочку, и готово. Сделаешь фотографию вашей антиракеты. Тебя ведь пускают в бункер?

– Конечно. Я же дежурю там.

– Ну, вот, держи... Давай сейчас закажем «Прощание славянки». И целуй маму...

И мы пошли, обнявшись с новым другом и напевая :

Долог путь до Типеррери,
Долг путь к закату дня,
Знаю я, красотка Мэри
В Типеррере ждет меня...

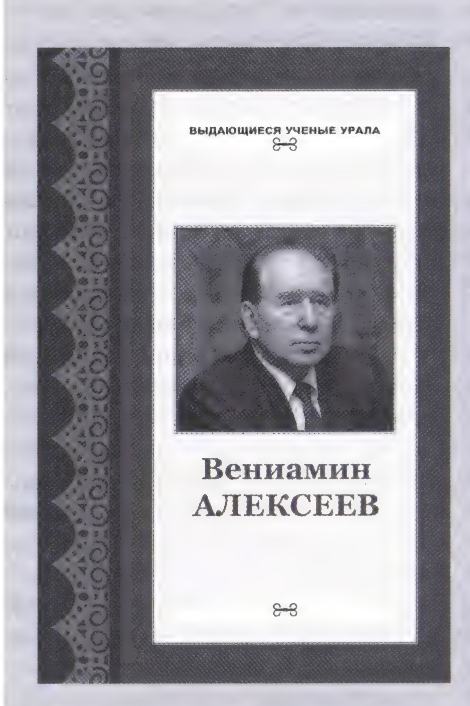
Подходя к казарме, мы остановились возле громадного дерева манго.

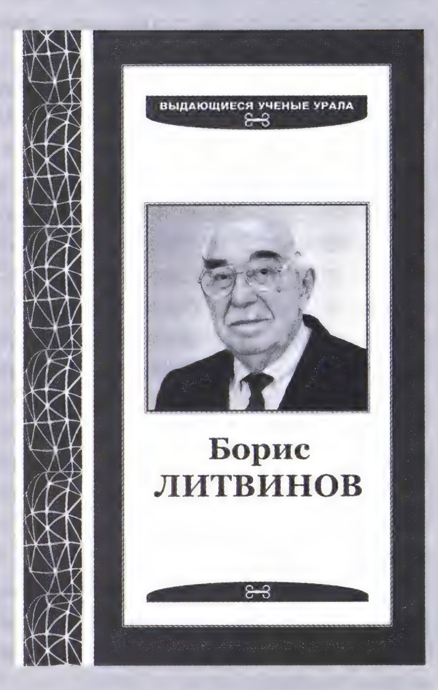
– Жди меня здесь, – сказал я и ушел в казарму.

Зашел в каптерку, взял у старшины, под расписку, наручники... Подождав немного, пока стемнеет, я осторожно подобрался к манговому дереву, где прохаживался мой не то друг, не то враг... Набросившись сзади, завернул ему руки и защелкнул браслет наручников.

Ну, а что касается трамонтаны, этого океанского ветра, которого все с опасением ждали, он освежил и взбодрил, а мне принес скромный доход на мой солдатский счет в 10000 долларов, которые распорядился мне выплатить наш полковник за поимку особо опасного диверсанта.

Со мной ли это было? Как в детективном кино... Вроде бы, я был главным героем двадцати лет от роду. Жил, как семечки щелкал... Но моя память еще свежа.





«ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ УРАЛА» –

НОВАЯ СЕРИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА «БАНК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ» И УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

«Постижение исторической истины напоминает движение к горизонту, который, по мере приближения к нему, отдаляется. Также и горизонты истории не только широки, но и далеки, а путь к ним каждый прокладывает по-своему».

Академик
В.В.Алексеев

Книга посвящена 85-летию известного ученого-историка академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева. Горизонт исторических исследований В.В.Алексеева широк и самобытен. Их пик пришелся на конец XX – начало XXI вв., когда Россия переживала великий перелом, а профессиональное сообщество историков оказалось на распутье советских и постсоветских трактовок судьбы своей Родины. Тогда, в конце 1980-х гг., он основал академический Институт истории и археологии на Урале. По его идеям было осуществлено два десятка оригинальных научных проектов, в которых с новых методологических позиций проанализированы сложные проблемы российской истории. В ходе подготовки проектов им создана уральская академическая школа историков, признанная ведущей в России.

«Между прочим, бомбу, рассчитанную на быстрое самоуничтожение, делать проще, чем создавать долгосрочные полезные технологии. Но игнорировать огромные позитивные возможности ядерной физики, на мой взгляд, – великое заблуждение».

Академик
Б.В.Литвинов

В книге, посвященной 90-летию со дня рождения Героя Социалистического Труда, Главного конструктора отечественного ядерного оружия, академика РАН Б.В.Литвинова, обобщены основные сведения о жизни, профессиональной, научной и общественной деятельности, представлены опубликованные и неопубликованные при его жизни воспоминания об ученых-атомщиках, руководителях и друзьях, с которыми он работал, а также воспоминания его коллег, учеников и близких о совместной жизни и работе. Издание снабжено документами, свидетельствующими о выдающемся вкладе Б.В.Литвинова как ученого-ядерщика в укрепление обороноспособности и развитие технической науки страны со второй половины 1950-х до начала 2000-х гг.

О ГЕРЕ ИВАНОВЕ

«МЫ ЕДИНОЮ ОТМЕЧЕНЫ И СВЯЗАНЫ СУДЬБОЙ»

Ах, Гера, Гера, что ты наделал? Как так получилось? Рано тебе, дружище!

...Клипами проносятся в памяти черно-белые и цветные эпизоды наших встреч, разговоров, заседаловок, застолий, творческих вечеров...

Слышу твой голос, ты читаешь свое стихотворение. Давно это было. А помню запавшие в душу строки. Стих – об уральской березе, которая рухнула от ветровала: «Ну что ж ты так плохо держалась / За землю родную свою?» Только ли о березе-дереве стих? Вот и сам ты... Как писал другой поэт: «Если я заболею, к врачам обращаться не стану...», так и ты жил. Болезнь доконала тебя. А мог бы...

Помню, как долго мытарили твое дело в Москве, в приемной комиссии. А ведь ты – настоящий! Твоя негромкая, тихая лирика была и есть наособицу: искренность, сердечность, любовь к малой и большой Родине...

...Как не вспомнить празднование Дней Победы, когда во дворике Союза писателей выстраивались писатели, заслуженные участники Большой войны. «Смирно!» – и ты как старшина, докладывал старшему по звании, полковнику Станцеву о построении и готовности подразделения...

«Вольно!» Тут же по традиции подносились «сто грамм наркомовских» заждавшимся ветеранам. А дальше – застолье шумное, дружное, умное, незабвенное.

...Многие думали, что в стихах ты – исключительно лирик. Но за два года до ухода, на Дне города ты выдал такие юморные вирши про заграничное тряпье, китайские

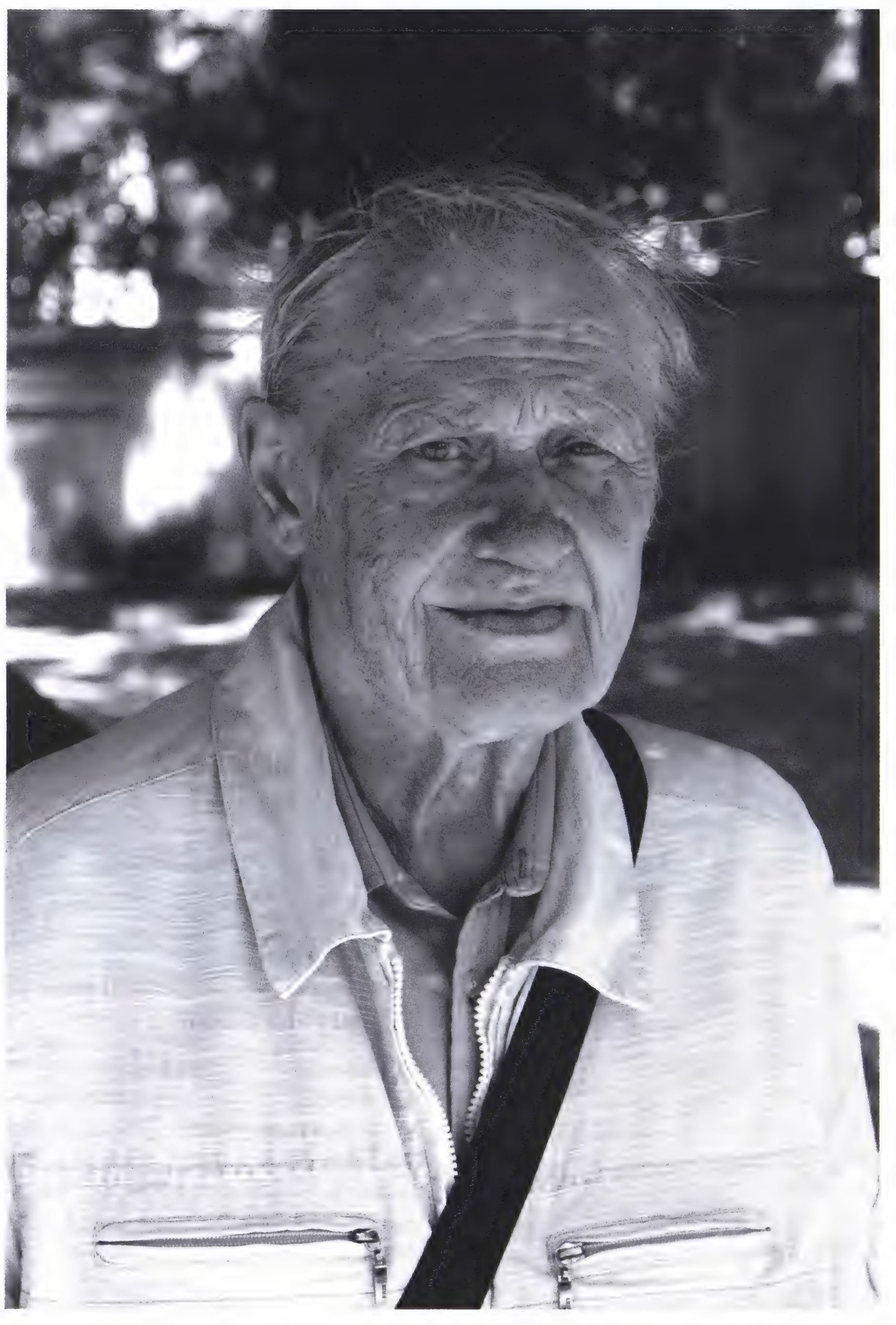
Портрет поэта Германа Иванова с газетой. *Фото Вадима Осипова.*

кальсоны и прочее... Публика ухохоталась! Как-то один стихотворец все приставал к тебе, чтоб ты написал пародию и на его стихи и тем самым пропиарил. А ты выдал такую эпиграмму, что товарищ, считавший себя самым-самым, полгода с тобой не разговаривал.

На творческом вечере-дуэте «Два Германа» тебя не смутило выступать вместе с талантливым и популярным лириком и юмористом Германом Дробизом. Замечательный получился вечер. Потом до темна закусывали...

На вид ты казался порой тишайшим, от такого не ждешь резких слов, возмущения. Всегда ли ты был таким? Отнюдь нет, в минуты решительные, требующие принципиальности и справедливости ты становился другим, добрые глаза каменели, улыбка сходила на нет... Случилось, один хам и мерзавец позволил себе оскорбить женщину во время праздничного застолья; на следующий же день на Правлении Союза писателей ты внес предложение – изгнать такового из нашего Дома. Хотя бы на год. Все поддержали тебя... Как-то на моих глазах ты прогнал упорного и бездарного стихотворца, предлагавшего принять его в Союз за деньги.

Порой задумываюсь, откуда у тебя появилась любовь к литературе? Барачная среда под Ревдой, родительская коммуналка под Гомелем, вольная «казачья» школьная жизнь в заводском поселке Уралхиммаша, подростком – работа истопником в ресторане... Откуда тяга к чтению, к стихотворчеству?.. Как тут не поверить в дар Божий! Однажды ты мне рассказал, в читалке местной библиотеки ты увлекся чтением «Трех мушкетеров». Время к закрытию, все ребята двинулись к стойке – сдавать книги. Ну как же не дочитать о похождениях д'Артаньяна? И ты решаешься (чего не мог простить себе позднее), затолкав книгу в



шаровары и накинув телогрейку, выйти на воздух, как бы по нужде. Решил: завтра с утра положу книгу на стол доброй библиотекарши, никто ничего и не заметит. Дома, на печке, благо лампочка Ильича светила под потолком хорошо, ты ушел в романтический мир, ты скакал на коне, ты сражался на шпагах, а рядом были твои верные друзья Атос, Портос и Арамис...

То-то была утром выволочка, кода мама узнала о твоем проступке.

Ты пронес любовь и преданность к русской литературе через всю жизнь. Как поэт, и не только. Все помнят твою плодотворную деятельность на посту директора Бюро пропаганды литературы при Союзе писателей, а также – заместителем, а затем и главным редактором самого популярного в те поры журнала, каким был «Уральский следопыт»... О! Как самозабвенно, после сдачи в печать очередного номера, вы пели на два голоса со Станиславом Мешавкиным казачьи песни! Мудрый еврей Давид Лившиц и другие журналисты, заглянувшие на «огонек», с вниманием и тихой улыбкой внимали песнопению своих коллег.

Леня Фомин, Саша Чуманов, художник Саня Вохминцев, инженер Витя Богатырев, да и Геннадий Бокарев – что-то было в вас общее. Этим общим, наверное, была (как бы это вернее обозначить?) – провинциальная интеллигентность. Вы (мы) были, по твоему выражению, отмечены общей судьбой. Судьбой трудного военного детства (твоя сестра позднее часто вспоминала, как ты, трехлетний заморыш однажды возопил: «Скорей бы сдохнуть, так жрать хочется!»); судьбой жилистого труда родителей, которым хотелось дать детям достойное образование; судьбой самоосознания: быть не хуже других, самообразовываться, не отставать от грамотных центровых, а и превзойти их. Как тут не прочитать судьбу и характер других провинциалов-почвенников, русских писателей: Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Астафьева, Владимира Солоухина, Александра Яшина: знание народной жизни изнутри, природный талант, самодеятельные университеты... Впрочем, ты, в числе немногих уральцев, в конце концов, получил высшее литературное образование в Москве, в Литинституте имени М.Горького.

...Мои наброски к твоему портрету в жанре «лоскутного одеяла» (или пэчворка) не претендуют на анализ твоего творчества. Лучше Майи Петровны Никулиной, так, как она сказала о твоем месте в литературе, о твоем самобытном таланте не скажешь (см. фрагменты вступительного слова М. Никулиной к книге стихотворений Германа Иванова в серии «Библиотека поэзии Каменного пояса»).

С Герой Дробизом и Геной Бокаревым у тебя были особые отношения. Оттого, наверное, ты именно их двоих и пригласил к себе домой на семидесятилетие. Представляю, какие пышные, сочные, горячие были танины беляшики. Увы, меня на том застолье не было; понять можно: мы были с тобой не в тех отношениях, которые называют «закадычные друзья», а лишь друзья-товарищи по нашему Писательскому сообществу. Да и я в тот год и день был бы нелеп в вашей компании, неуместен, ибо перестал употреблять ее, треклятую. К сожалению. Так получи-

лось, до того дошло. Как говаривал мой сокурсник, «такова се ля ви!»

Теперь ТАМ вы с Геннадием и Германом можете выпить за всех нас, шестидесятников (если там можно выпить и не посчитается за грех) и поговорить; вам есть что вспомнить! Не обижайте Венедикта Тимофеевича.

А мы уж здесь, на грешной Земле, наполним чашу круговую и вспомним всех, всех наших. И Борю Марьева, Юру Лобанцева, Тамару Чунину, Сашу Чуманова, и Лешу Чечулина, Володю Дагурова, Эрнста Бутина, Борю Путилова... Конечно, как не помнить? Обязательно. Длинен, длинен печальный список. Теперь и ты – уральский, русский поэт Герман Иванов – в том сонме незабываемых.

Увы, поредело наше сообщество, тех, кто крепко был связан теплом человеческой дружбы и литературного братства. Кто остался? Раз, два, три, четыре... На днях, печалясь, звонили из Москвы Наташа и Таня Чекасины.

Открываю книгу, когда-то задуманную мной с товарищами по Союзу, – «Автограф. Екатеринбургские писатели о себе». В Москве, в Секретариате СПР, она произвела сильное впечатление, многие провинциальные организации, завидуя, задумали подобный проект. Открываю книгу с твоим эссе, вновь хочу прочесть о твоем детстве, о первых шажках в большую литературу. «Когда мне исполнилось пять лет, – вспоминал ты, – написал первое в своей жизни стихотворение... Вот оно:

«Самолетик, самолетик –
Ох, как крылья голубы.
Посмотри-ка в небо, котик,
Видишь – звездочки видны!»

Произошло это событие спустя несколько месяцев после завершения Великой Отечественной. А до этого случилось много другого».

Перечитываю стишок, бормочу, напеваю. Ведь он не только об авторе, Гере Иванове! Всё. Заканчиваю. Не могу больше. Слезы застилают глаза.

Владимир Блинов

ПОЭТЫ ХИММАША

В 60-е годы прошлого века, когда поэзия была в фаворе и московские поэты собирали полные стадионы слушателей, у нас на Химмаше поэзия тоже бурлила ключом – были свои поэты: Герман Иванов, Александр Чуманов, Сергей Матвеев, Станислав Братчиков, Владимир Валиулин и другие. Я тоже корпел над стихами. Все мы работали на заводе. Одно время у нас даже существовало литобъединение, которое вел Герман Дробиз. Иногда мы проводили в заводском клубе поэтические вечера. Почти весь зал заполнялся молодыми и пожилыми любителями поэзии, которые приходили слушать своих доморощенных поэтов.

Первым на сцену обычно выходил Герман Иванов; неторопливо и уверенно читал свои стихи. А за ним, осмелев, читали свои вирши и остальные. Зал внимательно слушал и одаривал нас аплодисментами. Позднее, уже под патронатом Леонида Фомина, который тоже жил на Химмаше, мы посещали заводские общежития и там выступали перед молодежью. Нас часто печатали в многотиражке, и рабочий люд с интересом знакомился со своими, заводскими, авторами. Это радовало и вдохновляло на дальнейшее творчество.

Когда редактором газеты стал наш сверстник Сергей Балин и в редакции стали работать Гера Иванов и Саша Чуманов, мы, ближний круг пишущих стихи, стали собираться в редакции. Иногда к нам присоединялся поэт-пожарник, мужчина, намного старше нас, который писал очень длинные обстоятельные стихи. Запомнилась одна строчка: «...Источник мудрости – моя библиотека». А если подогревались портвейном, то засиживались допоздна. Иногда к нам присоединялись девушки из заводского радио.

В компании поэтов, несомненно, ведущим был Герман Иванов. С ним мы познакомились таким образом... Однажды Серега Балин говорит: «В модельном цехе появился очень интересный поэт» (в то время Герман вышел из армии и поступил работать на завод). Вскоре мы познакомились и подружились. Со временем, когда мы обзавелись семьями, то стали встречаться оными по праздникам, дням рождения и т.п.

Как известно, всю дальнейшую жизнь он посвятил литературе. Гера дарил мне все свои сборники, а я ему – графические работы, которые он развешивал по стенкам в квартире.

Где-то в последние годы, когда у него появились внуки и внучки, он начал писать сказки и предложил мне их проиллюстрировать. Я почитал и был очарован! В книге Герман выступает в творческом содружестве с женой Татьяной Ивановой. Книга называется «Сказки. Присказки. Высказки»...

Работалось мне легко и весело и довольно-таки быстро. Я нарисовал картинки, и книжка ушла радовать детей.

...Стихи Германа Иванова – теплые, мудрые, неторопливые, музыкальные, с добрым юмором, близки мне, и когда на сердце наваливается невзгода, я достаю один из томиков его стихов и врачую ими мое сердце и душу.

Александр Вохменцев,
художник

ИЗ ЧУВСТВА ПРАВОТЫ

Герман ИВАНОВ
(20.12.1940–14.07.2019)

Писать про Германа Иванова трудно и по причине достаточно редкой: он – человек скромный, т.е. – прямо по словарю – не тщеславный, не амбициозный, не желающий быть на виду... Скромность отмечать неловко: она стесняется публичности; к тому же, на сегодняшний день, она – уходящая натура...

Стихи пишутся из чувства правоты, и как бы ни говорил поэт – «во весь голос» или «начерно, шепотом», – именно она, эта правота, волнует нас прежде всего.

Стихи Г.Иванова не шокирующие, не провоцирующие, не возмущающие, лишенные украшений и спецэффектов, сдержаны, целомудренны и деликатны...

Но после прочтения книги приходит совершенно неожиданная спокойная уверенность, что сегодня, когда мы в очередной раз ищем современные ответы на вечные вопросы КТО ВИНОВАТ и ЧТО ДЕЛАТЬ, тихая доблесть скромного человека – что бы там ни было, делать свое дело – остается единственно спасительной...

Его постоянное ощущение себя в общем строю не допускает никакой мифологизации места и назначения поэта: он не герой, не пророк, не пастырь, – он просто делает свое дело...

...счастье в жизни есть: такое, какого ты достоин, и ровно столько, сколько сможешь вынести. У самого Г.Иванова сложилось так:

Никогда мы не имели
Ни богатства, ни земли –
От Ивана, от Емели
Нас с тобой произвели.

Но зато на белом свете
Мы останемся в веках
В русских сказках, в славных детях,
В самых умных дураках.

(Из книги: Г.Иванов «Под общим небом». Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006)

Майя НИКУЛИНА

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Выйду в поле утром ранним,
Громко крикну:
– Гей, славяне,
Созываю я друзей!..

Тишина по сонным весям,
Только эхом из Полесья
Одинокий отклик:
– Гэй!

***

Мы ищем счастья постоянно,
Со «здравым смыслом» не в ладах,
На полусонных полустанках
И в отдаленных городах.

В тайге, где бродят только лоси
Среди слепящей белизны,
Гудки грядущих тепловозов
Нам так отчетливо слышны.

Вот дом родной.
И мама рядом.
На сердце грустно и легко.
Вдруг детство вспомнится, как давнее,
Чуть подзабытое предание...
А может быть, совсем неправда,
Что счастье где-то далеко?

***

Бывает час, когда не грех
От суетных тревог
Уйти в леса и, как орех,
Упасть в зеленый мох.

И лежа неподвижно, ниц
Среди седых дубов,
Услышать пение синиц
И тайный рост грибов.

Забыть о пошлости и лжи,
О подлости и зле,
Побыть — минуту — не чужим
Синице.
Мху.
Земле.

***

Нехоженым следом нехоженой тропки
По первому снегу ль бреду неторопко,
Иль еду в слепом и гремящем трамвае —
Я заново жизнь для себя открываю.

Пока белый путь серебрится и длятся
В глухой деревеньке и в дымной столице,
Деревья и травы, и птицы, и лица
Не смогут ни разу уже повториться.

Извечна игра колдовства и рассудка
В скольженье пера и в наскальном рисунке,
Божественный мир бесконечен и вечен,
Пока созерцанием очеловечен.

СКАЗКА

Вхожу околдованный
В сказку твою
Зимой и весной.
Какую надежду я в сердце таю,
Несмелый,
Смешной?

Ты мне подскажи:
Почему, отчего
Средь белого дня
Других ты встречаешь
Царевной живой
И спящей — меня?

И как вдруг случилось —
Ты стала одной
В бескрайней Руси?
Волшебным кольцом
Иль живою водой
Тебя воскресить?

Ты только шепни мне —
Я сразу пойду
В загадочный лес,
Туда, где напутал
Жестокий колдун
Немало чудес.

И я отыщу
Все дороги-пути,
Хоть баба-яга
Дождями,
Метелями будет крутить,
Туманами лгать.

Приду я,
Где морем живая вода

Фото Вадима Осипова.

И россыпь колец...
Вот сказка.
А в сказке бывает всегда
Счастливый конец.

***

Тане

Стихли песни,
Стихли пляски,
Стихли драки.
Спит трудяга.
Спит пьянчуга.
Дремлет вор.
Под угрюмое молчание барака
Мы ведем с тобой семейный разговор.

В тесной комнатке угрелся скарб
невзрачный,
В самодельной колыбельке сын сопит
Нам вдвоем с тобой не в тягость
быт бардачный,
Мы давно уже втерпелись в этот быт.

В этом мире неустроенном и грубом
Под покровом благоденственных ночей
Хорошо, что мы с тобой друг друга любим,
И какое дело нам до мелочей...

***

Не желал, а пришлось примириться
С волей женщины в вечной игре.
Возвратясь из ученой столицы
Потерял я тебя в декабре.
Что-то сдвинулось вдруг неприметно —
На столе есть и вина, и чай,
Но внутри обстановки предметной
Беспредметно витает печаль.

***
Ни тормозами, ни умением
Судьбы вираж не побороть...
Спасенья нет! Но, тем не менее,
Знать ничего не хочет плоть.

Она инстинктом, провидением,
Слепой надеждою живет
И в предпоследнее мгновение
Одолевает поворот.

***
Грешен, о, Господи, грешен!
Горько и сладко вдвоем.
Зыбкой судьбой занавешен
Стылый оконный проем.

Алчут просохшие губы...
Вязнут во мраке слова...
В жизни мы все — многолюбы.
Ты оказалась права.

Слабым мерцающим светом
Черную ночь подожку.
Сладким дымком сигареты
Перед собою солгу.

Сам я все строже и строже
К мысли склоняюсь одной:
Дом мой давно отгорожен
Прочной кирпичной стеной.

***
Я спросил у ручья:
— Ты чей?
У березы спросил:
— Ты чья?
Он в ответ прозвенел:
— Ничей.
Прошептала она:
— Ничья.

Между тем
Уже сколько дней,
Между тем
Уже сколько ночей
Все течет у березы ручей,
А береза стоит у ручья.

***
Веселый снег летит обильно
На крыши, кружево оград,
И гроздья красные рябины
Веселым пламенем горят.

Веселый смех летит по скверам,
Веселый звон везет трамвай,
И щиплет нос морозец первый,
А ну-ка, шевелись давай!

Конец распутице осенней.
Светлым-светла земля и высь.
Когда в природе обновленье
И ты не хмурься.
Улыбнись!

***
Мечталось мне на склоне лет
Своих внучат ласкать,
Иметь свой завтрак, свой обед
И ужин не искать,
И ни о чем не горевать,
И песни распевать...

Жизнь оскверняя суетой,
Смеюсь я над своей мечтой.

***
«В лесу родилась елочка», —
По узенькой тропе
Глухой декабрьской полночью
Шел человек и пел.

Мурлыкал песню русскую,
Что знает стар и мал,
А снег слегка похрустывал,
Как будто подпевал.

Шел человек в дубленочке —
Топорик на весу,
Отыскивая елочку
Последнюю в лесу.

КИТАЙСКИЕ МОТИВЫ

На другое бы я не разжился,
Потому что деньжонок впритык:
Разодетый в китайские джинсы,
Весь замотанный в их пуховик,
Выбегаю с утра полусонный,
На китайские глядя часы,
А на мне, извините, кальсоны
С ихним лейблом, носки и трусы.
Мне не то что Карден, даже Зайцев
Не по силам, понятно ежу,
Потому благодарен китайцам
Тем, что голым совсем не хожу.
Я люблю их, стараньям которых
В мире есть и лапша, и кунг-фу,
За бумагу, за рис и за порох,
А вдвойне — за Ли Бо и Ду Фо.
И меня укорять не пытайся,
Ты мне лучше в глаза посмотри —
Я снаружи — китаец китайцем,
Чисто русский, однако, внутри.

***
Из хламидомонады
Сочинил я наряд —
И хламида — что надо,
И монады искрят.

— Что ж, хламиде я рада, —
Мне жена говорит, —
Только эти монады
Так вульгарны на вид.

Я подумал: «Неправда!»
Но попробуй скажи!
Отпорол все монады
И в тайник положил.

Вид без них непарадный
Отвращал и бесил,
Лишь любви нашей ради
Я хламиду носил.

Но когда оставался
Я один, в тот же миг
Блеском их любовался,
Благо рядом тайник...

ПАМЯТНИК

Под завывание вьюги
Вижу я сладостный сон.
Там за большие заслуги
Памятник мне вознесен.

За кружевною оградой
Гордо стою в вышине,
Только вот голуби, гады,
Гадят на лысину мне...

ЧЕЛОВЕК

От рожденья до порога —
До первичной простоты
В этом мире волей Бога
Есть Вселенная и Ты,
Как дитя слепой природы,
Как причудливый фасон,
Нечто, нарочное, вроде —
Сброд случайных хромосом,
Обреченных на старанье
За бесплотные мечты
Балансировать на грани
Бытия и Пустоты.

ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Нахлебавшись и войн, и болезней,
Наплодивши сирот и калек,
Вот и ты ускользаешь, скабрезный,
Одиозно промотанный век.

Поднимая над миром все круче
Полумесяц, звезду или крест,
Ты не стал ни добрее, ни лучше
Для живущих на свете существ.

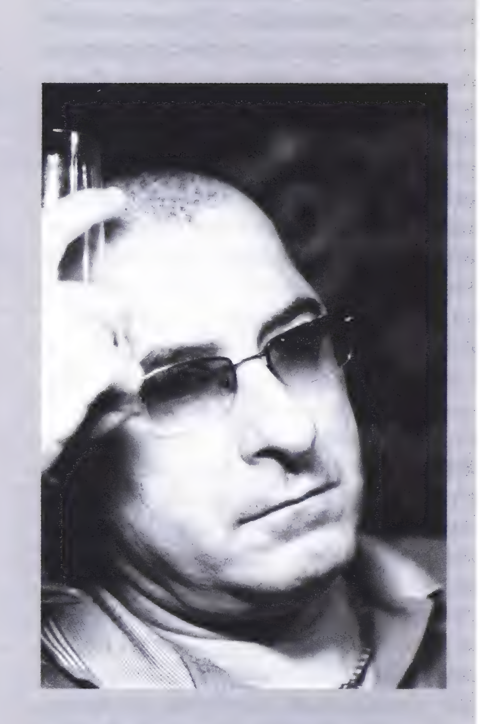
Под метели полночные всхлипы
На твоем, на последнем краю
Я стакан русской горечи выпью
И веревочкой горе завью.

Длится ночь. И никак не светает.
Ветер с плача сорвался на визг...
Все надежды свои, все мечтанья
Прокутил, разбазарил я вдрызг.

Остается лишь словом посильным,
(До конца мы надежду таим),
Пожелать лучшей доли, Россия,
Заблудившимся детям твоим.

☐

РАССКАЗЫ



Андрей САЛЬНИКОВ

Окончил УрФУ по специальности искусствовед. Журналист, редактор радиоархива СГТРК. Работал в газетах и журналах: «Пенсионер», «Уральская магистраль», «Опора России», «Свадебный вальс», «Хороший сезон» и др. Занимается правозащитной деятельностью в социальной сфере. Публиковался в журналах: «Урал», «День и ночь», «Белый Ворон», «Хороший сезон», «Новая Реальность», «Урал-Транзит», электронные публикации на портале «Мегалит» и в журнале «Лиterraтура № 139». Автор книг прозы «Черная манера» и «Травленый штрих». г. Екатеринбург.

ВАНЬКИНО СЧАСТЬЕ

Нил Савватьевич был уже далеко не молод. Службу свою в почтовом департаменте он начал еще при Прянишникове. В очередной зимний вьюжный вечер, в Сочельник, он, тяжело покряхтывая и покашливая, шагал по своему участку, собирая письма и открытки из почтовых ящиков, а этих почтовых отправлений перед светлым Рождеством было, как всегда, много. Вот и в очередном чугунном ящике их набралась целая куча. Так что, вытаскивая послания, он пару штук уронил на притоптанный грязноватый снег. Кряхтя и чуть слышно постанывая – о господи, силы небесные, – Нил Савватьевич наклонился и поднял упавшие конверты. Один из них показался ему странным, в надписях на конверте было что-то не то, но в тусклом свете висевшего на углу при схождении двух улиц керосинового фонаря разглядеть, что это было, не получалось. Как ни относил старик конверт на вытянутую руку, как ни щурил подслеповатые глаза, ничего у него не выходило. Пришлось ему одевать тщательно оберегаемые от случайностей очки. Ну не везло старому почтальону на очки: то украдут, то сломает, то потеряет, а стоили очки эти по нищенским почтовым прибыткам жутко дорого, а без них, стареющим глазам пожилого почтальона, было никак не обойтись. Потому и хранил он их во внутреннем, застегнутом на пуговку кармане своей форменной куцей шинелки, да в купленном при случае старом, потертом, деревянном очешнике. Перекинув почтовую сумку подальше за спину, старик похлопал рука об руку, снял обшитые брезентухой рукавицы, сунул руку за пазуху, и, поковырявшись в кармане, вынул футляр. Бережно, словно драгоценность, достал он оттуда очки, водрузил их на нос, затем глянул на смутившую его надпись на конверте. Она гласила: «На деревню дедушке. Константину Макарычу». – Ох, ти мне! – изумился старый почтальон. – Давненько я не встречал этакого... – пробурчал он, кладя письмо себе в карман. Обойдя участок и набив до отказа свою почтовую сумку письмами и рождественскими открытками, Нил Савватьевич вернулся в здание почтового отделения.

***

Выложив письма в отдел приема и сортировки корреспонденции, обогревшись и перекусив кусочком хлеба с горячим чаем, Нил Савватьевич присел погреться у печки – голландки и стал, грустно улыбаясь в бороду, разглядывать тот самый конверт с так нелепо написанным адресом. В натопленном зале почтового отделения было тепло и почти тихо, так как двери для посетителей уже закрыли.

– Чегой энто у тебя – Нил Савватьич? – пробасил молодой, дюжий кучер почтовой тройки Егор, сидевший у сортировщиц за самоваром. – Да вот, шалопай какой-то письмо в ящик бросил, а какой адрес написал?! На деревню дедушке! От неграмотности знать-то или по малолетству, – опять грустно улыбнулся старый почтальон. – Да ты что-о?! – улыбаясь, протянул кучер, поднимаясь на ноги и подходя к Нилу Савватьевичу. – Дай-кось гляну... – басил Егор, улыбаясь все шире.

Старик нехотя протянул ему конверт. Тот принялся читать, мучительно морщась и шевеля губами, грамота давалась ему нелегко, и читал он по слогам. Прочтя и покумекав что-то про себя, Егор расцвел и принялся хохотать, уперев руки в могучие свои бока, притопывая правой ногой, наклоняясь

вперед и брызгая слюной. – От, умора, батюшки святы... да подишь ты... – заливался смехом бугай.

Нил Савватьевич недовольно покачал головой, но ничего не сказал. Тут на гогот Егора прибежали девушки-сортировщицы Антонина и Маня. С трудом выяснив, в чем дело, у продолжавшего ржать кучера, они забрали у него конверт и убежали в другую комнату, где вслух прочли надпись на конверте коллегам. Вскоре хохотало уже все почтовое отделение. Даже вышедший узнать, в чем дело, почтмейстер, присоединился к общему хору. Повсюду были видны слезившиеся глаза, забрызганные слюной воротники и передники, красные лица. Лишь старый почтальон не участвовал в этом буйстве смеха. Пожевав губами, он зашел в зал, вырвал из рук Антонины письмо, сказав, окая, что бывало с ним только в минуты волнения, так как с Костромы своей уехал он в столицу почти шестьдесят лет тому назад – хошь и нельзя, но надо бы почитать, что там, в письме, может горё какое!? – В предвкушении продолжения веселья с ним согласились все, даже почтмейстер Степан Савельевич, вообще-то человек очень строгий и выдержанный. Подержав конверт над паром из самовара, Нил Саватьевич костяным ножиком поддел место склейки, потом легонько пальцами раскрыл конверт и достал письмо.

– Читайте вслух, Нил Саватьич, – попросила бойкая Антонина и все поддержали ее просьбу нестройным хором.

Укоризненно взглянув на них, старый почтальон бережно развернул письмо и все-таки начал зачитывать его вслух...

***

Когда он окончил зачитывать письмо, в отделении стояла гробовая тишина. Все прятали друг от друга глаза, смешливая и бойкая Антонина утирала слезы, и только кучер стоял, все еще глупо скаля свои лошадиные зубы.

– И-эх-ма, вот жисть то сиротская – не кулич на паску! – раздумчиво сказал истопник Петрович и, расстроено махнув рукою, пошел курить на крыльцо, на ходу сворачивая цигарку. Многие заметили, что руки у него заметно подрагивали. Вдруг тихая и незаметная вдовушка Вера произнесла задумчиво: – А ведь я знаю этого мальца.

Все взоры тут же обратились на нее. Засмущавшись и залившись краской, Вера пояснила: – Я как-то Голодаевской улицей шла, а его приказчики били. Как раз за огурцы эти, они здоровые черти, а он маленький, да худющий, так еле отбила, хорошо еще, что студенты мимо шли, ввязались, а то и мне перепало бы... – грустно улыбнулась молодая женщина.

Нил Савватьевич, пожевав губами, вдруг спросил: – А ты знаешь хоть, где живет-то малец? – Вера смущенно кивнула, ответив: – В доме коммерции советника Игнатьева в учениках у сапожника Аляхина он. Я его тогда до дому проводила, чтобы не обидели... – еще больше смущаясь, ответила она.

– Всё! Хватит с вас чтений и церемоний! – неожиданно громко заявил, спохватившись, почтмейстер и добавил, – заканчивайте, у кого что осталось, и по домам, завтра работы еще больше будет – Рождество на носу! – И внушительно погрозил всем пальцем. Все зашевелились и разошлись по своим местам, поднялся обычный рабочий шум, и только Нил Савватьевич и Вера отошли в сторонку и о чем-то долго шептались.

***

У господ Живаревых по дому беготня, нервы, ругань... Прислуга шепталась о том, что опять новорожденный Павел Федотыч плакать изволил всю ночь, а третьего дня нанятая нянька – двадцативосьмилетняя Настя, умаявшись за день по поручениям властной и всю жизнь прожившей в доме Живаревых ключницы Марфы Егорьевны, опять уснула и не доглядела мальца.

Слуг в доме после реформы стало заметно меньше, вот и приходилось каждому, кто остался, за нескольких дореформенных дело справлять. И ведь беда-то в том, что она уже третья, кто не смогла. Василина Игнатьевна в расстроенных своих материнских чувствах слегла и даже не была у всенощной. Муж ее – Григорий Александрович устало и безнадежно ругал няньку, она, опустив очи долу, что-то тихо шептала в ответ...

***

Прямо с утра, не выспавшись как следует, из-за плача малютки, которого ночью было слышно на весь дом, Ольга Игнатьевна в очередной раз высказала маменьке упрек за своего любимца Ванечку Жукова: – Был бы Ванятка при нас, он бы доглядел за дитятей, хороший был мальчик смышленый, послушный. – Но в отличие от прежних ее попыток защитить любимца, сегодня ее слова были услышаны, потому что уже недели три после родов как не высыпались в доме все. Доктора, что земский, что привозной из города, насоветовав укропной воды, только разводили руками, не находя у чада ничего опасного. Велели звать сторожа Макарыча, чьим внуком и был сосланный в город мальчик.

***

Дед долго, старательно обстукивал и обмахивал веником свои старые подшитые пимы на крылечке у колонн портика. Затем опасливо озираясь, почти на цыпочках, он поднялся по парадной лестнице вверх на антресоли и, постояв в нерешительности перед дверьми с бронзовыми, покрытыми сусальным золотом ручками, все же вошел в гостиную к господам и поклонился в пол, зажав в руке мохнатую собачью шапку. Когда он выпрямился, господа заметили, что глаза его и нос у него красны, а старческие тонкие губы дрожат.

– Ты что это, Макарыч, с утра принял что ли?! Смотри у меня?! – строго посмотрел на старика Игнатий Николаевич.

– Да што вы, што вы, хасподь с вами, батюшка... – испугавшись, мелко закрестился сторож. – В-ваша милость, – начал с испугу даже немного заикаться старик, – эт-то письмо я п-получил, от в-внука сволво Ванятки, вот и плакал много, худая у него жизнь, и вроде все, как полагатся по учению его, а жалко сиротку, с-спасу нет...

Господа переглянулись, и Ольга Игнатьевна спросила: – А где же письмо?!

Старик засуетился, полез за пазуху, развязал какой-то мешочек на шее и, вынув оттуда письмо, протянул его барышне. Та дрогнула было, и гримаса отвращения появилась на ее лице, но письмо взяла, не спеша расправи-

ла конверт в руках, прочла адрес, и удивленно подняв левую бровь, сказала: – Ванину руку я знаю, а кто дописывал адрес?! – Константин Макарович в недоумении развел руками, он вообще об этом не подумал, получив это письмо. Для него самой собою разумеющимся казалось, что мальчик, умевший читать и писать до поездки в город, в городе стал еще грамотнее. Барышня тем временем быстро пробежала письмо глазами, насупилась и протянула его папа, сказав только: – Бедный мальчик. Такая жестокая судьба! – и отвернувшись к окну, принялась вытирать глаза батистовым платочком. Игнатий Николаевич вставил монокль в левый глаз, поднес руку к окну, так как карсельская лампа на тускло-сером зимнем рассвете давала мало света, и стал медленно, все более хмурясь, читать письмо. Затем крякнул, отдал письмо мама и, повернувшись к старику, сказал: – Ты, Макарыч, вот что, собирайтесь-ка с Егоровной, она мальчика в город отвозила и знает, где его найти. До станции вас Степан довезет...

ВСЕ ПРОЙДЕТ

– Все пройдет, пройдет и это, – утешал себя Ян, буквально выползая из спортзала 146-й школы, что находилась тогда на повороте трамвайных маршрутов с Октябрятского поселка на район УЗМТ. Накувыркавшись по системе Кадочникова, он почувствовал острую боль в давно пощелкивавшем колене. Щелкало колено и раньше, но тренер успокоил: «Да не меньжуйся ты, это почти у всех такое, пройдет». – Не прошло. На этот раз в нем что-то противно щелкнуло и как бы застряло. Боль была адова. Синие искры перед глазами. Охая и зажимаясь, чтобы не застонать в полный голос, Ян кое-как переоделся и вышел, а вернее выполз на улицу. Выполз и выругался. И было от чего. И в этот раз на спортплощадке перед школой граждане выгуливали огромное количество собак без поводков. Половина из них бойцовские, да еще и от хозяев, чья крыша уехала в отпуск, причем давным-давно, и даже не обещала вернуться. Зима, темно, хотя и не поздний вечер, слепили глаза фонари и шальные, большие снежинки, танцуя вокруг него хороводы, всё старались залететь ему прямо в глаза. Но вся эта красота не трогала Яна, на здоровых ногах ему ничего не стоило бы обойти этот собачий (во всех смыслах) заповедник, но сейчас он смог бы лишь проковылять через площадку по кратчайшему из расстояний. Ян сжал зубы и шагнул вперед...

– Все пройдет, пройдет и это, – утешал он себя, когда к нему с разных сторон, восторженно повизгивая и рыча от предвкушаемого удовольствия, бросилось сразу несколько здоровенных псин. Хозяева всё это видели, но старательно делали вид, что не видят. Только один из хозяев открыто повернулся и, сложив руки на груди, так, в позе Наполеона, стал ждать, когда же «обосравшийся лох» начнет просить, чтобы он отозвал своего бультерьера. Но собаки, на всех парах, буквально подлетев к Яну, внезапно резко останавливались и тут же начинали жалобно скулить. Они еще и с явной жалостью смотрели на него, а потом убегали, оглядываясь и повизгивая. Собаки оказались человечнее хозяев и по-своему посочувствовали больному. А люди? «Наполеон», например, грязно обругал и забрал с площадки своего пса, видимо не оправдавшего «оказанного ему высокого доверия». Ян подобрал обрезок доски, чтобы использовать его вместо костыля и с ним похромал дальше...

– Все пройдет, пройдет и это, – Ян судорожными рывками, поскуливая (как те собаки) от вгрызавшейся в ногу при любом движении новой волны боли, хромал до трамвайной остановки, когда увидел уже уезжавший от остановки трамвай нужного ему маршрута. Хотя вечер начался только еще с включения фонарей и даже рабочий день не везде закончился, но в те времена («святые» девяностые) очень велик был шанс следующего трамвая уже не дождаться. Такси тогда стоили просто непомерных денег, а скорая помощь на такую травму могла и не приехать, да и кто бы ее вызвал? – если сотовые тогда были только у олигархов. Ясно представившаяся ему перспектива ковылять до больницы на такой ноге, заставила Яна яростно замахать своей неудобной опорой. Трамвай вдруг, заскрежетав, остановился. Открылась передняя дверь. Со всею возможною скоростью, на какую он только был способен, Ян бросился ковылять через дорогу. Добредя до трамвая, он забросил обломок доски в вагон и на руках начал заползать в трамвай. Но ступенька была высоко и выходило у него не очень. Несколько сердобольных пассажиров бросились к нему на помощь, зато другие недовольно ворчали.

На вопрос водителя: «Что с тобой, парень?!» – Ян, буквально упав на сиденье, рассказал о том, что с ним случилось, и попросил разрешения доехать до 23-й больницы. Денег у него не было. Кондуктор разворчалась было, но водитель цыкнул на нее, и она недовольно умолкла.

Не доезжая до остановки «Красных Балтийцев», то есть прямо напротив 23 больницы, нарушая ПДД и кучу инструкций, водитель остановил трамвай и те же сердобольные пассажиры помогли больному выбраться из вагона. Ян переждал ехавший по дороге транспорт и, собрав все силы, тихо матерясь и постанывая от боли, кое-как дохромал до травмопункта. Там уже сидела целая куча народу. Он занял очередь и стал ждать. Его беспокоила не только нога, но и то, что в университете, где он учился, нужно было сдавать зачет по физкультуре. В этот раз надо было сдавать кросс. Причем преподаватель физкультуры так поставил дело, что не сдача зачета была чревата самыми серьезными проблемами. Можно было завалить все что угодно, но физкультура должна была быть сдана! Яну позарез нужно было получить освобождение. Очередь двигалась медленно. Когда до Яна, наконец, дошла очередь, все медицинские работники вдруг забегали, а потом куда-то исчезли. После часа ожидания выяснилось, что здесь сегодня принимать больных больше не будут, ибо приехала какая-то комиссия и будет здесь все проверять. Всех направили в 14-ю. Люди ругались, ворчали, но собрались и поехали в приемный покой 14-й ЦГБ, причем из района «Электромех» в соседний район – «УралПром». Ян никуда поехать не мог. Тихо матерясь и кусая до крови губы, он собрался духом и пошел на прием к терапевту.

– Все пройдет, пройдет и это, – утешал себя Ян, еле удержива-

ясь, чтобы не застонать и потому, не обращая внимания на то, что в очереди в кабинет врача сидели одни женщины. Женщины переглядывались, перешептывались, но ничего ему не сказали, ни когда он занимал очередь, ни когда сами занимали за ним. Наконец и здесь подошла очередь и Ян, измученный болью и почти уже трехчасовым ожиданием, практически заполз в кабинет. И доктор, и медсестра при нем, а вернее при ней – ибо доктор тоже была женщиной, посмотрели на Яна с немалым изумлением. Наконец одна из них строго произнесла: «Молодой человек, немедленно выйдите и прочитайте, что написано на дверях». Ян помотал головой и от боли став по-настоящему наглым, через красную пелену в глазах, проникновенно произнес: «Я обязательно выйду и прочитаю, но, пожалуйста, дайте мне освобождение от физкультуры, у нас сегодня кросс в университете, а из меня сейчас бегун... – он развел руками и криво улыбнулся, а затем продолжил, – мне и до дому-то не дойти. – Он помолчал немного и буквально взмолился, – можно мне направление к хирургу или травматологу, я три часа ждал». Женщины переглянулись, поулыбались, но выдали и справку-освобождение, и направление к травматологу с пометкой «срочно». Но обе эти драгоценные для него бумажки были со штампом: «Врач-гинеколог»! Кто же знал, что в этот день терапевт уступил кабинет для гинекологического осмотра?!

– Все пройдет, пройдет и это, – утешал себя Ян, когда на осмотре у хирурга выяснилось, что у него разрыв мениска. Этого хирурга сердобольный «женский» доктор все-таки уговорила прийти из стационара, где он был на дежурстве. В поликлиннике в это время уже все приемы закончились, а ехать куда-либо этот больной был явно не в состоянии. Ногу заковали в гипс. Хирург выписал направление на больничный, а вот освобождение от физкультуры, ссылаясь на бюллетень, выписывать не стал.

Когда все закончилось, Ян, тихо постанывая, добрался до выхода из больницы и остановился. Трамваев ждать было уже бесполезно, стояла глубокая, декабрьская ночь.

Снег все падал и падал, постепенно превращая грязный уральский Яковск в белоснежную сказку, но сказка сказкой, а добраться до дому без машины было нереально. Очень хотелось есть...

Ян вздохнул, снова внутренне сжался и поковылял к дороге. После сорока минут ожидания остановилось возле него пять машин и все как одна отказались ехать без оплаты сразу. Ян начал уже всерьез подмерзать и отчаиваться, как вдруг из-за поворота... выкатились сани. А в санях, Ян даже и не поверил своим глазам – в санях сидели весьма поддатые Дед Мороз и Снегурочка. Проезжая мимо Яна, Дед Мороз лихо гаркнул – тьпр-р-ру-у-у! – Лошадь встала.

Садись, парень! – сказал сказочный дед, хриплым пропитым басом и добавил: – Чудеса случаются! Но только у хороших людей! – И пьяно подмигнул, изрядно удивленному Яну. Тот не стал возражать и кое-как забрался в невысокий возок, случайно прижавшись к пышной груди снегурочки. Снегурочка хохотнула, обдав его еще не перегаром, но уже стойким запахом водки, рыбы, чеснока и мандаринов. – Куда едем?! – поинтересовался спаситель. – Мне бы на угол «Гагарина и Леонова» и «Зуборезчиков» – робко попросил Ян, все еще не веря своему счастью. – Эт-то можно, нам там рядом – пробасил дед, смачно гаркнув – мм-нно-о-о, захудалая! – лошадь тронулась с места, и они почти неслышно покатили по вечерней сказке засыпающего в белоснежной пелене города. Навстречу им ехали и сигналили редкие в этот час машины. Снегурочка на ухо рассказывала Яну о том, что они ездили от профкома завода «Металлоизделия» поздравлять подшефных детишек с наступающим Новым годом, и что детишек много, вот и начали пораньше, с двадцать пятого... Дед Мороз горланил частушки, а Ян умиротворенно думал о том, что мир все-таки не без добрых чудес. – Не все как собаки! – разнеженно подумал он, и вдруг застыдился, вспомнив сегодняшнее поведение собак...

Чудеса продолжились. Дед Мороз и Снегурочка не только довезли Яна, они еще и затащили его на четвертый этаж, что, впрочем, никак не сказалось ни на их состоянии, ни на их настроении. Закрывая двери, Ян слышал внизу спускающиеся, неровные шаги, хохот Снегурочки и громкий бас Деда Мороза выводивший: «Когда б имел златыя горы»...

«Много ли для счастья надо?», – подумал Ян, упав на диван и тихо млея от почти полного отсутствия боли, вдруг опять вспомнил сегодняшних собак, и у него отчего-то сладко заныло в груди...

«Все пройдет, пройдет и это», – проворчал про себя Ян, когда в деканате больничный лист приняли, но, по настоянию преподавателя физкультуры потребовали и освобождение от занятий физкультурой, хотя диагноз и гипс на ноге, казалось бы, должны были бы исключить подобные требования. И пришлось ему, краснея и смущаясь, отдавать ту самую справку от гинеколога. И ее, что чрезвычайно удивило Яна, приняли без особых вопросов...

– Все пройдет, но только не это!

НЕ УХОДИ, БЕЗ ТЕБЯ... ЛУЧШЕ

«Не уходи, без тебя... лучше», – с горькой усмешкой подумала мать Лены, опять вспомнив покойничка – деда Лешу, любившего повторять эту городскую шуточку, когда случайно подслушала разговор соседки с ее сестрой Ниной. «Сердобольная» соседка, коих множество во все времена, с «участием» выговаривала Нине: «Тяжко тебе ведь воз-от такой одной тянуть, своих-от трое, мужа убили, а тут сеструха с довеском – нахлебники! Ехали бы уж они куданибудь, да вам жить не мешали. Муж-от ёйный, знать-от к немцам подался, раз «без вестев пропал». И то думать, чем в окопах гнитьот, да под пули лезть, лучше уж в плену отсидеться. Немцы-от, знаюшшие люди баяли – культурна нация, не мы – лапти. Пересидит войну в тепле, да в сытости, а вы тут его щеней, да жонку кормите – знайте. Власти-от знают чо деют, раз паек им не положен, знать-от не просто так...»

«Не уходи, без тебя... лучше», – гудело в ее голове набатом, когда Валя не дослушав того, что ответила Нина, опрометью, не разбирая дороги, бросилась в школу за дочерью. Забрав дочь, она почти выкрала из дома свои нехитрые пожитки и уже вечером Валя с дочерью ехали в дырявом и прокуренном вагоне в

Казахстан. Там они не задержались, ибо и там было голодно и холодно, и потому подались мать с дочерью еще дальше, в Узбекистан, в древний и солнечный город Самарканд. Несмотря на то, что только что закончились последние бои с басмачами, а может именно поэтому местные начальники их приняли очень хорошо и даже помогли Вале устроиться сначала библиотекарем в школу, а затем и учителем русского языка и литературы. На то, что муж у Вали был подозрительно «без вести пропавший», здесь как-то не обратили внимания. И началась у них совсем другая жизнь...

«Не уходи, без тебя... лучше», – вспомнилась Валентине Петровне дедалешина присказка, когда в середине восьмидесятых начались в Узбекистане косые взгляды местных в сторону русских. Удивительно быстро вчерашние соседи, сослуживцы и некоторые «друзья» дошли до того, что квартиру пожилой учительницы стали защищать ее ученики. Приходили они по нескольку человек, но было понятно, что вечно так продолжаться не может. Ее дочь – Лену, как ее мужа с работы тоже вытурили, несмотря даже на то, что специалиста такого уровня на заводе больше не было. И Лена с мужем собрались уезжать в Россию, осталось уговорить всячески сопротивлявшуюся этому мать, которую они здесь бросить просто не могли. «Уговорили» Валентину Петровну местные «активисты», начавшие стрелять в ее добровольную охрану. И хотя ранили только одного и то легко, старая учительница решила не рисковать чужими жизнями и согласилась на уговоры дочери, зятя и внучек.

«Не уходи, без тебя... лучше», – не раз вспоминала Валентина Петровна дедалешину фразочку, и было от чего. Бесконечные хождения по вязкой паутине кабинетов российского чиновничества никак не способствовали пробуждению в ней любви к своей новой-старой родине. Три года походов за гражданством и пенсией, почти столько же – борьба за признание стажа и квалификации ее дочери, бесконечные приводы в милицию за «нарушение» паспортного режима – все это и многое, многое другое ожесточили всю семью. Но назад дороги не было.

Наконец, все мытарства переезда и репатриации оказались позади, и Валентина Петровна решила съездить на свою малую родину, чтобы узнать, что стало с сестрой, братом и другими родственниками, остававшимися на Урале. Обида, хотя и накатывала порой, но давно уже не определяла отношения Валентины Петровны к своей родне, просто найти хоть кого-то у нее до сих пор не получалось.

Письма и запросы возвращались без ответа, а деревни той не было уже даже на карте и в истории Усть-Буйского, теперь уже Верхоямовского района. Близилось Рождество...

«Не уходи, без тебя... лучше», – помнил эту присказку и глава Верхоямовского района Алексей Петрович. И вот почему. Несмотря на то, что он сделал для своего района и самого маленького города Яковской области действительно много, но отсутствие собственной налоговой базы и крупных предприятий постепенно разрушали этот прекрасный, но уже очень запущенный городок. Не спасали даже монастыри, и начавшаяся было возня за превращение Верхоямовска в новый «духовный центр» Урала. От крупных городов он был далеко, промежуточные туристические цели столь далекого путешествия сколько-нибудь внятно отработаны не были, и потому туризм тоже не вывез экономику городка и района, несмотря на все старания главы администрации – коренного жителя Верхоямовска и даже прошлого главы Яковской области, некоторое время выделявшего на эти цели довольно большие деньги. Но местные жители ничего не хотели знать о его борьбе и стараниях – им нужен был результат, и потому они везде обсуждали вопрос замены своего главы и не просто обсуждали, но писали жалобы во все инстанции (вплоть до Президента России).

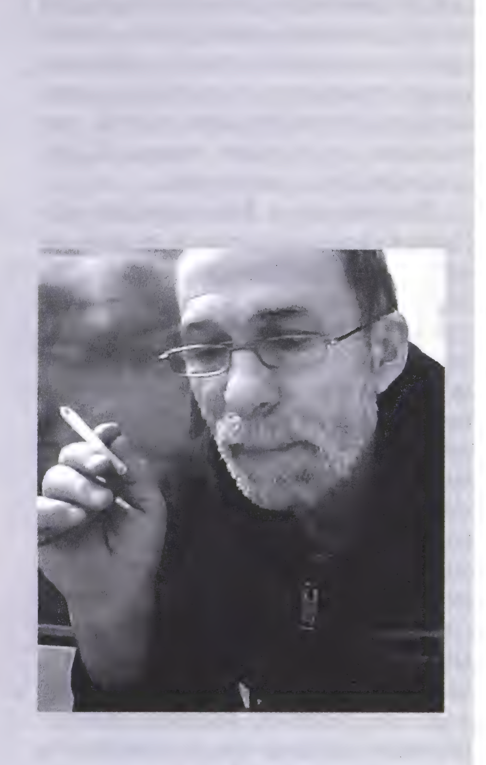
«Не уходи, без тебя... лучше», – царапалось в душе Алексея Петровича, когда к нему, как только он закончил поздравительную речь, подошла женщина и спросила, не знает ли он кого-либо из рода Черноскутовых, до войны живших в деревне Полуеденой. Глава удивился, но ответил, что это его родня. Женщина тоже очень удивилась, но представилась: – Валентина Петровна Подольская в девичестве Черноскутова. – Потеряшка?! Ты?! – изумился Алексей Петрович и, забрав гостью, тут же отправился домой. Дома почти сразу же началось маленькое светопреставление, уже через сорок минут там собралась почти вся жившая в городке родня. Шум, гам, возгласы, распросы...

Только здесь Валя узнала, что Нина тогда отматерила и едва не избила настырную соседку, а молчала в начале разговора потому, что просто онемела от той наглости, с которой та лезла не в свои дела. А когда Нина после долгих розысков сестры узнала, что Валю видели на вокзале, зареванную, то порывалась даже дом у соседки той сжечь, еле остановили. Соседку ту вскорости Бог покарал, осудили ее и в лагерь отправили, знать-то не только Нине она про «цивилизованных» немцев пела. Без права переписки, насовсем, значит...

– Не уезжай, поживи еще! – хором и поодиночке уговаривала счастливую Валюшу вновь обретенная родня. Но она счастливо отнекивалась, хотя и обещала вскорости вернуться и поселиться где-нибудь неподалеку. Обещала уже к майским праздникам детей и внуков привезти – познакомить с родней...

Валентина ехала из дома домой, бездумно и счастливо глядя в окно. Мелькали за окном поезда, заснеженные поля и вечные российские покосившиеся заборы и стайки, перелески и буераки, коробили взгляд упрямо выглядывающие из-под белоснежной простыни сугробов почти бесконечные помойки с их, не гниющим пластиком – убийцей природы. Но сейчас Валентине Петровне не было до них никакого дела – на душе было тихо и тепло. В глазах ее тихо светились радость и легкая грусть. Радость от обретения родных сердец и грусть о времени, потерянном без общения с ними. Почти незаметно для самой Валентины вместе с радостью от обретения родни возвращалось к ней и утраченное было чувство Родины, едва не убитое чинушами...

АЛЕКСАНДР КАНЧИК: НАШЕДШИЙ СВОЙ МИР



Стэф САДОВНИКОВ

Родился в 1948 г. в г. Бельцы, МССР. Образование: филологическое и художественно-графическое. Член многих творческих Союзов. Был художником-постановщиком нескольких художественных фильмов и главным художником Кишиневского театра им. А.П.Чехова. Опубликовал около десятка научно-исследовательских статей в научных журналах России, Молдовы и Румынии по истории происхождения геральдики древней Молдовы. Автор нескольких литературно-художественных произведений. Член Союза журналистов России. Живет и работает в Москве.

(Окончание. Начало на стр. 1)

Мы много беседовали, и выяснилось, что он все детство и юность провел в Севастополе, который, как он признался, остался в его памяти навсегда. Вот так и начались его новые работы, как-то связанные с чувствами к родному городу, с его архитектурой, с детскими воспоминаниями, забавными персонажами. И на новых картинах стала появляться светлая ностальгическая палитра. Работы его множились, появлялось в них некое философское осмысление с легким ироническим отношением к своему прошлому.

Не знаю, сохранились ли эти работы, но по прошествии многих лет, когда Саша уже жил в Израиле, мне удалось в Интернете увидеть его новые живописные серии и темы. Укрупнились форматы его работ, и вовсю заиграла уже его собственная полноцветная палитра.

Но не все так просто в судьбе каждого художника, а в судьбе Саши – тоже.

Что бы ни происходило с ним, он постоянно писал картины, порой вопреки всяческим невзгодам и семейным обстоятельствам. Зная судьбу Саши Канчика, мне вспоминается афоризм И.Бабеля: «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе». После нескольких лет жизни в Израиле, продолжая свою найденную струну внутренней живописной концепции, он понял, что с его творчеством, весьма непохожим на творчество давно там проживающих художников, следует жить в больших странах, с большим и разнообразным количеством галерей. И решил, что нужно жить в Сан-Франциско. О, да – именно в город грез!

Вот как вспоминает Саша: «И рванул с женой и тремя дочками. А на американской визе в длинной череде цифр, в конце стояли три шестерки, и понял, что ничего из этой затеи хорошего не будет! Так и случилось! Сначала – 11 сентября, затем ипотечный кризис. И всё. Приплыл... А ведь чувствовал, что так и будет. И вернулся один к разбитому корыту. Ни семьи (семья осталась там), ни работы, ни жилья. Одна старушка-мама. У нее и поселился. Но время все лечит. Встретил новую любовь, женился – родили, угадайте? Конечно дочь! Рисую, леплю, живу, работаю в галерее, и жизнь кажется очень даже ничего».

Разглядывая эту новую серию Саши Канчика «Иерусалимские ковры», вижу какие мощные изменения произошли в его взглядах, что во всем многообразии он все же нашел свой мир, ярко и необычно зазвучавший в этой очень непростой жизни.

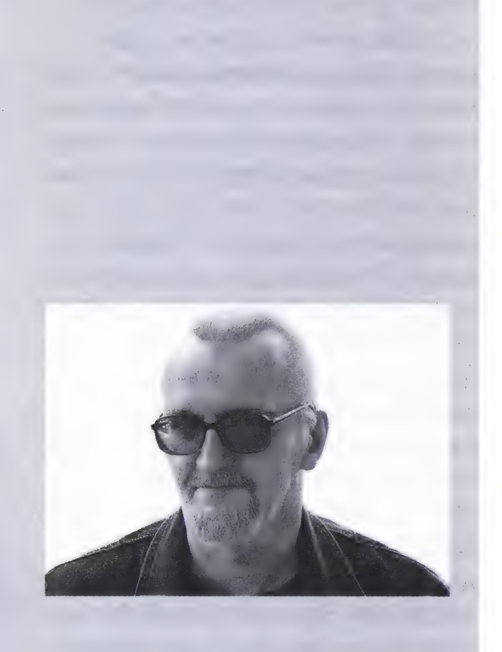
Александр Канчик
Из серии «Иерусалимские ковры»

october 2018
Kanchik

2018

Kanchik
Jankar 2019

РАССКАЗЫ



Михаил СМИРНОВ

Родился в городе Салавате 27 сентября 1958 г. Печатается во многих газетах и журналах России и зарубежья. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Международной премии «Филантроп»; Лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н.Толстого; Лауреат международного литературного конкурса на соискание премии им. А.И.Куприна; Лауреат Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

ПРОКЛЯТЬЕ КОЛДУНА

Над полем разнесся протяжный человеческий стон, предсмертный хрип и наступила тишина...

Семен, сидевший на корточках, быстро собирая с земли невесть откуда взявшиеся старинные монеты, испуганно вздрогнул, поднялся и осмотрел старое вспаханное поле. Но никого не заметил. Даже обычного птичьего гомона не было слышно. Решив, что ему померещилось, он наклонился, чтобы поднять серебряную монету, как позади него опять раздался стон. Дернувшись, Семен резко развернулся и опять никого не заметив, бросился бежать к покосившейся избе, где тускло мерцал свет в маленьких оконцах.

– Дед Филя, – распахнув дверь, крикнул Семен, – я слышал, человеческий стон, когда нашел старые монеты. – И только хотел пройти в горницу, как, оттуда торопясь, вышел сгорбленный старик, опираясь на клюку.

– Стой, шельмец! – старик размашисто перекрестился. – Господи, прости этого неслуха! Не от жадности, а по глупости он взял монеты. Прости, непутевого! Куда тебя занесло? На могиле колдуна был?

– Н-на какой могиле? – запнувшись, спросил Семен и достал несколько монет. – Я на поле был. Там, – он махнул рукой в сторону леса.

– Свят-свят-свят, – старик снова перекрестился, не отводя взгляда от находки. – Это же проклятое место, куда ты забрел. Стой на пороге! Не проходи в дом, а то беда нагрянет. Стой! – и, замахнувшись на Семена клюкой, старик скрылся в горнице.

– Дед Филя, – позвал Семен, ничего не понимая, – что здесь происходит?

И вдруг почувствовал резкую слабость, голова закружилась, в глазах потемнело, и он ухватился руками за косяк, чтобы не упасть.

– Господи, прости его грешного! – сказал старик, увидев бледное лицо постояльца. – Не ведал он, что натворил, не ведал.

Дед Филя торопливо достал чашку, налил из большой бутыли в нее воды, чиркая дрожащими руками, зажег две спички и бросил их в чашку. Открыл молитвенник, лежавший на столе, и стал быстро читать молитвы, часто осеняя себя размашистым крестом.

– Сними обувку и носки, – сказал старик, подходя к Семену с чашкой в руках. – Подверни штанины, – и опять шепча молитвы, вымыл ему ноги, руки, сполоснул лицо, и остаток воды вылил под угол двери, – сядь на табуретку и мне не мешай. Ох, чую, занес ты беду в избу, занес...

Семен чувствовал, как медленно утихала в теле дрожь, уходила слабость, покрывая лицо крупными каплями пота.

Старик намочил святой водой лоскут материи, старым совком сдвинул на нее монеты, свернул углы крест-накрест, схватил клюку и, подцепив сверток, вышел на улицу.

Вернувшись, он взглянул хмуро на Семена и, не присаживаясь,

снова налил воду в чашу, снял икону, зажег две свечи, лезвием ножа начал резать крестообразно воду и шептать молитву, потом велел постояльцу оставаться на месте, а сам ушел в горницу.

Семен прислушался. Из комнаты доносился скрип старых половиц, хрипловатый шепот деда Фили, читавшего нараспев молитвы и всплески воды...

Вскоре старик появился на кухоньке. Не глядя на постояльца, он тихо бормотал и шел по часовой стрелке вдоль стены, держа в руках чашу, зажженные свечи и икону. Медленно подойдя к углу, дед Филя остановился, зачерпнул воду, сбрызнул ее в угол и, продолжая читать молитвы, пошел к следующему углу, пока не добрался до входной двери.

И только старик начал мыть входную ручку, Семена охватила какая-то непонятная тоска, и он увидел, как заколыхались на окне старенькие занавески, и по ногам пробежал холодный сквозняк, хотя дверь и окна были закрыты. Старик быстро распахнул дверь, громко стал читать молитву, торопливо вымыл ручку снаружи, захлопнул и повесил над дверью икону.

– Все, кажись, успели, – хрипло дыша, сказал дед Филя, сел на табуретку и устало прислонился к стене. – Спасибо тебе, Господи! – и перекрестился, глядя на иконы.

– Дед Филя, – нерешительно сказал Семен, – что здесь происходит?

Старик молчал, прикрыв глаза, лишь губы медленно шевелились, словно он что-то продолжал шептать про себя.

– Дед Филя, что с тобой? – не выдержав, спросил Семен. – Тебе плохо? Я до сих пор в себя не могу прийти.

– Из-за тебя, твоей глупости и мне плохо, – прошептал старик, не двигаясь. – Никак не могу оклематься. Проклятье в избу занес. Вот, что ты сделал.

– К-какое проклят...

– Нишкни! – оборвал его дед Филя. – Потом расскажу, потом. Погодь чуток... – и снова зашептал, осеняя себя крестом.

Вечером, когда старик открыл глаза, повернулся к Семену и тяжело выдохнул:

– Фу-у-у, кажись, полегчало, – сказал он. – Утром, как рассветет, собирай манатки и отсюда уезжай, и больше никогда здесь не появляйся. Понял меня?

– Нет, – сказал Семен. – Я же хотел у тебя с недельку пожить, по развалинам полазить. Почему выгоняешь?

– Моли Бога, что живой остался, – сказал хмуро старик. – Хорошо, что сразу в избу побежал. А так... задержись, никто бы тебя не смог спасти и еще бы одна могилка появилась на кладбище.

– Дед Филя, не пугай, – отмахнулся Семен и почувствовал на себе острый пронзительный взгляд старика, словно он в душу заглянул. – Что здесь творится?

– Уедешь, как велено. Солнышко встанет, и в путь, – не отводя взгляда, сказал старик. – Здесь проклятое место. Нельзя тут простому человеку находиться. Кто меня ослушивался, тот уже там покоится, – и он кивнул в сторону окна. – Видел кладбище? Заметил, сколько могилок? А наша деревушка была маленькой, и ее давно уже нет, а кресты прибавляются...

– Погоди-погоди, – перебил Семен. – Как прибавляются? Ты про кого говоришь?

– Про таких, как ты, – хмуро ответил старик, взглянув в запыленное оконце. – Ищут клады, а находят смертушку. И мне приходится провожать их в последний путь, кого не успел спасти.

– Тьфу, ты! – сказал Семен. – Совсем запутал меня своими россказнями. Хочешь сказать, что родственники не ищут пропавших? И почему ты живешь тут, если здесь люди умирают от чего-то непонятного? Сколько же тебе лет, дед Филя?

Старик взглянул на него, о чем-то надолго задумался, опять посмотрел и медленно сказал:

– Не смей плевать в избе – грех! Мне неведомо, ищут, аль нет, до города надо добираться верст триста-четыреста через горы да леса дремучие. Иной раз власть прикатит на лошадке, отдам документы и всё. Пущай они ищут. Говоришь, скока годков? Я и не помню... Знаю, что царя-батюшку свергли, души невинные погубили. Это мне какие-то людишки сказали, когда тут проезжали. Тогда я уже здесь один остался. Так и живу. Кого успею спасти, они свечки за мое здравие ставят, а другие... Другие лежат из-за своей глупости и жадности. Что говоришь? А-а-а... Нельзя мне покидать это место – обет дал, когда еще мальцом был, что стану его охранять, чтобы людишки не гибли понапрасну. А они, как мухи сюда слетаются. Вот и приходится мне грехи людские замаливать. Так и живу...

– Ну, дед Филя, мастак ты сказки придумывать...

Старик зыркнул на него из-под седых бровей, поднялся и протянул руки:

– Зри, малец...

На ладонях старика был заметен шрам, похожий на какой-то непонятный знак...

– Ха! – усмехнулся Семен. – На мне много всяких рубцов осталось.

Старик стал медленно соединять ладони и Семен увидел, что шрамы совпали.

– Это проклятье колдуна, – сказал дед Филя. – Мальцом был, когда беда произошла. Меня монахи еле-еле выходили. Хотел у них остаться, но пришлось вернуться, когда слухи дошли, что на деревушку мор напал. По пальцам можно пересчитать, кто в живых остался. Да и они отсюда уехали. С той поры один тут живу – охраняю. А когда я помру, беда настанет. Некому станет отваживать отсюда пришлых. Сбудется проклятье кол-

дуна. Всех людишек изведет, кто в эти края попадет. Погибель их ждет, погибель...

– Дед, прекрати! – сказал Семен. – Какое проклятье, какой колдун? – и вздрогнул от неожиданности, снова ощутил, как по ногам пробежал холодный сквозняк.

– Цыц, малец! – погрозил скрюченным пальцем старик. – Душа его до сей поры бродит, покоя себе не найдет. Мстит людям за погибель свою страшную. Господи, успокой его душу грешную! – старик перекрестился, взглянув мельком в окно.

Семен задумался. Что-то ему подсказывало, что старик не обманывает. Видел он кладбище, где среди старых крестов, стояли новые. Пока бродил по округе, встречал развалившиеся дома, кое-где одиноко торчали дымоходы, словно указывая на небо. Да и то место вспомнил, где побывал. Странное, непонятное... Ни одной птицы не видел, даже карканья ворон не слышал. И поле-то, будто его вчера вспахали. Странно...

– Дед Филя, – сказал Семен, заметив, что старик пристально смотрит в окно, словно кого-то увидел. – Расскажи, что тут произошло.

Старик посмотрел на него хмуро, перевел взгляд на божницу, перекрестился и опять посмотрел в окно.

– Что говорить-то? – с неохотой, медленно сказал дед Филя. – Я и так почти все рассказал...

– Мне не приходилось с такими непонятными делами сталкиваться. Думал, что это выдумки...

– Ага, байки, – перебил его старик. – Сегодня ты испытал на себе эти выдумки. Надо, когда будем спать ложиться, еще разочек молитвы почитать и тебя умыть. Что-то не нравится твое лицо. Бледное, как поганка. Ладно, слушай... – и, пригладив длинные нестриженные волосы, начал рассказывать, иногда прерываясь и задумываясь:

– Я был мальцом, когда это произошло, – с расстановкой, медленно стал говорить старик. – Появился в нашей деревушке странный человек. Избу поставил на отшибе. Никто не знал, чем он занимался, но моя бабка, царствие ей небесное, сразу сказала, что большая беда ждет людей. Откуда узнала? Она, как и я, могла любую хворобу излечить молитвами да святой водой. Видно почуяла, что погибель приближается. А в другом конце деревушки жили три или четыре брата – пьянчужки, я уж и не помню. Все знали, что они в других селах воровали да случайных прохожих грабили, но молчали. Боялись их. Буйные были братья. Могли и хату поджечь да избить до полусмерти. Никакой управы на них не было.

А тут слушок прошел, что у колдуна, как прозвали странного человека, много всяких драгоценностей и денег. Местные огольцы подсмотрели, как он разглядывал и пересчитывал. Они-то и разнесли весть по деревне. Слух до братьев дошел. Решили они чужака ограбить. Ничего не боялись, идолы!

Однажды, я был в ночном. Бабка отправила нашу кобылку караулить. Проснулся от криков да ругани. Смотрю, из избы, где этот колдун жил, выскочили братья, слегой подперли дверь и пустили красного петуха, а сами побежали в мою сторону. И такой страшный голос донесся, что до сих пор мурашки по телу бегают, когда вспоминаю. Колдун закричал, что всех проклинает, кто дотронется до его денег с драгоценностями, все погибнут, взяв их в руки.

Я не успел спрятаться, как мимо меня братья прошмыгнули. Один остановился, что-то достал из кармана и кинул мне, крикнув, что это подарок от колдуна. Я заметил, как блеснула какая-то штучка при свете костра, и невольно ее поймал. И почувствовал, будто уголь в руки схватил. Закричал от боли, бросился к своей избе, но не успел порог переступить, как моя бабка, царство ей небесное, выскочила навстречу мне, словно беду почуяла. Руки-то мои разжала, там лежал какой-то странный золотой знак и на ладошках были большие пузыри, словно от ожога. Бабка, как увидела его, закричала, чтобы я в избу не заходил, и сама кинулась обратно. Вернулась, а я на земле валяюсь, и меня трясет, как припадочного. Не знаю, как она смогла довезти, но я очнулся в монастыре. Сказали, будто я несколько дней пролежал, как мертвый. Думали, что не очнусь, но я открыл глаза. Помню, бабка сразу поднялась, хмуро взглянула и сурово сказала, что я должен прожить в монастыре два года, чтобы замолить грех и очистить душу. Сказала и ушла, не оглянувшись.

Я пробыл в затворничестве почти весь срок, назначенный бабкой, держал посты и с утра до вечера молился... – старик замолчал, задумавшись.

– Что дальше-то было? – нетерпеливо спросил Семен.

Дед Филя вздрогнул, взглянул на него, словно взглядом обжег и тихо сказал:

– Видение ночью было, будто бабушка ко мне подошла, простилась со мной, протянула молитвенник и велела срочно вернуться в деревушку. Господи, если бы я раньше знал, что там случилось, тогда давно бы сбежал...

Оказалось, что нашу избу спалили братья, когда узнали, что со мной произошло, но было уже поздно. Они вернулись домой и заметили, что стали сыпью покрываться. Кинулись к нам, а бабки нет – меня увезла. Несколько дней беспробудно пили, пока она не вернулась, добрались до нашей избы, а бабка не стала их лечить. Грех очень большой на них был. И тогда они часть денег разбросали по дворам, а остальное богатство, добравшись

до пепелища, кинули на землю и всю поляну перепахали, вместе с костями колдуна. Ох, страшную смерть он принял!

Обозлились братья, кое-как дошли до бабушкиной избы и ее тоже подожгли, а сами умерли ночью в ужасных мучениях. Да, проклятье колдуна их достало.... И не только братьев задело, но и жителей деревушки. То мальцы поднимут и в избу занесут, то взрослые позарятся на золото, не думая, что смерть в руки взяли, но к тому времени, когда я вернулся, от всей деревушки осталось дворов пять, не более, остальные избы стояли пустые.

Люди же, как сороки – кидаются на все блестящее. Сбылось проклятье. Кто брал в руки драгоценности, тот и умирал в мучениях. Столько людей уже погибло и еще незнамо, сколько он душ заберет, когда пробьет мой последний час...

– Разве ничего нельзя сдела...

И тут, за окном, в ночной тишине, разнесся долгий протяжный стон и послышался предсмертный хрип...

Старик, прислонившись к стеклу, внимательно всматривался в ночную мглу, потом взглянул на бледного Семена и поднялся.

– Давай-ка еще разок тебя умою. Ох, не нравится твое лицо! Дай Бог, поставить тебя до утра на ноги. А настанет рассвет, сразу в путь и не оглядываться, чтобы ты не услышал позади себя. Понял? Все, пошли к порогу...

Спустя год, проезжая мимо этих мест, Семен решил навестить старика, но увидел полуразвалившуюся избу, да новый крест на погосте, невесть кем поставленный. И вновь ему почудилось, как вдалеке, над полем, разнесся протяжный человеческий стон...

ЯЗЫК

Языку не повезло с хозяином. Дворник молчаливый. Вообще, какой-то забитый. Всех боялся, а жены – особенно. Возьмет метлу да совок и весь день убирает мусор, что жители понабросали. А жена дворника, пока он работает, любовника приводила, грузчика из магазина и начинали они любовями заниматься, правда, если грузчик был в состоянии. Дворник знал, что баба слаба на передок, но молчал и крепче зубы стискивал, да быстрее метлой махал. А Язык мечтал о хорошей, красивой жизни, ему надоело сидеть в темноте да в одиночестве, решил он к другому хозяину уйти. Дождался, когда мимо любовник жены проходил и раскрыл рот, чтобы посмеяться над дворником, а Язык заметался во рту, кое-как вырвался и перескочил к грузчику. Хозяина поменял, а не подумал, что грузчики еще тот народ, особенно, если в винно-водочном работают.

И пошла у Языка разгульная жизнь. Утром хозяин откроет глаза, а во рту, даже не кошки, а стадо коров прошло и кучи дерьма пооставляли. Потом грузчик похмелялся стаканчиком-другим дешевенького пойла, который в магазине воровал или у бабки-соседки покупал, а от него вообще Язык в трубочку сворачивался. Грузчик выпьет, и начинает куролесить. Правда, оказалось, что любовник никакущий. Язык убедился, когда они ходили к жене дворника. Грузчик стакан примет на грудь и начинает хвастаться, сколько баб поимел, где имел да как имел. Любовница размечтается, глазки закатит, ручки в сторону, ножки раздвинет – ждет, а грузчик приложится к бутылке, потом еще раз и еще, пока она не видит, рожей уткнется в тарелку и храпит, пузыри пускает. Жена дворника обидится, поднимет его и взашей выталкивает на улицу. Рожденный пить... Надоело Языку в этом гадюшнике жить. Весь провонял, весь ссохся, даже меньше по размеру стал. Он же мечтал о красивой жизни. Понял, не того хозяина выбрал. И снова решил к другому уйти.

Язык недолго присматривался. Понравился дальнобойщик, который вино да водку возил в магазин. Бывало, приедет, пристроится возле продавщиц и что-нибудь рассказывает, а те слушают, уши поразвесят, а потом, когда очухаются, глядь, а водитель успевает с одной в подсобке побывать, потом и с другой, да еще в кабинет к начальству заглядывал. Всех удовлетворял, даже директрису. «Вот это настоящая, интересная жизнь! Наш пострел везде поспел», – думал Язык. Дождался подходящего момента и быстренько шмыгнул к водиле.

И началась разъездная жизнь у Языка. Думал, будет на мир смотреть, красотами любоваться, но оказалось, что круглосуточно пришлось работать, круглосуточно трепаться. Что-нибудь сломается, водила останавливался, под машину залезет, высунет язык, а сам гайки заворачивает. А на Язык-то всякая грязь попадает! Ну, а ежели за рулем, всю дорогу песни горланит, а бывало, благим матом орет, если фуру подрезали. Задумался Язык, так можно и в аварию попасть, без башки остаться, да и самому недолго потеряться. Вот тебе яркая и красивая жизнь! Понял Язык, опять просчитался.

Захотелось Языку спокойной жизни, такой, чтобы не работать, но всегда быть в тепле и чистоте. Долго присматривался в дороге, к кому бы перебраться. Увидел на дороге красивую девушку, которая всем машинам загадочно улыбалась, ручкой весело махала, видать легкой дороги желала. Вот она – жизнь красивая! Недолго думая, едва машина притормозила, Язык выскочил и очутился у новой хозяйки. Всё, можно отдыхать, да не тут-то было. Оказалось, Язык попал к проститутке, что на обочинах стоят и водил зазывают. Ох, пожалел, что сбежал, но было позд-

но! А эта девица в жару и холод на дороге стояла, водку пила и курила, всякую дрянь в рот совала, или ей заталкивали, да так глубоко, что Языку места не оставалось, а потом снова выходила на обочину и опять водителей заманивала, и так ежедневно, еженедельно, ежемесячно, почти без перерывов на отдых. Исхудал Язык, но стал крепким, гибким и быстрым, приходилось много работать, вот и накачал мышцы, но вместе с ними всякие язвочки да болячки появились. Ох, разболелся Язык! Надумал отлежаться в теплом месте, отоспаться, отожраться, да просто отдохнуть.

Долго присматривался, потом увидел старушку – божий одуванчик. Лучшего не пожелаешь! Ходит по аптеке с клюкой, всем улыбается беззубым ртом – это очень хорошо, что зубов нет, больше места для Языка будет. Пока проститутка покупала рабочие принадлежности, Язык дождался, когда старушка подошла к прилавку, что-то хотела спросить, рот раззявила, а Язык перебрался к ней, и стал удобнее устраиваться на новом месте жительства. Вот она – тихая и спокойная жизнь начинается!

Старуха почуяла, что у нее язык разболелся, подошла к продавцу, разинула беззубый рот, вывалила язык, а он в болячках и язвочках. Понакупила кучу лекарств, что продавец посоветовал. Добралась старушка домой. И принялась лечиться: в рот брызгает, мажет, таблетки глотает, а кушать не кушает – все деньги в аптеке оставила, а до пенсии, как до Китая вприсядку. Удивился Язык, как же старуха выживает на копейки, какие получает? Бабулька откроет холодильник, сразу плакать хочется – вместо продуктов – лекарства лежат, а сама на голом чаю сидит. Бывало, изредка печеньку или кусочек хлеба с дешевой колбасой съест и все на этом. Государство-то вволю не кормит стариков, но и подохнуть не дает. А дети и внуки к старухе прибегали, вместо того, чтобы помогать, пенсию забирали. Говорили, Божьим духом сыта – этого достаточно!

«О-хо-хо!» – пригорюнился Язык. Хотелось вольной, красивой жизни, чтобы жрать от пуза, пить не отраву и лекарства, а хорошее вино, да коньяки всякоразные и не работать, но в то же время, чтобы тебя уважали, почитали и ценили. У стариков такие привилегии не получишь, они затурканы сегодняшней жизнью и живут куда ниже плинтуса. Убедился!

Стал Язык присматриваться, к кому пристроиться, чтобы больших успехов добиться, но меньше работать. Долго выбирал. Похудел. Правильно, с бабкиной пенсией не до жиру, быть бы живу: постная пища, лекарства и обещания. И вот, когда старушка отправилась за хлебушком, она чуть не попала на пешеходном переходе под огромную машину. Выскочил здоровенный детина, гора мышц, на жирной шее золотая цепь, на которой можно быка племенного удержать, кулачищи, как кувалды, а шея пошире головы будет. Все машины остановились, никто не вылезает, все боятся, но сами внимательно смотрят, как он старуху материл, кулачищами размахивал да обещал в землю по самую шею вбить и квартиру забрать, потому что она пустым пакетом до машины дотронулась.

О, это настоящий мужик! С любым справится. Язык восхищенно поцокал. Да, с таким не пропадешь. И едва детина открыл рот, чтобы рявкнуть погромче на старушку, Язык прошмыгнул на новое место жительства.

У нового хозяина, бандита с фигурой спортсмена или спортсмена с бандитской рожей, Язык словно на курорт попал. Вот она – настоящая и красивая жизнь, к которой он стремился! Овощи, фрукты – немеряно, мясо самое лучшее, продуктами холодильник забит. Да уж, это не бабкина нижеплинтусовая жизнь. Главное – бандито-качок мало разговаривал. Правда, умел материться: громко, долго и всяко, а вот светские разговоры вести не получалось. Может, образования не хватало, может ума маловато – единственная ниточка мозгов мышцами заросла. Полдня Язык с бандито-качком проводил в спортзале, потом в клубах трещали с такими же шкафами, затем куда-нибудь ездили, своим видом людишек пугали и бабло собирали, а под утро возвращались, качок бандитский денежки в пачечку укладывал, и спать заваливался. И так каждый день, каждую неделю, ежемесячно, пока Язык не попал на бандитскую разборку. И тут, когда пули засвистели, он понял, что могут не только язык оторвать за лишнее слово, но и голову насквозь прострелить. Понял, что у бандитских качков одна дорога – кладбище. В лучшем случае, братва скинется и похоронит в могилке, а в худшем, могут в лесу прикопать. Ох, не хотелось Языку раньше времени помирать! Опять решил хозяина сменить.

Язык долго присматривался, к кому бы переметнуться. А потом, когда бандито-качок навестил знакомого, местного чиновника, чтобы делишки обсудить и за жизнь побазарить, Язык понял – это судьба. Вот она – жизнь настоящего человека! Всегда в чистеньком ходит. Свои охранники, личный шофер. Все дорогу уступают. На совещаниях и заседаниях можно в игры поиграть, или подремать в кресле за широкими спинами чиновников. Потом в ресторан или в баньку заехать, где спинку потрут девочки-массажистки и исполнят любой каприз за ваши деньги. Заехать на дачку, которая не один мильён стоит, хотя зарплата так себе, если по бумажкам смотреть. Зарплата маленькая, а денежный ручеек не иссякает. Наоборот, увеличи-

вается, особенно, если поближе к столице-матушке пристроиться. А еще лучше заживешь, ежели на край страны смотаешься и подашься в слуги народа, там можно творить все, что душе угодно, а за это ничего не будет, ну, почти ничего, потому что становишься местным царьком, и все у тебя куплено, схвачено, за все заплачено. В общем, царствуешь: хан, бай, барин, князь... Царек – одним словом.

Всё, пора действовать. Пока качок туго думал и так же говорил с чиновником, Язык быстро переметнулся к местному царьку. И началась сказочная жизнь. На работу можно не торопиться. Чиновник скажет, что задерживается по делам, а сам на широкой кровати нежится. Почти до обеда завтракает, затем к личному парикмахеру, где волосенки пригладят, причешут, смажут, далее еще куда-нибудь заскочит, к вечеру появится на работе, подмахнет две-три бумажонки, вопросы, какие нужно решить, свалит на плечи помощников. А там, глядишь, вечер наступил. Опять банька или бассейн, потом надо погонять в бильярд или в картишки переброситься. Ну, сдуть несколько тысчонок зелени нужному человеку – это же сторицей вернется. Заскочить в ресторан. Выкушать вкусненького, что простым смертным не по карману, домой вернуться и вздохнуть – сильно устал, и на диван или в кресло забраться и сидеть, вспоминая прошедший день, или строить планы на следующий день.

Хорошо жилось с чиновником! Все было, что душа пожелает. А чего не было, но стоило захотеть, как по щучьему велению появлялось. Но чиновник был честным. Очень честным! Все, что попадало в руки, ничего себе не оставлял. Оформлял на родню, как ближнюю, так и дальнюю. Переписывал дачки возле моря, квартиры в центре и не одну, гектары земли, кусочек берега морского или речного – всё для родственников, все для них, потому что они самые бедные, а он привык помогать, потому что всю нелегкую чиновничью жизнь жил, как говорится – «Помоги ближнему твоему, и тебе воздастся!» Он так и делал. Помогал ближним, а ему воздавалось. Все, что в руки приплывало, отдавал своим ближним. Себе ничего не оставлял. Чиновник – это слуга народа и жить обязан, как народ, и не лучше, а то, что на машине и с охраной ездит, так это по работе положено, он же для людей старается. Язык стал холеным, важным, медлительным. Привык отвечать сквозь белоснежные зубы и свысока. Любил рассуждать на умные темы, даже если не знал их, даже если никого рядом не было. Главное – говорить: много, долго, убедительно и без перерыва, тогда все посчитают тебя самым умным, самым нужным, самым государственным человеком.

Язык покатался, как сыр в масле, а потом заскучал. Казалось, все есть, вот она – жизнь красивая, но чего-то не хватало. И понял Язык, ему простора не хватает. Эх, развернуться бы на всю страну! Эх, подмять бы под себя всё, всех и вся! Язык отъелся на чиновничьих харчах, заматерел в спорах, поднаторел в делах и почуял, что одного чиновника маловато стало. Почуял, что сможет не только с людьми уживаться, но и передать свой опыт всему живому и рассказать всем, кто ходит, бегает, плавает и летает. Любому подаст пример, как нужно жить. Барану покажет, что нужно не ворота пробивать, а лучше самому прогнуться да пониже, лишь бы польза была. Медведю, как пасеку разорить, мед сожрать и, чтобы за это ничего не было. Попугая обучить, как надо разговаривать, что говорить, чтобы тебе все поверили, и тогда твоя жизнь превратится в сказку. Даже комару намекнет, как из человека кровь сосать и в живых остаться. Понял, Язык, его ждут великие дела. Эх, вот бы еще развернуться...

А вскоре представился такой случай. Чиновника пригласили на открытие мясокомбината. Правда, комбинат старый был, на ладан дышал, топни ногой – рассыплется, но в его покраску вложили немалые народные средства, даже высохшую траву на территории в зеленый цвет покрасили. Чиновник хотел показать, как ночами не спит, все заботится о своем народе, всех любит и уважает. На встречу пришел народ. Стариков да старух позвали, пообещали по куску мяса выделить, лишь бы они в ладоши похлопали перед телекамерами. И там, когда устроили показательное забивание, Язык увидел тощего, голодного быка – кожа да кости, которого заводили на скотобойню. Удивительно, где такого заморыша нашли. А может вся жизнь такая у нижеплинтусовских. Понял Язык – его время пришло, покажет, что можно сделать, чтобы жить хорошо. Даже быка-бедолагу обучит, как выманить денежки на свое пожизненное содержание, которых хватило бы на содержание огромного стада, а потом переехать в новое многоэтажное стойло, где-нибудь на берегу моря, которое на народные средства построят, и тогда начнется настоящая сказочная жизнь. Язык почуял силу великую. Бросился к быку, чтобы знания и опыт передать. Повыше подпрыгнул, а в этот момент мясник взмахнул ножом и полетел Язык на землю. Мимо пробегала голодная бездомная собака. Поймала Язык на лету и проглотила его, даже вкуса не успела почуять. Теперь смотрит на всех умными глазами, и ничего не может сказать, а ведь могла бы жить красивой жизнью, но сама виновата. Язык сожрала. Дура.

❑

РАССКАЗЫ

Сергей КРИВОРОТОВ

Врач-кардиолог. С 2011 полностью перешел на литературную деятельность. Публиковался во многих российских и зарубежных журналах и еженедельниках. Автор сборника повестей и рассказов «Корзинка с именами». Лауреат Второго Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси» в номинации «Сказка», международного литературного конкурса «Экорассказ» журнала «Эколог и Я» (г. Гомель, Белорусь) Живет в Астрахани, Россия.

ЯЗЫК – ТВОЙ ВРАГ

Предновогодняя лихорадочная суета охватила всех обитательниц студенческого общежития пединститута. Снаружи за окнами медленно и безостановочно падал чистый снег, ветер наметал из него внушительные сугробы, а здесь в желтом электрическом свете и тепле царили уют и единение. Одни украшали гирляндами красный уголок, столовую и коридоры, другие обряжали уже установленную елку с красной звездой на макушке. Третьи сосредоточенно дорисовывали что-то в расстеленном на полу праздничном выпуске стенгазеты. Всех девчонок переполняло радостное возбуждение с ожиданием чего-то неведомого, нового и светлого, о чем пока только неопределенно мечталось, и что обязательно принесет в их жизнь новый нечетный год. Вот и с немцами как-то налаживалось, может, обойдется без большой войны, о которой столько говорили совсем недавно? «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути», а «Красная армия всех сильней!»

В вестибюле над входной аркой рядом с круглосуточным постом вахтерши алели свежей краской огромные цифры из картона:

«1941»

Леночка с двумя подружками тщательно вытирала пыль со снятых со стен портретов русских писателей и разных членов правительства. Ее не покидало общее приподнятое настроение, и потому все необходимое делалось слаженно с другими и с явной к тому охотой.

Еще больший заряд их настрою, несомненно, придавала неутомимая, ни на минуту не унывающая староста группы и секретарь комсомольской организации курса Зиночка Селезнева. Боевая активистка, их выдумщица и бессменная заводила и сегодня заражала всех вокруг своим неподдельным энтузиазмом. Шутки так и сыпались с ее губ. Пусть и без того полные ожиданием скорого праздника сегодня подготовкой общежития заняты одни проживающие тут девчонки, зато будет, что показать завтра гостям – ребятам из института рыбной промышленности.

Блестящий патефон в коричневой коробке на тумбочке в углу зала, где завтра всех ожидают танцы, уже сейчас бодро не умолкал ни на минуту, только успевали переворачивать черные пластинки, сменять иголки да подкручивать ручку завода пружины.

За общими хлопотами появления коменданта сразу не углядели. Леночка не то, чтобы побаивалась нелюдимого, вечно чем-то недовольного смотрителя женского общежития, каким-то неприятным внешне он ей представлялся, да и не ей одной. Назначенный на столь ответственный пост за прежние революционные заслуги смотрел на будущих учительниц, как на какую-то ничего не значащую мелюзгу. В его водянистых глазах они виделись муравьями, суматошно мельтешащими под ногами, или вовсе бесполезными бабочками, вверенными ему для строгого контроля, и никак не больше того. Как и все, Елена старалась на всякий случай дер-

жаться от него подальше. Старый большевик, каковым он себя никогда не забывал выставлять на торжественных мероприятиях, и в этот раз появился среди них незаметно, будто использовал свои прежние чекистские навыки. И теперь, насупившись, неодобрительно наблюдал за царящим в его епархии не согласованным с ним предпраздничным беспорядком, поочередно сверлил участниц окружающей кутерьмы тяжелым взглядом выцветших глаз из-под седых лохматых бровей.

– Здрасьте, Нил Палыч! – наконец заметив инороднее существо в их увлеченных подготовкой к празднику рядах, бойко приветствовала староста Селезнева. – Как живете-можете?

– Ничего себе живем, жить стало лучше, жить стало веселее! – пробурчал себе под нос комендант, одернул полувоенный китель и решительно отвернул звукосниматель патефона от пластинки. – Еще не праздник, вроде, а столько шума устроили...

– Так ведь, почти уже заканчиваем, Нил Палыч! Чуток исчо! Делу время, а потехе час! – бодро рапортовала нисколько не смутившаяся Зинаида, в то время, как девчонки вокруг заметно поутихли.

– Что за дело, интересно?

– Елка почти готова. Вот писателей протерли, сейчас будем вождей вешать! – Без задоринки продолжила Зинаида, и только потом до нее дошло, что, не подумав, сморозила что-то совершенно непотребное.

Нил Павлович только крякнул и осуждающе покачал головой. Внимательно осмотрел присутствующих еще раз и перед тем, как уйти, распорядился напоследок:

– Заканчивайте на сегодня. Хватит ужо. Что не успели – завтра доделаете.

Глубокой ночью к трехэтажному зданию общежития подкатил черный «воронок», только испуганные соседки по комнате видели, как два энкэвэдэшника с бритыми затылками увели по коридору не сопротивлявшуюся старосту, сунув перед тем ей под нос листок бумаги с печатью.

В этот раз Новый год непривычно встречали без нее, даже ребята из соседнего института не смогли развеять тягостность из-за отсутствия незаменимой подруги. Все успокаивали себя, что скоро все прояснится, и после праздника Селезнева снова окажется среди них со своими никогда не иссякающими шутками. Но больше ее никто не увидел. Тем же, кто настырно пытались навести о ней справки, убедительно посоветовали утихнуть и не высовываться.

Году эдак в пятьдесят шестом, Елена как-то привычно спешила после работы в совпартшколе домой, где поджидал с трехлетним сынишкой муж, бывший фронтовик, а теперь капитан рыболовного сейнера. Внезапно в редкой череде прохожих ее внимание привлекла согбенная старушка в круглых очках с маленькими темными стеклами, бредущая навстречу, то опираясь на деревянную палочку, то проверяя ею дорогу перед собой. Седые неухоженные пряди выбивались из-под черного платка на лоб в морщинках. Что-то в обреченной осанке, точнее в чертах усохшего лица с анемичными губами под знакомым, почти по-прежнему вздернутым носом заставило ее тотчас остановиться. Елена не поверила своим глазам:

– Зина! Неужели... это ты? – спросила она внезапно громким шепотом.

Та остановилась и с затруднением отозвалась после видимого раздумья:

– Да, Леночка, я признала тебя по голосу...

«Она же на год старше меня, сорока еще нет! Полтора десятка лет с хвостиком минуло... – с ужасом вспомнила Елена прежнюю Селезневу, увиденное не укладывалось в голове, никак не отвечало воспоминаниям о пропавшей подруге.

Вслух же только тускло поинтересовалась:

– Что же с тобой произошло, где ты была?

Лицо старушки жалко затряслось, а за ним и худенькие плечи, из-под стекол очков скатилась слеза.

– Лучше не спрашивай, я не хочу ничего вспоминать!..

Толи годы испытаний приучили ее держать язык за зубами, толи, действительно, перед Леночкой оказался совершенно другой человек, пытавшийся напрочь забыть жуткое прошлое.

– Прощай! – прошелестели сухие бескровные губы, и то, что осталось от прежней заводилы и комсомолки-активистки, двинулось прочь, торопливо постукивая палочкой перед собой.

Задерживать ее и пытаться что-то еще выжать не имело никакого смысла. Их пути давно разошлись, а так бы хотелось сообщить Зинаиде, что Нил Палыч после ее ареста недолго имел возможность строчить новые доносы, социалистическое правосудие и его самого отправило вскоре на нары за какие-то серьезные проступки. Только вряд ли это могло хоть отчасти утешить и уж точно не вернуло бы молодости со здоровьем и навсегда отобранной жизни. И какая разница, что двигало тогда виновником происшедшего: идейная принципиальность и большевистская бдительность или просто уязвленное мужское самолюбие? Не зря девчонки перешептывались, что он давно положил глаз на Зиночку, которая не раз моментально отбривала все приставания пожилого коменданта. «Хороша Маша, да не ваша!»

И только слабый червячок сомнения не переставал шевелиться внутри Леночки, а ну, как вовсе не Палыч, а кто-то из тихонь-подружек тайком от всех настучал на их компанейскую старосту? Любая могла позавидовать детдомовской воспитаннице, которой легко давалась учеба с одновременной комсомольской работой, к тому же знакомые и незнакомые ребята заглядывались именно на Зину, неизменно выделяя из массы про-

чих. Мало ли кому она могла дорогу перейти! Но о столь нелепой возможности Леночке сейчас вовсе не хотелось думать.

ФАНЕРНЫЕ КРЫЛЬЯ

Направление на работу Леночке второпях выдали на руки в отделе кадров. Подъемные она получила уже в бухгалтерии пединститута. Ей предписывалось находиться на месте уже через две недели. А распределили выпускницу в одну из школ небольшого города в средней полосе намного юго-западнее Москвы. После зимнего разгрома немцев почти на окраинах столицы и перемещения фронта далеко на запад, места те представлялись теперь вполне спокойными, расположенными в глубоком тылу.

Родители ни за что не отпускали ее одну, но распоряжение учебного начальства необходимо было немедленно исполнять, тем более, по военному времени. Так что мать, работник метеостанции, и отец, заслуженный животновод, имевший бронь от армии, решили ехать вместе с дочерью и добились коротких отпусков. Четвертой в их компании стала шестнадцатилетняя сестренка Лидочка, закончившая девятый класс, которую не захотели оставлять дома одну в такое тревожное время. Перед самым началом войны мать сшила на нее огненно красное бархатное платье до колен, которое очень шло девушке. Черноволосая в маму, яицкую казачку, с толстой в кулак косой до пояса девушка ни за что не захотела с ним расставаться, несмотря на наступившую летнюю жару. В нем и приехала со всеми на вокзал.

Никто в институте, не говоря уже о семье Лены, понятия не имел, что место распределения уже захвачено после упорных боев прорвавшимися немецкими частями. Подробностей отступления в сводках Совинформбюро, читаемых по радио мощным голосом диктора Юрия Левитана, не приводилось во избежание пораженческих настроений и ненужной паники среди населения.

Сдвоенный паровоз-трудяга, пыхтя рабочей трубой, бодро потянул переполненный пассажирский состав навстречу неизвестности.

За несколько часов непривычной вагонной тесноты семья выпускницы успела разок перекусить захваченными из дома припасами до того, как впереди послышались взрывы и сверху накрыл выматывающий душу гул моторов.

Поезд резко остановился под бесконечный надрыв паровозного гудка, люди и вещи посыпались с верхних полок.

– Выходим! Выходим! Быстро! – истошно заорали разные голоса по вагону и понеслись дальше и дальше, чтобы тут же вернуться назад.

Люди выпрыгивали в открываемые окна, скатывались вниз с подножек вагонов, с криками торопились убежать подальше от поезда. Одна, затем следом вторая бомба угодили точно в первый из паровозов, тут же выбросившим за разрывом белое облако пара, сменившееся густым угольно-черным дымом, потянувшимся за убегающими, обгоняя их пронзительно едким запахом гари.

Лена, Лидочка и родители старались держаться на бегу вместе, но непрекращающийся вой пикирующих самолетов и пулеметная трескотня заставили увеличить промежутки между собой. Ни тени, никакого укрытия на километры вокруг, даже небо без единого облачка. Немецкие летчики снижались до высоты одного-двух деревьев и на бреющем полете поливали свинцом разбегавшихся пассажиров разбомбленного поезда. Скалящиеся белозубыми улыбками лица ясно различались за колпаками кабин. Достать их сейчас запросто можно было из обыкновенной винтовки, да вот беда – переполненный эшелон состоял из одних гражданских. Так что фашисты чувствовали свою полную безнаказанность. Несомненно, охота за мельтешащими внизу в ужасе «недочеловеками» представлялась им веселой и увлекательной игрой.

Многие успели сообразить, что бегущая фигура гораздо более удобная и привлекательная цель для немецких пулеметов, и это спасло немало жизней. По примеру других Лена и Лида вслед за родителями упали, изо всех сил вжимаясь в колючую еще не до конца выжженную летним солнцем траву. Но платье Лидочки цвета тюльпанов, расцветавших каждую весну в здешней степи, оказалось сейчас самым ярким пятном, которое невозможно не заметить с самолета. Очередь прошила навылет ее спину в нескольких местах, моментально излившаяся из выходных отверстий вся кровь молодой девушки казалась незаметной на фоне материи, только быстро намокшее красное платье выглядело теперь сильно потемневшим.

Толи досыта наигравшись, толи решив поберечь оставшееся горючее, немцы вскоре улетели. При виде неподвижной Лидочки мать с криком ужаса метнулась к ней и, называя по имени, осторожно перевернула тело на спину. Ненаглядные совсем недавно искрившиеся жизнью глаза доченьки невидяще смотрели в равнодушную бледно-голубую пустоту над головами.

Они неподвижно просидели возле убитой несколько часов, все слезы оказались выплаканы в первые минуты, а вокруг по степи валялись десятки, если не сотни пассажиров с дотла сгоревшего эшелона. И только остановившийся неподалеку деревянный пикап с несколькими молодыми ребятами в летной форме вернул их к реальности. Летчики приехали посмотреть на место бомбежки и оказать посильную помощь выжившим. Только все способные передвигаться давно покинули страшное место, тем же, кто остался лежать, спасение уже опоздало. Летуны уговорили Ленину семью погрузить тело Лиды в кузов и от-

везли в расположение своей части за несколько десятков километров от железной дороги.

И в пути, и потом после прибытия на место буквально «с неба свалившиеся» спутники ненавязчиво старались выказать гражданским сочувствие и поддержку. Они же выпросили у хозяйственника фанеры и досок, сколотили гроб, вырыли неподалеку могилу, в которую опустили Лиду в присутствии нескольких старших по чину. Торжественно сопроводили ее скромным салютом – боевые патроны требовалось беречь для врага. После армейская фляжка со спиртом пошла по рукам, и Лене пришлось впервые в жизни сделать вслед за всеми обжигающий глоток. Вопреки правилам на могиле сразу установили деревянный памятник, увенчанный пропеллером самолета. И здешний умелец каллиграфическим почерком проставил на нем имя-фамилию и даты рождения-смерти.

Все вооружение маленькой летной части составляли два с половиной или три десятка знакомых Лене по занятиям в аэроклубе ОСОАВИАХИМ-ДОСААФ кукурузника под маскировочной сеткой. И хотя она тогда даже отважно прыгала с парашютной вышки, настоящего названия самолетика с обшитыми перкалевым полотном фанерными крыльями так и не узнала. Для взлета и посадки этих неприхотливых машин хватало пятнадцати метров грунтовой полосы. Все здешние летчики, молодые ребята оказались ее ровесниками или немного младше, восемнадцатого-двадцать второго года рождения, все прошли ускоренное начальное обучение в авиационных школах на базе таких аэроклубов.

Лене с родителями освободили саманную мазанку с несколькими лежаками. Никто не собирался немедленно отправлять их прочь, да и вряд ли такое было сейчас возможно. Однако, прежде всего их накормили горячим борщом с кашей, напоили черным калмыцким чаем без молока. Привозную воду из баков приходилось строго экономить. В перерыве между вылетами один из парней нарисовал удачно припасенными масляными красками портрет Лиды с сохранившейся у матери недавней фотокарточки. Вышло очень похоже, настолько, что родители и Лена не смогли смотреть на цветное изображение, дышащее жизнью, без слез. Очевидно, каждый из юных летунов имел какие-то нераскрытые пока способности, на которых война, возможно, уже поставила крест, как и на жизнях обладателей.

По несколько раз в день эти вовсе не грозные самолетики со сдвоенными явно непрочными с виду крыльями улетали группами на бомбежку рвавшихся к Волге немецких частей. Здравый смысл диктовал использовать их исключительно для ночных налетов, что и применялось потом довольно успешно на других участках и фронтах. Но сейчас о здравом смысле никто не думал. Нужно было остановить врага любой ценой. Зачастую возвращались без одного, а то и без двух участников.

– Эх, мне бы настоящую машину, как у немцев, вместо этой долбанной этажерки! – как-то вырвалось в сердцах при Лене у одного из только что потерявших на вылете товарища.

Проходивших ускоренную летную подготовку на таких же кукурузниках не обучали фигурам высшего пилотажа. Взлетел, отбомбился, и «делай ноги», чтобы поскорее сесть в расположении своих до нового вылета – вот и вся недолга. Да и парашютов они зачастую с собой не брали, не могло спасательное средство пригодиться на такой малой высоте, а бипланы с фанерными крыльями при воспламенении сгорали вмиг подобно вспыхнувшим спичкам. Но и тут имелись свои продиктованные войной особенности. Немецкие зенитки не успевали среагировать на легкие низко летавшие бомбардировщики. Даже при свете дня скоростные немецкие истребители часто промахивались, как нетерпеливые коршуны, кидающиеся на слишком медленных и мелких к тому же цыплят. А те успевали отбомбиться точно по целям прихваченным для того запасом на грани допустимого веса.

Никто за эти несколько дней пребывания гражданских в части не пытался нагло приставать к Лене, все с уважением относились к ней и ее родителям, искренно сочувствуя их невосполнимой потере. У каждого имелись свои сестры, матери, невесты... Лена перезнакомилась почти со всем составом, ее записную книжку испещрили адреса и фамилии новых друзей, как и ни один из них не остался без ее личных данных.

На третий или четвертый день подвернулась бортовая машина в областной центр, из которого они отправились в злосчастное путешествие. Все свободные от полетов, как один, вышли провожать. Но какая-то грустная обреченность незримо висела между ними в воздухе, и Лена не пыталась скрыть навернувшихся на глаза слез.

Вместо работы учительницей ей вскоре пришлось устроиться на долгие два года санитаркой во фронтовой госпиталь. Ни она, ни ее родители уже никогда не узнали, что через неделю после отъезда эскадрилья немецких бомбардировщиков случайно наткнулась на малый степной аэродром, с которого «русиш фанер» успели нанести достаточный урон прущим на Сталинград колоннам захватчиков.

❑

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Валерий РУМЯНЦЕВ
(Борис ЗОРЬКИН)

Родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, три года работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С.Лескова. Выпустил в свет двенадцать книг. Живет в Сочи.

* * *

Жить только раз — плохое утешенье.
Ведь эта мысль — лишь сладостный обман.
Поспешных замыслов небрежное
смешенье
Промчит сквозь вечность жизни ураган.

И повторятся старые узоры
В рисунках вновь рождаемых фигур.
И то, что много лет считалось вздором,
Мы к истинам причислим на бегу.

Наш путь — во мраке и без остановки.
Не нами был включен автопилот.
И мы без карты и без подготовки
Несемся по течению вперед.

Мы верим, что лишь раз нам жизнь
досталась.
Жизнь — это одноразовый поход.
В привычных рамках бьется мысль устало,
Не в силах заглянуть за поворот.

* * *

Порою чувства нелогичны,
Но все же верх они берут,
Крича рассудку истерично:
«На место, плут!»
Что ж, знать у чувств судьба такая —
Все испытать, все пережить.
Не медлить, вверх легко взлетая;
С восторгом делать виражи;
Упав, вставать и вновь с азартом
Зачем-то биться в стенку лбом;
С надеждою гадать на картах,
Представив ум своим рабом.
Неужто сердце бестолково
И все не может уяснить,
Что разум загонять в оковы —
Что ветку под собой рубить?
Но сердце с логикой не дружит,
И разум чувствам верно служит,
Покуда не сойдет на нет.
Вот и ответ.

* * *

За перевалами судьбы
В долине не свершенных дел
Снуют безликие рабы,
Считая жизнью свой удел.

Для них нет Завтра и Вчера,
Есть лишь Сейчас — и то на миг.
Итоги дня по вечерам
Вращаются как маховик.

За оборотом оборот
Струится заданный маршрут.
Давно очерчен круг забот,
Бессмыслен ежедневный труд.

Порой мелькнет шальная мысль
Как странный звук в ночной тиши:
А может, есть иная жизнь?
Но мозг тотчас уснуть спешит.

И продолжается опять
Похожих дней круговорот,
Где так привычно утопать
В трясине мелочных хлопот.

Где отработан шаг любой,
Где ум за разум не зайдет.
Где срок, отпущенный судьбой,
На хлеб и зрелища уйдет.

* * *

Занавеска трепетала
На окне полуоткрытом
И в беспамятстве шептала:
Риорита, риорита...

И пластинка ей вторила,
Запинаясь круг за кругом,
Словно людям говорила:
Не прожить нам друг без друга.

Риорита, риорита...
Оборот за оборотом.
Сердце, что войной разбито,
Разве может склеить кто-то?

Не поймете вы друг друга —
Тот, кто жил, и тот, кто выжил.
Чья вина и чья заслуга...
Кто возвышен, кто унижен...

На войне сплетались судьбы —
Как теперь клубки распутать?
Как пойти решиться в судьи,
Чтобы дать совет кому-то?

Риорита, риорита...
Что у нас творится в душах?
Словно кто-то динамитом
Все смешал и все разрушил...

* * *
Стайки листьев по асфальту
Пронеслись и скрылись в ямах.
Как узорами из смальты,
Ветер чертит монограммы.

То ли дурака валяет,
Средь листвы осенней роясь,
То ли руку набивает,
К зимней росписи готовясь.

Неприкаянно и дерзко
Ветер мчит по переулкам.
Где закрутит занавеску,
Где завоет в трубах гулко.

Где сорвет с кого-то шляпу,
Где балконной хлопнет дверью,
Где, напротив, тихой сапой
Заползет куда-то в щели.

Все осмотрит, все изучит
И, покинув тесный город,
Вновь по небу гонит тучи, —
Стар как мир, но вечно молод.

* * *
Ветер хлопает дверью сарая.
О стекло бьются гроздья дождя.
Пар от чашки горячего чая
Греет мир, к потолку восходя.

Под раскаты далекого грома
И шуршание книжных страниц
Проплывают шеренги знакомых
Поселившихся в памяти лиц.

Но порою размоются краски,
Все стирая волной пустоты,
И внезапно возникшие маски
Скроют ясные прежде черты.

Из-за масок звучат диалоги,
Свет мелькает в бойницах прорех.
Шорох чьих-то шагов на пороге
Оборвет вдруг загадочный смех.

В полумраке уснувшего дома
Средь наполненных тайной теней
Все знакомое — вдруг незнакомо,
Все неясное прежде — ясней.

* * *
Как и раньше, в мире неспокойно.
Власть приходит в руки к подлецам.
Как и раньше: войны, войны, войны...
И, увы, не видно им конца.

Сходит мир с ума и постепенно
Приучает к этой норме всех.
Глупость все наглей и откровенней.
Неужели ждет ее успех?

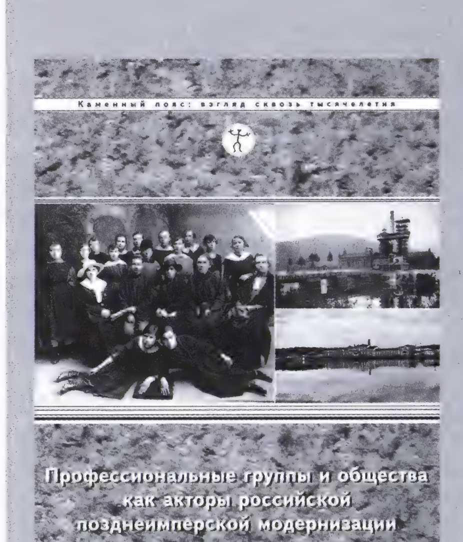
Как бы боль людская ни кипела,
Ей к вершине власти не пробиться.
Войны — это выгодное дело
Для всех тех, кто хочет поживиться.

Раздаются голоса в столицах,
И звучит подспудно в каждом слове,
Что пора уже определиться,
Сколько будет стоить баррель крови.

* * *
Солнцеликие рассветы
Как сигналы к пробужденью.
Разноцветье детства, где ты?
Затерялось в сновиденьях.
Мир в тумане заблуждений
Вновь и вновь зовет проснуться.
Только яркость сновидений
Так и манит оглянуться.
Окунуться в мир улыбок,
Доброты и светлых планов.
И забыть про мир ошибок,
Перестроек и обманов.

* * *
Во тьме веков блуждающие тени
Приходят к нам во сне и наяву.
Вчера вот заходил на чай Евгений —
Поведал, как непросто жить ему.
Да, жить, я вовсе не оговорился.
Живет он, как и множество других.
Он ведь из тех, кто в этот мир явился,
Воображение в реальность превратив.
Герои пьес, романов и сказаний,
Рожденные фантазией творцов,
Блуждают в жизни, словно в океане,
Среди еще живущих мертвецов.
Они бессмертны, но они бесплотны.
Да, в этом мире совершенства нет.
Бессмертие совсем не беззаботно —
И там полно своих забот и бед.
За сотни лет Евгений досконально
Всю жизнь свою на части разобрал.
И оказалась жизнь такой банальной.
И как банален был ее финал.
Казалось бы, есть время все исправить.
Пройтись по жизни мастера рукой.
Но Пушкин мертв. А прочие не вправе
Власть обрести над пушкинской строкой.

* * *
Стою на вершине, и ветер колышет
Остатки волос на моей голове.
Грудь воздухом гор с упоением дышит,
И чувство свободы все крепче во мне.
Стою на вершине. Как весело падать,
Должно быть, отсюда в зовущий провал.
Но прежде летать научиться мне надо,
Я этой науки еще не познал.
Хоть, кажется, крылья растут за спиною,
Рассудок твердит, что все это — мираж.
Дух гор для меня испытанье устроил,
Не нужно впадать в неестественный раж.
И я не впадаю. А как бы хотелось.
И птицей колотится сердце в груди.
Но главное — здесь зарождается смелость,
А все остальное еще впереди.



«...Исторический подход к тематике профессионализации особенно значим в условиях России, которая относительно недавно в процессе перехода от плановой общественной системы к рыночной пережила своего рода «профессиональную революцию», буквально изменившую «профессиональный» облик страны, усложнившую профессиональную структуру общества и содержание профессионального труда, радикально расширившую и изменившую спектр социально-профессиональных групп, усилившую требования к качеству профессиональной деятельности. Привнесение логики рынка в российскую действительность привело к рассогласованию между уровнем профессионального потенциала многих занятий и характеристиками, предъявляемыми к этому потенциалу на рынке труда, к незаслуженному понижению социальных статусов многих профессиональных групп, к деформации ценностных ориентаций в сфере труда вследствие коммерциализации трудовых и профессиональных отношений, их прагматизации, переосмысления моральной парадигмы трудовой деятельности, утверждения меркантильно-потребительской трактовки труда; в то же время рынок открыл новые возможности для осуществления групповой социальной мобильности, переопределения собственного профессионального статуса, конструирования новых позиций на рынке труда. В связи с этим актуализируется тема исторического опыта формирования социального статуса различных профессиональных групп, а также выработки технологий увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способов их преобразования в реальные рыночные возможности. С другой стороны, изучение профессионализации способствует углублению представлений о закономерностях и особенностях перехода от традиционного к современному обществу в условиях имперской России...»

И.В.Побережников.

КРАСНЫЙ КОТ

Олег СЕЛЕДЦОВ

Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член международного клуба православных литераторов «Омилия». Лауреат международных и Всероссийских литературных конкурсов. Автор 19 книг стихов и прозы и более 250 печатных публикаций в российских и зарубежных литературных изданиях. Награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского 3 степени и медалью Сергия Радонежского 1 степени. С 2017 года – главный редактор Краснодарской краевой специальной библиотеки для слепых имени А.П.Чехова. Заслуженный работник культуры Республики Адыгея.

КРАСНЫЙ КОТ

Вот и утро явилось. Ну, что же, ну, что же
С этой ночью в расчете я, полностью квит.
Но по старым обоям, по теням в прихожей
Красный Кот мою память опять тормошит.

Вот смешной, босоногий, почти без одежды
Я бегу по палитре за Красным Котом,
Где зеленые кляксы на синем безбрежье,
Как деревья раскинулись в небе земном.

Даже время резвится, в пятнашки играет.
Догоняет меня или наоборот.
И смеется рассветом в безоблачном мае
Мой доверчивый, красный, как солнышко, Кот.

А потом будут жизнь, суета и морщины,
Юбилей, седина... Это будет потом.
Но останусь мальчишкой я, а не мужчиной,
Если вновь буду мчаться за Красным Котом.

АВТОБУС № 52

Автобус Пятьдесят Второй,
как Кот Ученый,
Все ходит по цепи кругом,
как по маршруту.
За пассажировой горой
людские стоны,
Кондуктор, давка, нервов ком,
словечки люты.

Но Кот Ученый не сдает
своих позиций.
Он собирает материал
для диссертаций.
И дни, и ночи напролет
билеты-птицы
На годы тех, кто не упал
ложатся танцем.

Я в том же Пятьдесят Втором
комком нелепым,
За место у окна свое
сражаясь круто,
Как по цепи, плетусь кругом,
не сбросив цепи,
В давильне, полной до краев,
чужим маршрутом...

КАВКАЗСКОЕ

Я стоял на вершине горы в забытьи ли, во сне ли.
Наблюдал, как кавказские тучи целуют луга.
Здесь веками закаты украсть твою юность не смели.
И не взглянет рассвет на тебя, как на злого врага.

Там орлы подо мною в долине чертили окружность.
Там в хоромах гранитных не крыш, не балконов, не стен.
Там напился я воздуха, пьяный до головокружья.
И попал, не шутя, безрассудству коварному в плен.

И тогда мне безудержно вдруг захотелось раздеться.
Снять заботы мирские и сбросить с себя суету.
Чтоб махало мне ручкой мое синеокое детство,
Ухватившись за хвост красношерстого в небе Кота.

Но не будет, не будет, не будет мне в детство дороги.
Мне не вырваться больше из смерчей житейских и бурь.
Красный Кот закрутился клубочком, как Месяц безрогий.
И очей этих детских не выпить мне больше лазурь.

Я стоял на вершине горы босоногим и голым.
Я искал ту лазурь, те озера дурашливых глаз.
И не видел уже, как в тени, на таинственных склонах
Красный Кот синих мышек украдкой, наверное, пас.

КАЛЕЙДОСКОП

На полдороге к маю
Беспечный, как Китай,
Я взглядом провожаю
Сбежавший мой трамвай.

А рядышком со мною
Калейдоскоп весны:
Кружатся чередою
Фантазии и сны.

Я вижу, как уходит
В привычный с детства рейс
Бумажный пароходик
В чужих надеждах весь.

Уходят Дни-старухи
Из памяти моей,
И Август вислоухий
Со свитою дождей.

Исполненный отваги
И важный, словно граф,
Журавлик из бумаги,
Меня не подождав,

Летит, расправив перья,
Затмив собой Луну,
В край дружбы и доверья,
В волшебную страну.

Где сгреб мечты в охапку,
Запутав век и год,
Лениво лижет лапку
Забытый Красный Кот

КОЛДУНЬЯ

А в тайге вызревала морошка,
За верстой искушая версту.
А в брусничнике Белая Кошка
Пела Красному что-то Коту.

Босоногим мальчишкой бреду я
По брусничному логову вновь.
И на ягеля скатерть седую
Горько-сладкая капает кровь.

Снежнобокая важная Кошка
Из тумана в распадке встает.
Собирает закаты в лукошко,
Птичий гомон пускает в полет.

Ах, колдунья далекого детства,
Чтобы стать мне мальчишкой опять
(Тут без магии было не деться),
Научила меня колдовать.

В прочный узел мы годы связали.
В пропасть сброшены армии дней.
Чтобы встретиться снова глазами
С юной девочкой — Мамой моей.

* * *

Ты поедешь со мной путешествовать?
По России, куда мне Париж?
Над закатом, по-взрослому, шефствовать
В переулочках питерских крыш.

Я тебя проведу по Остоженке,
По Тургеневским тихим местам.
А у Сергия в Лавре, о Боже мой,
Мы себя посвятим чудесам.

Мы глазами вольемся нечаянно
В бирюзовую стынь Бирюсы,
Где Байкал величаво отчаянный
Ангарой распускает усы.

Я открою тебе, лишь тебе одной
Сокровенную тайну — Витим,
Чтобы песней негромкой, моей родной
Заболела и ты. Полетим?

Ждут в Крыму нас давно с нетерпением
Адалары и Пушкинский грот.
Ты поедешь? Пусть грозы, пусть тернии.
Все бросай, через час самолет.

РЯДОМ С ГЕРОЕМ – САМ ГЕРОЙ*

Вячеслав ПЕТУХОВ

Окончил ВГИК, операторский факультет. С 1980 года работал на Свердловской киностудии: оператор-постановщик художественного и документального кино, автор сценариев и режиссер документального кино. Новеллы, рассказы и сказки печатались в сборниках и журнале «Урал». Живет в Екатеринбурге.

На следующее утро открылась великолепная панорама Урала, кажется, на сотни километров. В голубой дымке километрах в десяти от хребта высился удивительный купол горы Койп. Она снята Заплатиным, и у меня есть как ориентир. Вот эта плоскость Главурала, невысокий сосновый лесок на востоке, волнистый горизонт на западе. Надо снять, погода идеальная пейзаж снимать. Вспоминаю, как кадр с Койпом у Заплатина выглядит. Выбираю точку, ставлю камеру. Пусть будет панорама с Койпа на моих друзей, идущих с рюкзаками. Народ разгрузился, не хотят таскать лишний раз тяжести. Смешно: Жора на две головы выше остальных. Снимаю средне, как они проходят перед горой, делаю поправку на рост Жоры. Снимаю красивый замшелый камень, на него наступают грязные ботинки, раза три. Все, вроде, хватит. Метров тридцать пленки ушло.

Мансийская топонимика: Койп – барабан. По форме он похож на перевернутый днищем вверх инструмент шамана. Давным-давно войско великанов (а как иначе?) пришло с запада покорить и унизить великий мансийский народ. Шли они, захватчики, хвастались, что всех перебьют. Но могучий шаман-манси ка-ак гаркнул свое заклинание, и великаны окаменели. Так получился Мань-Пупы-Нер – малое плато Богов. Шаман же вражеский выронил свой волшебный барабан, а сам рассыпался в мелкий курум. Барабан теперь – гора, чтобы помнили и не ходили. И не ходят. С той стороны тоже тайга опустела, мансей у нас осталось полтора алкоголика, и те в город хотят за пособием уехать. Тоска. А раньше тут, по рассказам, тысячи оленей и оленеводов туда-сюда гуляли, и праздники праздновались, а русских побирушек гоняли поганой лосиной головой.

Сняли Койп и пошли дальше. Прошли, на удивление, много, встали вечером в осиновой рощице. У нашей палатки на тонкой осинке смешной кап, нарост. Очень похож на духа, который одеревенел. Не такой большой был, не великан, а карлик лесной. Но добрый, не злой, потому что место указал хорошее – карманчик, затишок безветренный на крохотной полянке.

Я в бригаде готовил лучше всех. Я, без хвастовства сказать, хороший повар в любых условиях. Особенно люблю на костре «шаманить». Такое слово как раз к месту. За мастерство мое меня избавили от всех остальных хоз. работ: воду носить, дрова искать и колоть, посуду мыть. Не люблю черную часть дела – художник, ядреный корень!

Наша бригада делилась на две части, чтобы дежурить по очереди через день. Но скоро выяснилась особенность характеров: все, кроме нас с Серегой, плохо вставали по утрам. А завтрак готовить следовало начинать часов в шесть, чтобы выйти в девять. Мы с Серым легко вылезали из палаток на утренний мороз. Серега колол дрова, приносил воду в котелках, я варил кашу на сухом молоке с топленым маслом. Потом ставил большой котел для чая, реже – кофе. У нас была с собой даже пачка молотого кофе, довольно приличной марки. Несколько раз побаловались и им. Удивительно здорово заваривается чай на горной воде, любое сено, как высший сорт. А если еще добавить шиповник или смородину – счастье, а не чай.

Когда все у нас с Серегой было готово, команда вылезала из спальников прямо к столу. Никто не делал зарядку, и правильно. Успеется. И умываться тоже лучше после завтрака.

---

*Окончание. Начало в № 9, 2019.

Народ рассаживался вокруг костра и с заискивающей улыбкой тянул ко мне свои чашки. Первым я брал чашку Жоры, потом у остальных. Когда накладывал себе, Жора уже сметал свою пайку. Он большой – в него много входит. Я так делал специально, чтобы добавочки ему побольше оставалось. Но и другим хватало, никто не жаловался. Потом пили чай, не торопясь. Спешить надо медленно. Посуду мыли лентяи, мы с Серегой никогда.

С набитыми животами собирали лагерь часам к девяти, вдевались в чуть полегчавшие рюкзаки и выходили. Шел седьмой день пути. При удачном раскладе мы могли дойти до цели – так говорили бывалые. Помню дорогу того дня: ровная плоскость с явными следами старинной колеи советских геологов 60-х. По ней недавно прошли колеса «Газ-66» дудоровской шайки расслабленных скалолазов – покорителей низких высот. Колея продавила тонкий слой почвы горной тундры до курума, укрытого травой и мхом. Пошел сильный дождь, через минуту он уже уносил плодородный слой, накопленный веками, вниз к какой-то реке, текущей теперь на западе (до Главурала они текли на восток). Значит, колея превратится в ямы, и ходить будет нельзя. Только на тракторе пурхать. Какое счастье! У людей теперь полно транспорта, они могут вредить природе круглый год. Как тут не вспомнить товарища Сталина? Расстрелял бы десяток, другие не пошли. Кто «за»? Иначе порядка не будет, дорогие коллеги.

Ливень начинался и прекращался не раз. Противно, когда температура среды стремится к нулю. У нас наметилась дурная тенденция – передовой отряд отрывался от арьергарда, просто безвозвратно исчезал с глаз долой. К вечеру вышли к границе Азия-Европа. Местность болотистая в понижении меж двух пологих гор. Там исток Печеры. Стоит красивый знак. Мы с Пашкой пришли последние, у знака уже сидели Алексей, Вова и Влад. Как положено, сфотографировались, попили водички из истока, огляделись, увидели старую колею, направляющуюся на север.

– Нам не по ней? – Спросил я Лешу.

– Нет. Это геологи в 60-е ходили. Им дальше надо было. На плато нечего делать. Нам влево, наверх и вправо. Отсюда по карте километров десять.

– Дойдем?

– Можно попробовать. Какая дорога будет.

– А где наши рысаки?

– Кабы знать! Но они, если что, не потеряются. Без нас им нельзя – палатки обе здесь.

Мы вышли в выбранном направлении и скоро опять увидели Печеру-ручеек сантиметров двадцать ширины. Вокруг ручья – гадкий кустарник. Низенький и густой. На хлюпающей болотной почве полно медвежьих следов. Чем дальше мы шли к плато, тем гуще рос кустарник. Скоро нашлись «рысаки».

– Куда вы рветесь? – спросил я. – Терпенья не хватает?

Отвечать на раздражение не надо. У парней просто сил навалом, забываются. Вечерело, и стало ясно, что последние километров шесть не пройти до ночи.

– Давайте, чуть в сторону от реки отойдем, посуше местечко найдем, – предложил Жора.

Поплутали в полумраке с полчаса, что-то нашли. Больше тянуть нельзя – ночью не стоит ходить. Поставили «пулей» палатки, принялись разводить костер из мокрых прутьев. Ничего, на седьмой день у опытных туриков и вода загорится.

Всю ночь думал о медведях. Так бывает, если кругом их «кренделя» разложены. Под палаткой, как ни старались, булькало болото. Мука, а не ночевка. Спали мы той ночью хоть чуть-чуть? Сомневаюсь.

Утром погода одумалась, во всяком случае, не лило сверху. На удивление быстро нашли хорошую дорогу из кустарника наверх к лесу, набрали высоту и через пару ходок вышли на плато. Чувствовалась близость финиша. Серега с Жорой рванули, исчезли в дымке. Остальные тоже прибавили ход. В спортивном туризме меня именно торопливость раздражает. Зачем ехать за тридевять земель, чтобы нестись как угорелый и ничего не видеть? Приди на стадион, сними штаны, намажь зад вазелином (чтоб не стерся) и хоть неделю наслаждайся скоростью и силой. Нет, мля, им надо в диком мире это делать.

– Лагерь надо ставить чуть не доходя до «болванов», – сказал Алексей. – Тут низинка, лесок, ручей. По карте единственное место.

– Сколько ходу до этого рая? – спросил я, не очень желая таскаться с аппаратурой туда-сюда.

– Минут двадцать.

– Отлично! А где «рысаки»?

Лагерь надо ставить, обед варить. Без них нельзя.

– Вон, у скал уже гуляют, – сердито ткнул пальцем вдаль Алексей. – Может, покричим, придут?

Мы как раз были рядом с точкой будущего лагеря, а Жора и Серега с рюкзаками уперлись на экскурсию. Не могут же они не понимать, что дело прежде всего. Пришлось орать и махать руками. Мы их прекрасно видели, эстетов, разглядывающих произведение природы. Но они не обращали на нас внимания. Если мы уйдем в сторону за кустарник, они могут нас потерять, а при их скоростях унестись хрен знает куда. Мы устали изображать сирену, замолчали и сели.

Через час пришли эти два персонажа. Увидели нас злых, не поняли причины.

– Вы что, нас не видели? – зло спросил Алексей.

– Нет, – неожиданно заявили двое. – Мы вас ждали там и не торопились.

– Мы вот тут на виду сидели, орали вам. Вас прекрасно видно было.

– А вас нет, – жалобно пропищали виновные.

– Надо вместе держаться, все-таки, – закончил я разгорающийся скандал. – Мы тут два часа на холодке отдыхали.

Алексей потом без свидетелей сильно «наехал» на Жору. Не знаю, о чем они говорили и как, но тот очень обиделся и пожаловался мне. Я попросил стерпеть и не спорить. Жора – молодец, я бы так не смог. Что ему стоило с высоты двух метров опустить костлявый кулак? Докторская выдержка: что с больных взять?

Погода снова портилась. Пообедали и пошли осматриваться. Павлуха, счастливый без рюкзака, все время улыбался и шутил. Съемки основные будут завтра, пока радость. Молодец Павлуха, дошел, а казалось – фиг.

Мань-Пупы-Нер – место обжитое. Род Куриковых еще в 80-е годы гонял сюда оленей. Это их место, намоленное веками. Пожалуй, нельзя ожидать восторга от того, что чужаки таскаются сюда, в их природное святилище. Лет 200 назад за это убивали и считали нормальным. У манси столько разных табу, везде боги, духи предков, сакральные места, куда можно только шаманам. Современные все позабыли.

Мы пришли в сие святое место. Сколько пролили пота, натерпелись от рюкзаков. Цель приобрела и эту цену. Если прилететь на вертолете, не поймешь и половины. Вот они – окаменевшие боги, стоят над тайгой тысячи лет. Ветер шумит в трещинах камня, тучи цепляются за головы природных истуканов. Сколько они стоят и сколько еще будут после нас?

Я стоял среди огромных фигур и старался представить, как Заплатин пришел сюда первый раз в 57-м году. Он работал тогда на Свердловской киностудии, снимал фильм «Каменные загадки». Потом книжку об этом походе написал: «На гору Каменных идолов», через два года. Потом еще пару раз приходил сюда и друга лучшего Иннокентия тоже сюда вытащил. Считал, что нет лучше места. Я понял Заплатина только здесь, хотя Поластрова говорила раньше об этом. Услышать и понять – разные вещи.

Скалы на плато, и вправду, словно окаменевшие боги. Манси их, наверняка, как-то звали. Явно, каждый из «болванов» за что-нибудь отвечал, им приносили жертвы, били в бубны и плясали ритуальные пляски, жгли костры. И вот кончилось. Поросло карликовым лесом. Даже медвежьих следов не видно, почему-то. Заповедник, кстати. А все пробираются без спросу. И я с братвой тоже. Привычка, простите. По закону – деньги платить, перебьются.

Мы забрались на открытое место, продуваемое со всех сторон. К тому же, начало сентября. Здесь – поздняя осень. К вечеру похолодало, пролетели первые снежинки. Не страшно – завтра все снимем.

Хорошо-то как! Я на Мань-Пупы-Нере. Невероятно! Пешком дошли, камеру и пленку доволокли, никто ничего не сломал. Любой экстрасенс мало-мальский скажет:

– Вас привели.

И этим унизит наши заслуги. Приравняет к любым балбесам, лазающим по скалам. Значит, что где-то есть всеобщая труба, в нее дуют, и все, кто должен слышать ее, как крысы в сказке, тащатся на зов. У человека есть творческая воля, свобода выбора. Пока жив – можешь создавать, если можешь. Посмотрел на ребят, бродящих среди истуканов, подолгу стоящих неподвижно в экстазе, быть может, от величия природы. Уже тогда решил, что сделаю минуту без всяких комментариев – только ветер и Бах.

О Бахе. Работал на «Сталкере», был близко к главным героям. Сидели, прячась от дождя. Я камеру караулил. Актеры пили кофе из игрового термоса Гринько. Кайдановский горячился, он первый раз у Тарковского снимался.

– Ничего не понимаю! Ходим, ходим. Общие планы, цветочки, вода, мох, грязь, панорамы бесконечные. А нас снимать будут?

Солоницын, верный «тарковец», повернулся к Гринько, тот неспешно жевал бутерброд. Гринько – умный, все знал, ответил.

– Что ты, Саша, не волнуйся. Посмотри, как красиво! Зачем нас снимать, Баха положат – очень здорово получится.

Я тогда понял: если что, Бах исправит недостатки драматургии. Если не он, то Гендель. Было бы смешно, если не было правдой. Завтра мы с Пашкой набрали фильтров, оптики, позвали народ и пошли снимать, зачем пришли. Трудно, однако. Не компонуются «болваны». Вместе не берутся. Так, эдак смотришь – хуже, чем в жизни. Воздух, соотношение с фоном пропадают. Надо пожить здесь, поискать, подождать лучшего освещения, времени года. Хорошо бы, лес пожелтел вдали. Или снег лег, чтоб графично стало. А тут один день на все. Погода чуть прояснилась. Снял много, но как-то без радости в душе – думал, что лучше смогу. Долго провозились, ушли обедать и отдыхать.

Часа в три собрал бригаду для вечерней съемки. Точнее «под вечер». Пашка не пошел. Пусть отдыхает, восстанавливается.

Состояние стало суровее: тучи потемнели, побежали скорее. Увидел, как сильный ветер треплет крохотный кедр, прижавшийся к «болвану», названному Нефертити. Похож почему-то. Снял, улегшись на землю, кедр на фоне скал и тайги внизу. Соотношение малого и огромного – образ. Как я и вечность. Меня тоже сняли среди камней в старой моей кепке, что сгорит в костре через день, прожив со мной четверть века. Вечная ей память в моем кино. Я нужен в кадре, я – рассказчик, последователь. Очень удачный общий план: две скалы по краям кадра, два силуэта людей – Жора и Серега на фоне заката. Люблю общие планы, надоели «говорящие головы» в сериалах. Общий план и закат, и люди стоят, и Бах! Слезы сами текут, если есть душа.

Вот и все. В лагерь вернулись перед полной темнотой. Что еще-то сделать? Ага! Ветер гуляет по низким выразительным пихтам. У нас, на всякий случай, с собой имелась одна дымовая шашка. Дурацкая привычка из художественного кино. Запалили. Получился ветрище, мучающий приполярный лес. Очень холодно в кадре. Потом посидели у костра. Жалко, не было певца, как в Гималайской экспедиции, а то бы и песен попели.

Вышли утром опять в великолепную погоду. Как она меняется быстро! Идти немного легче – десятый день, столько каши съели, что рюкзаки полегчали, а мы стали сильнее. Пашка скакал где-то с Серегой и Жорой впереди. Так и должно быть.

Пленки у меня с собой было немного – метров девятьсот, чтобы понятней – на 30 минут. Пленочка, она штука капризная, надо очень аккуратно обращаться. Для нее тащили герметичный непромокаемый бидон, в который укладывали снятый материал. Чистая была размотана на куски под объем кассет, она ехала в резиновом мешке на моей спине. К сведению любопытных: коробка пленки 305 метров весила 2 кг 800 грамм. Понятно, почему раньше кино лучше снимали? Кривых, слабосильных, косоглазых и косоруких, тупоголовых не брали в операторы, отбор был, что надо.

– Белобилетник?

– Да...

– Пошел вон!

А щас бабы за камерой стоят. На хрена мне такая работа? Я сам

себе про себя книжки пишу, за свой «сексизм» перед собой и отвечаю. Если кто чужой прочитает, прошу не бить за правду. Ведь в глубине темной души вы тоже так думаете.

На обратном пути в болото не попали, вышли к Печере подальше от истока. Она там уже речушка. Я вспомнил заплатинский «Седой Урал»: стихи, реку в кадре. Истратил метров сорок пленки. Пока возился – грохнул стеклянный немецкий светофильтр. Выпал, зараза, на камни! Триста долларов. Фильтр жалко, а деньги не мои. Но снял хорошо – товарищи красиво Печеру форсируют. Все ее три метра.

Решили сделать короткий день – хорошей стоянки близко нет после Печеры. Вечер сказочный! Снял еще очень приличный общак идеальной уральской тайги. Шишкин – не кадр. Сердце поет.

Надо было идти, а не сачковать. Встали утром, голову из палатки – снаружи-то зима! Сантиметров двадцать мокрого снега. Вот те и седой Урал. Залюбуешься. Зима в одну ночь пришла. Побежали, можно сказать, рванули. Дорога на юг вела, а там тепло. Но решил снять наш дурацкий караван в заснеженном осеннем лесу. Снял «субъективно» в движении с рук с точки зрения участника события. Ребята напялили на себя все шмотки, что имелись на этот случай. Кто был в сапогах – тот счастливчик. Владик ходил в красивых ботинках, ноги промокли чудовищно. У нас был хозяйственный скотч, Влад обмотал ноги до колена скотчем для сухости – забавно в кадре. Походили с камерой минут пятнадцать, и эпизод готов – чудо природы.

Как мы быстро шли! Выбрались на Главурал, там еще не было снега, зато дождь – ледяной стеной. Не помню, обедали мы в тот день или сухомяткой обошлись. Часам к шести вечера зубы стучали безостановочно. Мало я так в жизни промерзал. Кажется, тогда был рекорд.

– Давайте вставать! – крикнул я авангарду. Те не стали спорить.

Место то же самое, что дней пять назад – у красивого нароста на тонкой осине. Дождь льет, ручьи грязи текут по дудоровской колее. Растянули на веревках огромный тент, просто мгновенно разложили под ним костер и поставили палатки. Помню, как, стуча зубами, стаскивал мокрую одежду и развешивал под тентом ближе к огню, переодевал бельишко и отогревался, одновременно варил какое-то горячее варево и чай. Правду говорю: минут тридцать прошло – мы все сухие, греем спины, стоя у костра в английской позе и едим очень приятную кипящую еду, утираем сопли из носа. Они в таких ситуациях неизбежны. Никто, что характерно, не простыл.

Темнело уже. Мы, на всякий пожарный, окопали лагерь. Канал для отвода воды – не последняя вещь, а то смоет ночью. В полных сумерках я взял ножовку и спилил осиновый кап. Нечего два раза скульптору на глаза попадаться. Теперь на кухне висит. Я чуть поправил, лаком невидимым для сохранности покрыл, теперь на шкафу красуется – что-то вроде доброго лесного духа.

Ночь прошла нормально. Утром дождь стих – перестал барабанить по тенту. Из палаток вылезли – опять зима! Тряпки, кое-как подсушенные, напялили и драпанули дальше. Ветер дул в спину. Северный, ускоряющий бег. Километров через двадцать зима опять отступила. Под ногами страшно хлюпала грязь разбитой автотуристами дороги. Ругались на них разными словами все. Скоро от потепления и безветрия возник густой туман. Успели дойти до сарая. Значит, не сбились с пути. Это сейчас у балбесов есть навигатор. Мы гуляли строго по карте и жориной записной книжке. Если ориентиров не видно – кранты, компас не поможет.

В сарае хорошо. Раскочегарили печь до красноты, разделись, обсушились. Хорошо поели.

– Завтра холод придет, тумана не будет, – пообещал кто-то, оптимист конченный, вероятно.

Холод задержался с приходом на день. Потом еще. Чтобы понятно было: туман давал видеть мир метра на три. Такое бывает только в кино. И на Урале. Начали экономить пищу – остановка непредвиденная. И, что самое ужасное, кончилось курево! Курящих трое: Пашка, Серега и Вова.

– Славик, дай чаю покурить, – попросил Пашка. За чай отвечал я.

– С ума сошел? Вы его скурите за два дня! Как жить будем? Курите спитой, он на печке моментом высохнет.

Чай у нас был приличный – «Эрл Грэй». Но в спитом виде терял курительные качества. Курильщики были убеждены. Откуда они знали?

Скоро стали кончаться дрова. Сарай находился на приличной высоте, сосенки вокруг чахлые, кривые, мокрые. Но Пашка – отменный истопник, у него все полыхало, что твой порох. Вот весь лесок присарайный и спалили. Вспоминаю те дни. Скучно не было. Народ интересный, общались.

Курильщики курили трубку. У Володи была зачем-то с собой. Чай вонял хуже табака. Они курили в печную трубу – тяга хорошо работала. Затяжка – приступ кашля. Трубка следующему – то же самое.

– Помогает? – спрашиваю Пашку.

– Не знаю. Никотину в чае нет. Один угарный газ. Дай сухого.

– Фиг. Бросай курить. – И он бросил, но позже, года через два.

Наступил третий вечер безделья. Потянул ветерок. Народ вышел проверить погоду. Прибежал Пашка:

– Пошли быстрей! Пейзаж снимем. Там такое!

Я выглянул за дверь и охнул. Быстро собрали аппарат, сняли самый удивительный закат в моей жизни: внизу туман, сверху туча, между ними полоса заката невероятного цвета. Все нежных пастельных тонов. В монтаже я поставил этот непонятный кадр целиком – метров семь (15 секунд) и соединил с протяжной нотой из Баха конечно, длинной и тоскливой.

Утром на пять минут выглянуло солнце, рассеялся чуть туман под горой. Мы увидели реку с двумя хвостами, текущую на восток.

– Нам туда! – обрадовался Жора, сравнив с картой.

И мы рванули вниз, пока помнили, где река. Как мы быстро шли! Спустились на курум, ветер дул в спину, отрывая от земли. Летел крупный снег, казалось, что параллельно горе. Под ногами в тот день бегали наглые полярные куропатки. У них менялось оперение на зимнее, они были уже частично белые. Не было времени даже бросить в глупых птиц камнем. Или не было охотников в коллективе.

Когда ветер и снег стихали на минуту, мы пытались отдыхать. Но стоило присесть, налетала пурга, и опять бегом от нее. Это повторялось не раз.

– Нас прогоняют, – сказал Алексей, он немного мистик. Бывает.

Мы взяли верное направление. Туман не давал видеть окружающий мир, но было ясно, что скоро откроется Отортен. Как бы не пролететь мимо. По времени пора останавливаться, но место негодное – склон крутой, кругом курум, безлесье, воды нет.

– Жора! – крикнул я впередсмотрящему. – Увидишь что-нибудь подходящее – встаем.

Но еще долго шли и шли. Встали, когда уже нельзя стало идти. Наступили сумерки.

– Давайте здесь, – предложил Алексей и остановился.

Я шел за ним метрах в трех и увидел отчетливо, как его нога соскользнула с мокрого камня. Алексей покачнулся, попытался схватить что-то в воздухе, но не нашел и плавно осел на, ставшую бессильной, ногу.

– Ох! – сказали мы оба.

У меня в голове пронеслось: сломал! Почудился даже треск кости. Богатое, елки, воображение.

Я подбежал к товарищу, он сидел на ноге и анализировал ощущения.

– Сломал? – спросил я.

– Не понял, – пожал плечами Леша.

– Встанешь?

– Попробуем, помоги.

Я протянул руки, он ухватился, и совместными усилиями мы поставили его вертикально. Алексей осторожно пошевелил ногой, перенес на нее вес тела. Держит, вроде.

– Повезло, – сказал он с облегчением.

Ну, и хорошо! Всей командой взялись ставить палатки на границе курума. Темнело быстро, туман не рассеивался. Что делать? Целый день неслись, как кони, а поужинать и чаю попить – никак. Такая получилась холодная стоянка. Забрались в палатки, пожевали чего-то, не требующего приготовления, запили холодной водой.

Ночью было холодно, но без снега и дождя. Кое-как дождались рассвета, с первыми лучами вылезли наружу. Видно оказалось немного.

– Валим отсюда быстрее!

Прошли, быть может, с километр и оказались среди чудесных скал, руин древней цивилизации, таких, как Мань-Пупы-Нер, только маленьких. Они, замысловато разбросанные по плоской равнине, напоминали что-то, что я уже видел. Точно! «Град обреченный» Стругацких.

– Это, братцы, западный склон Отортена. Я эти булыжники сверху разглядывал, когда на нем стояли. Давайте кино снимать.

Народ такое решение не обрадовало – дубак и голод. Хотелось быстрее в лес. Если Отортен, то и лес близко, костер и котелок кипящий. Но ничего, снял я блуждание в тумане среди страшных скал. Помню, достал «Конвас» из резинового мешка, Пашка кассету подал. Я на пленку глянул, а она от сырости набухла! Прокрутил вручную, включил камеру, послушал. Вроде, идет. Аппарат в руках сразу покрылся каплями холодной влаги. Боялся наснимать брак.

– Давайте, братцы, ходите туда-сюда, обсуждайте маршрут, руками машите! – скомандовал я и пошел вместе с «актерами» между скал.

Особенно Павлуха молодец. Артист. Руками машет, лицо умное делает, глаза выпучивает, камеру не замечает. Все так сурово в кадре, по-настоящему неуютно и холодно. Народ мой одет и обмотан, как пленные итальянцы в Сталинграде. Вокруг только шершавые камни, высотой в дом, и синий туман. Драматургия, мать вашу, то солнце и блики, а то такая вот страсть. То рай, то ад, как в учебнике. В аду кино получается быстрее.

Подходила к концу вторая неделя похода. Уже никто не вспоминал, что Пашка был когда-то нашим «слабым звеном». Вон он, драпает впереди рядом с Серегой, улепетывает от зимы. Там, за Холотчахлем, по слухам от залетной кедровки, лето. От Отортена за день мы махнули два перехода первой половины. Идти, конечно, под гору легче, и рюкзаки порядочно похудели. Проскочили наклонные курумы, перевал Дятлова, не останавливаясь, карликовый лес. Вот она – «Ложка» – матушка, исток Ауспии. Вечер-то какой! Солнце мир окрасило оранжевым цветом. Дров, воды – видимо-невидимо! Отдышались, наелись, обсушились, и еще куча времени осталась потрепаться перед сном.

– Посмотрите на Холотчахль. – Алексей указал, куда точно смотреть.

Над горой жутким круговоротом клубились черные тучи, просвеченные закатом. Апокалипсис, натурально. Мы долго наблюдали катаклизм из своего райского положения.

– Видите, духи нас прогнали, – убежденно сказал Леша.

Трудно было не согласиться с очевидным. Алексею даже не стали ногу ломать владыки гор. Лишь бы ушел быстрее. Мы досмотрели закат до конца. Солнце скоро село, сеанс закончился.

Я выполнил, что задумал две недели назад в начале пути – снял сам себя на фоне истока Ауспии и прекрасных елок на склоне. За время в пути мне пришлось оценить сложность экспедиций Михаила, его труд и его привязанность к Уралу. Я понял, что был бы сам не против прожить похожую жизнь. Но каждому судьба своя.

– Михаил Заплатин был очень добрый человек, – шутил я, изображая усталость в кадре. Для этого поднялся на три шага от речки и тяжко выдохнул. – В своих фильмах об этих горах он говорил, как прекрасен Урал. Но никогда, чего стоит сюда попасть, как это трудно.

Мы сняли мой синхрон на видеокамеру. Я запланировал его под титры как-нибудь деформировать для экспрессии. Нечего пленку гонять. Фонограмму потом перепишу в тонателье.

Утром вышли в прекрасный теплый мир бабьего лета. Зима? Померещилось в дурном сне. Бурундуки скачут, птички поют, снега и не было еще. Надо, однако, спешить – завтра к нашему финишу подъедет Виктор. Что стоит 38 километров махнуть за день? Пробежали так легко, что у меня в памяти о том переходе почти ничего не осталось. Помню лишь, что соревновались, кто первый придет. Пришли втроем: Леша, Влад и я. Скоро прискакали остальные. Быстро сфотографировались, пока солнце не село. Гляжу сейчас, через тринадцать

лет, на наши небритые физиономии и думаю:

– Да, напряглись парни. Глазки ввалились, щеки втянулись. Но сила так и выглядит худощаво.

Виктор говорил на прощание:

– Не ждите меня, идите сами в Вижай. Мало ли что.

Я помнил, поэтому с утра решительно пресек настроение залечь в спячку:

– Дорога легкая, погода хорошая. Виктор не придет, ножками до Вижая дойдем за два дня. Там люди, там транспорт. Там магазин, курево. Народ побухтел, но, как советские люди, вспомнил дисциплину и подчинился. Прошли-то километров пятнадцать, увидели самый красивый в мире автомобиль «Урал». Дрянь так не назовут.

– Ура! – заорали все и побросали рюкзаки.

Виктор подъехал, развернулся, вылез из кабины:

– Хороши, – оценил он наш вид. – Пообедаем?

Конечно! Все, что осталось, ушло в котел. Я варил густую кашу с мясом. Крепкий чай. Счастливые курильщики нещадно дымили витиными сигаретами. Витя слушал сказки про дальние горы, где он не бывал. Так, примерно, прошло часа полтора. К вечеру мы прибыли в центр цивилизации – Бурму.

Ах! Баня! Ах! Телевизор! Ах! Койка с панцирной сеткой! Ах! Молоко и картошка жареная! Ну, и все по списку счастья, пожалуйста.

Мне надо было решать, как быть дальше. Я ведь не попал в Усть-Манью, что было запланировано. Мой проводник из Няксимволя зря прокатился на лодочке пару сотен километров в два конца. Тут по-настоящему пригодился тяжеленный спутниковый телефон, взятый с собой для страховки. Вдруг, понадобится сообщить, где тела забрать. Позвонили Валентине на студию, чтобы отправила письмо в администрацию Березовского района о содействии съемочной группе. Факс в Няксимволь главе администрации о том же. Это уже хорошо. В Няксимволе у Вити живет двоюродный брат Андрей Ковалев. Если что – поможет. Теперь нам оставалось с Пашкой сделать огромный крюк за дорогую цену в рублях, вместо того, чтобы прямо спуститься от Отортена к истоку Северной Сосьвы. Без проводников в болотах восточного склона наших гор тропинку не найти. Вообще можно не выйти. Не мы первые. Просто в сорок пять лет я уже понимал, что лучше остаться живым, пусть и без денег. Живой хоть дело доделает.

Через день после финиша шла вахтовка в Ивдель. Обнялись, расцеловались, покатили. День расставаний продолжался. В Ивделе мы с Павлухой остались вдвоем – странное, надо сказать, ощущение с непривычки.

– Двое – не один. Есть кому рюкзак подать, – успокоил я нас обоих.

И правда, рюкзаки снова стали очень тяжелыми – вся техника и пленка теперь на нас двоих пришлась. Мы стали сильнее, но 45 кило... Хорошо, хоть Жора увез полкилометра снятого материала в Екатеринбург.

Да, от Отортена гораздо ближе до истока Северной Сосьвы. От горы Манья-Тумп надо было спуститься к Малой и Большой Сосьве, пройти берегом до слияния их – вот тебе и исток. У Заплатина был Данила Анямов, который знал места родные и без всяких карт. Там уж чуть-чуть до Усть-Маньи, слияние речки Маньи с Северной Сосьвой.

В своей книге «В лесах Северной Сосьвы» Михаил вспоминает 57-й год, как шел по этим местам к Мань-Пупы-Неру. Его маршрут тогда пролегал с востока на запад. В Усть-Манье он брал лошадей, там его ждал проводник Петр Самбиндалов. В 63-м у моего героя возникло ощущение – «столько воды утекло». Я сижу над бумагой, и между нами пропасть. Михаила уже нет двадцать лет. Я уже почти пенсионер, мы с ним, как стертый пятак, найденный на дороге.

– Смотри, какая старая монетка, таких давно нет, а раньше можно было на метро в Москве прокатиться!

Здорово, конечно, память. Зачем она? Она хороша в паре с воображением. Я читаю книжку Заплатина, вспоминаю свой путь в четвертом году, и у меня в душе, где-то глубоко очень, возникает яркая картина. Я чувствую силу и воздух, и журчание кристальной воды на перекате. Вот утки пролетели низко над рекой, плеснула рыба. Все как тогда. За этим и надо писать о доброй дороге. Каждый, кто прочтет, сможет пережить мою радость. Если, дурак, не убил свое воображение.

Мы приехали с Пашкой в Приобье. Пришли к речному вокзалу, точнее, к синему бараку на берегу Оби, где можно купить билет до Березово.

– Вода низкая. В Шеркалах пересадка на катер поменьше, – предупредила кассирша.

– До вечера доберемся? – спросили мы, плохо разбираясь в местной географии.

– Доберетесь.

Мы приехали на поезде из Ивделя, время было часов девять утра. До теплохода оставалось ждать часа три. Приобье – такое место, где чужому просто абсолютно нечего делать. Я там был проездом два раза, так ничего и не понял в нем – транспортный узел и все. Но люди живут, у кого-то Родина. Кто-то всю жизнь там прожил. Повезло ему. Мы первый раз – нам интересно. Пообедали на вокзале, там и просидели. А что? Чай, сортир, тепло, а на улице моросит. На их широте середина сентября – поздняя осень.

На теплоходе тоже хорошо – сиди на реку смотри. Неудобство с пересадкой неприятно только лишним перетаскиванием рюкзака. Пересели на другую посудину, поехали дальше. Ничего, ровным счетом, не изменилось: тепло, сортир, дождь за окном, спим, задрав ноги на рюкзаки. Можно, камера здорово закутана в тряпки.

Третий день не идем ногами, наступило восстановление – такая расслабуха. Организм, зараза, среагировал на отсутствие нагрузки, начал строить мускулатуру восстанавливать энергию, зализывать раны. Пока молодой – старается.

«Корыто» наше старое и обшарпанное, а Обь широченная такая! Страсть, не дай Господи, дырки в корабле. Доплыли, наконец, поворот влево – Северная Сосьва впадает. Тут и Березово. Барак на пирсе, дальше холм с белым храмом. Река отошла от берега – осень, обмелела. Но в обнажившейся красной глине, истрескавшейся, как пустыня, лежал пузатый катер на боку. Такой грустный и покинутый, словно старость на обочине убегающей жизни.

– Снимем, – решил я. – Завтра.

Мы уже знали расписание самолетов до Няксимволя. Ждать при-

дется три дня. Радовались в душе – очень уж вялым стало тело в тепле и сытости. Взяли какую-то машину – здесь почти все мужики таксовали. Работы-то нету, не советские времена. Халтура одна, вертись, коль жить хочешь. Ехать пять минут. Гостиница «Березка» – двухэтажный типовой дом, обшитый в «елочку и покрашенный лет десять назад веселой голубенькой краской. Номер шикарный со всеми удобствами и телевизором. Жара неимоверная – хоть оба окна открывай.

С утра я бегал десяточку в рассветном тумане. Место понравилось – собаки на улице отсутствовали. Для марафонцев такое чудо слаще шоколаду. Чувствовался север. Небо северное, деревья северные, люди-сибиряки насупленные. В упор не видят бегуна. Презирают? Хрен поймет, вернее, не привыкли совать нос в чужое дело. Березово – место старинное. Во все века сюда каторжан ссылали, при всех режимах. Те привыкли жить по «понятиям».

Вот и не косили глаз на постороннего. А, вдруг, кто-нибудь не просто сам себе дурак?

Сходили с Павлухой позавтракать в аэропорт, в нем столовка по расписанию, весьма приличная, работала. Потом, насколько возможно, привели себя в порядок и совершили выход в администрацию, в отдел культуры. Честно, встретили нас кисло, народ угрюмый и безразличный. Может, только снаружи? Стоило взять литр, как к манси, и накрыть фуршет в кабинете начальника. Не сделал, вот и не заслужил улыбок. Или это только казалось?

У меня была кассета DV с фильмами «В зоне любви» и «Лоон». Оба о севере, о манси и хантах. Назначили мы встречу с местными телевизионщиками – те хотели показать кино у себя. Правильно. Мне пообещали завтра с утра дать «Уазик» для съемок. Начальник позвонил в аэропорт, после препирательств нам отдали бронь администрации и начальника аэропорта. У них имелось по месту. Без брони никак. Самолет АН-2 летает два раза в неделю в Саранпауль с тремя посадками, одна в Няксимволе. Желающих – пруд пруди, а тут мы приперлись с глупостями.

– Пошли в музей, – предложил Пашка. Он любитель не меньше моего.

В музее все как положено: творчество народов мира, археология, звериные чучела, портреты известных каторжан, включая Меншикова.

Познакомились с директрисой, рассказали, кто такие, что делаем. Та, все-таки культурная дама, отреагировала. Что-то спросила, что-то рассказала.

Вот одно:

– Летчики осенью несколько лет назад на охоту полетели. Вертолет «Газпромовский» их в тайгу забросил, уговорились, что через неделю заберет. Они же палатку на берегу поставили – райское место. Охотились, рыбачили, грибы собирали. Через неделю вертолет за ними прилетел. Тишина, никто не встретил, только собака лает, как с ума сошла. Пилоты вышли, огляделись – палатка целая. Заглянули, а там все трое с отрезанными головами лежат.

Мы оторопели с Павлухой.

– Как же так? Кто их?!

– Ханты. У каждого родовые угодья. Только они в них хозяева. Чужому нельзя, а эти залезли.

Вот это да! Успокоила. На охоту больше не пойдем.

Встретились с другой дамой – командиром местного телевидения. То располагалось в большой избе на краю поселка. А где там не край? Невелик оплот цивилизации. Скопировали им фильмы – хоть какой дар за услуги. Устали. Пошли обедать и спать.

Утром я опять протрусил десяточку. Еле ноги шевелились, навалилась недавняя перегрузка. Тело отвыкло жить без рюкзака, двигалось неправильно, не по-беговому. Зато можно душ принять. Живут же люди.

Пришел «Уазик» Он с нами до обеда. Часа три есть.

– В аэропорт.

Первым делом завтрак.

– На базар. Есть базар?

Купили по трусам и майке – бельишко «сгорело» на могучих телах в походе.

– В речпорт.

Сняли брошенный катер. Красиво с панорамой от трещин земли до, лежащего на боку, сироты. Потом я его приделал перед эпизодом на кладбище в финале. Хорошо связал эпизоды эмоционально.

– К храму.

Снял и храм, где раньше была настоящая могила Меншикова. Теперь памятник, скульптура, а место не то. Было давным-давно наводнение, смыло все напрочь. Теперь восстановили где красивше, времена такие. Историю возрождают.

– Вода как поднимается? – спросили мы шофера.

– Холм накрывает. Вот у этих домов огороды уносит, – объяснил местный дядька.

Да, сильно. Метров пять. Вся вода с Главурала попадает сюда, когда весна приходит.

Вот и все, что в памяти от того визита в Березово осталось. Но почему-то, по прошествии стольких лет, я понял, что люблю то место. Сила, простор, воля – все там есть.

В Березове Заплатин закончил экспедицию 63-го года, а нам с Павлухой еще один бросок в неизвестность только начинался. Почему-то мы совсем не переживали. Столько случилось чудес в походе, мы знали точно – нас ведут.

Утром прислали машину к гостинице. Мы вышли, взглянули на рассвет.

– Как думаешь, летная погода? – спросил я шофера.

Тот тоже осмотрелся, пожал плечами:

– Все может быть. Север.

Хорошо быть «блатником» В «кукурузник» входит человек двенадцать пассажиров. У стойки отиралось раза в два больше желающих. Люди рассчитывали на что-то. Просто так не улететь. Что ж, в путь, если есть бронь.

Самолет отправился точно по расписанию – невиданное чудо. Для нас – не иначе. В низкую облачность лететь специальное удовольствие. Тучи висели над тайгой буквально на высоте двести метров. Летели по ориентирам: речка, поворот, петля, скала над тайгой. Иногда попадали в восходящий поток теплого воздуха, иногда в воздушную яму. Частенько, все время. Леденцов в самолете не давали. Пилот и штурман не закрыли дверь в кабину. Мы их видели – они профессионально не реагировали на дикую болтанку. Но

не пассажиры. Я прежде никогда не чувствовал тошноты в полете. А понял такое счастье.

Тетки первыми пошли освобождать пищеварительную систему к дверям – пакетов тоже не дали. Весь проход между скамьями вдоль бортов занимал багаж. Наш, в том числе. Люди ползали в обморочном состоянии, зажимая рты, чтобы не поспешить случайно. Никто не возмущался, значит, так всегда летают.

У нас с Павлухой была коробочка леденцов. Павлуха-то – десантник, но и его желудок рванул к горлу. Я достал леденцы, протянул другу. Смотрю, все товарищи по несчастью тянут ручонки свои. Припрятал несколько штук в карман и пустил коробочку на нужды страдальцев. Особое счастье – посадка на местных полях. Как летчики привыкают к такому? А я в детстве хотел стать летчиком. Дали бы «кукурузник», летал бы над болотами.

А тут все внизу – одно нескончаемое болото. Речки текут петлями среди карликовых сосенок, вода блестит подо мхами. Просто так не погуляешь. Реки – здешние дороги в никуда. Люди живут вдоль Северной Сосьвы, сотня – другая километров – поселок неизвестного назначения. История освоения этих краев, наверное, очень интересна, всю жизнь можно учить – не выучить. А я не за этим сюда попал.

С двумя посадками долетели до Няксимволя часа за четыре. Повезло. Представляю, навалилась бы нелетная погода, сиди тогда неделю в каком-нибудь Сосьвинском, в нем и гостиницы не было никогда. А так – вот он великий Няксимволь. Вышли из благоухающего рвотой салона аэроплана гордые, что не стошнило. Что дальше?

Подошли к тетке, дежурной по аэропорту. Ясно, она местная, всех знает.

– Не подскажите, как к администрации пройти?

Тетка пожала плечами:

– Дорога вон, тут рядом. А вы к кому приехали?

– Мы кино снимать. Нам Андрей Ковалев нужен, вообще-то. Знаете такого?

– Да вон он, – тетка ткнула пальцем в сторону самолета. – Видите, мужик мешки загружает, жену с дочерью в Саранпауль отправляет.

– Спасибо. – Опять везет.

Мы встали в сторону со своими баулами, чтобы не мешать гражданам сновать мимо. Погрузка закончилась мгновенно – народ умел заскакивать в аэропланы. Андрей, угрюмый дядька, чуть похожий на Виктора, пошел в нашу сторону, лишь только самолет развернулся на взлет.

– Андрей Ковалев? – спросил я.

Тот оглядел нас исподлобья:

– Ну?

– Мы от Виктора Пфлугфельдера.

– А... Здорово, – Андрей чуть помягчал.

– Мы кино снимать на Сосьве собираемся. Витя просил нам помочь, – объяснил я суть дела.

Ковалев подумал и быстро решил:

– Пошли ко мне. Семья на две недели уехала. Места полно.

Мы взвалили рюкзаки на плечи и пошли к Андрею.

– Про кого снимаете?

– Может, видал когда или слышал о таком человеке – Михаиле Заплатине, он много тут бывал? – ответил я вопросом на вопрос.

– Заплатин? – даже обрадовался Ковалев. – Много раз встречал, он тут чуть не каждый год бывал, да еще и не по разу.

Я прикинул: Андрюха с виду где-то мой ровесник или рядом. И 80-е годы хорошо должен помнить. Это хорошо.

– Вот администрация. Заходить будете? Правда, сейчас обед. Вряд ли кто есть. Часа в четыре придут.

– Тогда, что спрашиваешь? В четыре и придем.

Няксимволь очень аккуратный поселок. Размер для такой глуши немалый. Прошли мимо школы, чуть в стороне остались клуб и новая двухэтажная больница. Я заметил, что берег густо облеплен лодками, деревянными сараями местных рыбаков. Много, значит, народа живет.

– Работа есть в поселке? – спросил на всякий случай.

– Какая тут работа? – усмехнулся Андрей. – Охота и рыбалка. У меня халтура бывает, я тротуары делаю деревянные. Копейки платят.

Разговор находу быстро закончился, потому что пришли. Дом у хозяина крепкий, рядом баня, сарай. Огород, несмотря на климат. Смородина, картошка и укроп – это я разглядел даже осенью. В доме Ковалевых несколько комнат и большая кухня. Очень чисто и ухожено. Чувствуется заботливая рука хозяйки. Нам досталась детская с двумя кроватями.

– Дочь старшая замуж вышла, живет у мужа. У нас теперь свободно, – объяснил хозяин. – Располагайтесь. Обедать хотите?

Мы не отказались, прошли на кухню. На обед был суп, что оставила жена Андрею на ближайшие дни. Ничего не поделаешь – гости.

– Выпивки нет. «Зашился». – Дело житейское, с кем не бывает.

– Мы не пьем сами, не беспокойся.

Знакомство продолжалось. За обедом я постепенно рассказал о давней дружбе с его двоюродным братом, о своем кино, о Мань-Пупы-Нере, о проблеме с проводником, что зря скатался за нами в Усть-Манью. Андрей слушал, иногда вставлял фразу-другую, ему было явно интересно. На вопрос о герое фильмов и его проводнике по рекам Александре Папуеве он ответил, что хорошо его знает и познакомит с ним и нас. Здорово.

Незаметно наступило четыре часа. Мы с Павлухой отправились в администрацию поселка. Шли и разглядывали, как люди живут. Дома – сплошь добротные рубленные из крепких сосен. Заборы, ворота высокие, без щелочки. Нет никаких признаков нищеты. По улицам никто не болтается, как будто затаились в своих усадьбах. Везде вдоль улиц выложены деревянные тротуары. У нас уже нигде таких нет. Помню, что были в 60-е годы в Перми, удобно и чисто. Скрипят и гнутся. Живые будто, разговаривают.

– Андрюха делал, – улыбнулись мы.

Двери в здание администрации открыты. Внутри полумрак и тишина. Потыкались в кабинеты – никого. Наконец, нашли людей. Две пожилые дамы перебирали бумаги в просторной комнате – глава поселка и секретарь.

– Здравствуйте. Мы из Свердловска. Приехали кино снимать.

– Здравствуйте, – ответили нам.

Худощавая и суровая дама оказалась местной начальницей Мариэттой Васильевной Подосениной.

– А письмо у вас есть? – без всяких там дипломатий спросила она.

Я тоже не дурак – протянул ей бумагу от главы Березовского района, где мне по пунктам расписали наши нужды. Вот молодцы в Березово, знали, тут фиг, что дадут без бумажки.

Подосенина нацепила очки на нос и стала читать указания. Они ее очень раздражали, особенно два пункта:

1. Обеспечить горючим.
2. Организовать отправку после съемок в Березово.

Остальное ерунда, а это очень серьезно. Самолет летает с горем пополам, бензин на вес золота, его привозят на барже весной по большой воде или самолетом. За бензин здесь что угодно отдадут, а нам целых сто литров выдай по гос. цене! Грабеж средь бела дня.

– Остановиться можете в здании администрации. Тут комната для гостей.

– Спасибо. Мы у Ковалева остановились. Вам привет от Пфлугфельдера из Бурмантово, он родня Ковалеву. Мы у Виктора Эмилиевича в округе снимали, он нам помогал.

С Витей Мариэтта Васильевна знакома, где-то пересекались на учебе поселковых глав. Но, все равно, мы ей не понравились, хоть и с письмом. Спросил про Заплатина. Конечно, знала. Папуева тоже уважает. Одно плохо, я не мог предложить роль ей. Надо было что-то придумать, а я не допер, дубина стоеросовая!

– Вечером заходите на ужин к нам, – пригласила глава. – Там все решим.

В ходе обеденного общения с Андреем выяснили, что Подосенина раньше была завучем в школе. С тех пор у Андрюхи с ней вражда, обостряющаяся, когда он не «зашит». Школьным прошлым объясняется ее явно «гнойный» нрав. Хотя, нам она ни в чем не отказала, зря я так клевещу. Целоваться не бросилась, так что ж? Их тут в Няксимволе Заплатин двадцать лет кинематографом мучил. Отдохнули от него, а тут я – любите и жалуйте, отдайте горючку.

Выяснили, где Андрей Тасманов живет. Пошли к нему каяться. А его и дома нет. Там только парнишка лет пятнадцати – сын.

– Нету. На рыбалку уехал два дня назад, – рассказал сынок из-за забора.

– За нами ездил?

– Ездил.

Н-да... опять нет проводника.

– Вы на сколько с ним договаривались? – спросил Андрей, когда мы вернулись с прогулки.

– Пять тысяч и бензина сто литров, – честно признался я.

– Во! За это и я вас прокачу! – Обрадовался Ковалев.

– А чего сразу не сказал?

– Вы с Андреем договорились, мне не с руки встревать.

У них на севере строго. Вон, вертолетчики на охоту слетали в чужие угодья. Закон есть Закон: чужое не трожь! Когда же Тасманов уехал – можно и занять свободное местечко. Я даже обрадовался, за несколько часов общения выяснилось, Андрюха – интересный персонаж.

– Все, значит. Готовься – послезавтра с утра уходим в плавание. Где тут сельпо? Надо продуктов прикупить на дорожку.

– Завтра закупитесь. Уже закрылись все точки торговые.

Ясно, не город.

Мы отправились в гости к Подосениной, буквально метров сто от Андрюхи. Чем хорошо в деревне? Все рядом. У главы администрации дом не отличался от других изб. Если коррупция и есть в глухоманях – выставляться нельзя. Спалят, так я думаю.

Муж оказался веселым дядькой, расстроился, что мы не пьем. Одному нельзя. Михаил, так его звали, местный метеоролог. Интеллигенция, как врачи и учителя в местах, вроде Няксимволя. Тоже знал Заплатина, видел его фильмы в клубе.

Глава поселка дома не такая строгая. Или уже смирилась с потерей бензина? Неважно. Пообщались хорошо, насмотрелись старых фотокарточек, наслушались историй из местной жизни. Они необычные, как необычна повседневность изолированных территорий. Сначала кажется странным, что люди, живущие здесь, не хотят новых дорог, связи с миром. Они ценят свою оторванность и свободу, правда, относительную, от бурь цивилизации. Время у них не так спешит, что ли?

С утречка я сбегал десяточку, пугая местных охотничьих псов. Это вам не городская сволочь – на людей не бросаются, тявкают издалека. А вдруг у бегуна ружье? После завтрака отправились покупать бензин. Не помню цену, чуть дороже городского. Я расплатился и получил бумажку. Андрюха приволок пустые канистры в тачке. Скоро мы завладели драгоценным горючим и повезли его на берег Сосьвы в андрюхин сарай. Наш проводник радовался, как ребенок – бензину было в два раза больше, чем надо. Так что – он опять в плюсе.

Андрей показал избу на высоком берегу:

– Вон там Папуев живет.

Пошли знакомиться. Хозяйка открыла калитку, мы представились, нас пустили в дом. Вот тут Заплатин останавливался у друга. Хороший деревенский дом, места полно. Старики жили вдвоем, дети разъехались по городам. Все-таки, сибиряки не сразу принимают новых людей, присматриваются – можно ли доверять. Кажется сначала, что угрюмые и неприветливые люди. Я спросил Папуева, как он стал тут охотоведом. Такой молодой был в 63-м году.

– 25 лет, – улыбнулся старик. – Только закончил техникум. Я из Бурятии, сюда по направлению попал после армии. Места здесь совсем не как у нас. Однако, привык.

– Мы в Усть-Манью завтра отправляемся. Приедем обратно – расскажите на камеру о Заплатине?

– Можно.

– Дружили с ним?

Папуев вздохнул, видимо подумал, что друга уже нет.

– Дружили.

Я понял, слова из дядьки придется вытягивать клещами. Где их взять, такие клещи? Но замечательно другое – он очень похож на себя молодого. Получится классный монтажный стык заплатинских кадров и моих, столкнутся сорок прошедших лет.

Какое изумительное место излучина Северной Сосьвы в Няксимволе! Господи! Этому жилищу лю-

дей больше шести тысяч лет. Пусть кто скажет, что у дикарей не было чувства прекрасного. Как чистая вода реки блестит на солнце, как высокий берег изгибается, словно живой зверь, вылезший погреться на песочке пляжа! Другой, низкий, берег покрыт густым лесом вековых елок, таких узких и стройных. Все это я сниму и запомню навсегда, как лучшее в жизни.

Рано утром довезли свое барахло до реки и отплыли вверх по реке. Я заметил, осень за те дни, что мы потратили до начала плавания, вдруг изменилась, воздух остыл до предзимнего холода, весь лиственный лес и высокие лиственницы засверкали невыносимыми цветами.

– Скоро опадет, – сказал я Пашке.

– Неделю еще постоит, – согласился Андрей. Он сидел сзади и управлял мотором.

Такое состояние природы говорит само в кадре, создавая ощущение перелома, перехода в другое качество. Поэтому съемка утром лучше, чем день. И вечер лучше ночи. Хочет зритель или нет, все равно, возникает щемящая сладкая боль. Такова мощь импрессионизма. Сила образа зависит от таланта оператора и воспитания способностей зрителя. Идиоту, к сожалению, недоступно ничего, кроме информации. Вот отчего сейчас так много журналистов. Задолбали пустотой!

Опять начали с Павлухой новую дорогу. Опять новый поворот. Все в нашей жизни, как эта удивительная осенняя река, несущая цветные листья с гор, где мы шли недавно. Там, наверное, зима. А что за следующим поворотом? Здорово не знать этого. Вон, Андрюха знает свой мир, река и повороты, и деревья, и камни – они в его памяти, пока он жив. Смотрю на него – ведь нет никакой суровости. Дядька как дядька, на Плюху похож. Переодень – городской человек. Они с Павлухой – десантники. Хвастают, кто и где воевал, сколько прыгал с парашютом, бегал марш-бросков. Я пехотинец, мне среди них лучше молчать. Вот зачем надо в армии служить – будет, чем хвастать в бане всю оставшуюся жизнь.

– Вода низкая, – сообщил Андрюха. – Скоро пойдут перекаты, поближе к горам, когда придем.

Пока все нормально, километров двадцать в час наша скорость. Где-то через полчаса прошли стойбище мансийское – так, несколько черных срубов. Мансийка проводила нас глазами, собака ее пробежалась по берегу метров сто за лодкой. Я помахал им рукой, мансийка ответила. Наверное, ей интересно, кто это с Ковалевым в цветных, городских, явно, костюмах. Местные никогда не напялят на себя розовое с голубым. Корбут Женя знает, я говорил, в чем тело виднее в тумане или на снегу, или в лесу. Охотники все камуфлируются. Вот наш рулевой в черной куртке, но на охоту у него полный набор партизана на любое время года.

Скоро начались пороги. Вылазим из лодки, чтоб приподнялась, и толкаем ее по мелкой, сантиметров двадцать, воде. На ногах сапоги, не промокнем.

– Иногда приходится русло лопатой прокапывать, совсем вода уходит, – сообщил Андрей.

Вот и хорошо, что есть вода в этот раз, а то я лопаты в лодке не наблюдаю. Я уже плавал по такой реке. Пелым на Сосьву в верховьях похож. Только здесь берега немного дальше от воды и выше, а ширина русла и перекаты – один в один. Сто метров переката, километр воды поглубже. Только и следи, чтобы не налететь с разгону на подводные булыжники.

– Ты гвоздей на шпонки нормально взял? – вспомнил я, как много раз ломалось крепление винта к валу мотора, и гвоздь на 100 мм заменял перерубленный на пороге старый.

Андрей торжественно открыл ящик и показал здоровенную пластиковую банку, полную гвоздей.

– Красавец! – похвалил я с ударением на последнем слоге.

Через пару часов хода река сузилась, приблизились берега, пряча пейзаж. Поворотов стало больше. Показалось даже, что идем в гору. Пригляделся – так и есть. До гор меньше сотни километров.

Послышался шум лодочного мотора – из-за поворота вывернула такая же, как наша деревянная посудина.

Андрей сощурился:

– Тасманов.

Я и забыл о нем. Вот досада, что не встретил неудавшегося проводника в поселке! Делать нечего, причалили, вышли на берег. Тасманов причалил рядом. В лодке осталась жена. Тасманов – крепкий мужик, чуть за сорок, на манси не похож, у них это случается.

– Здравствуйте, – я протянул руку.

Поздоровались, Андрюха отошел в сторонку – он не виноват. Я, как всегда, начал прямо.

– Извиняюсь. Мы не смогли попасть в Усть-Манью – без проводников пришлось ходить. Добрались до Няксимволя на самолете через Березово. Десять дней потеряли. Вы нас ждали?

Тасманов глядел куда-то в сторону:

– Два дня в Усть-Манье сидел.

– Я хотел вас в поселке встретить. Заходил, но сын сказал, что вы на рыбалке. Там бы договорились. Я хочу рассчитаться за беспокойство. Сколько мы вам должны?

Тасманов подумал, быстро глянул мне в глаза. У него взгляд, как у медведя. Маленькие черные глазки блеснули из-под бровей. Сердит на нас, дядька. Хорошо, трезвый. Ружье-то, вон оно, в лодке лежит наготове.

– Четыре тысячи. – Он долго не распространялся, говорил, что спросили – и хватит.

Я без лишних телодвижений на ощупь вынул из внутреннего кармана четыре синих бумажки, протянул:

– Еще раз простите. Очень вам обязаны.

– Да, ладно... – мужик махнул рукой, повернулся и пошел к лодке.

Я подумал, что он, вероятно, не так представлял и планировал встречу со мной. У них сурово в лесу – бах! И готово. О таком варианте всегда стоит помнить, будет порядок.

Наша встреча продолжалась минуты три. От души отлегло, как покаялся. Наш проводник повеселел, когда лодка Тасманова отчалила и скрылась за поворотом.

– Вотяки! – ругнул он и скривился презрительно, но комично.

Мне показалось, что Андрюха побаивается Тасманова. Манси, все-таки, могут что-нибудь отчебучить даже круче нашего брата, Ковалев – то знает. И про Тасманова многое знает, но лишнего не скажет, чтобы не искушать судьбу.

У Андрея самого в жизни есть не полученный должок. Его отец – младший брат матери Виктора. В 43-м году коми из-за Урала пригнали на лесоповал, на восточный склон. На западном их было в избытке. Ковалев-папа угодил в Няксимволь. Было ему четырнадцать лет – на фронт рано, лес валить – в самый раз. Потом остался, жизнь такая же: охота, рыбалка, воля.

Андрюха вырос, в армию ушел. Пока Родине служил, отец пропал. История темная. Ушел он с братом жены на охоту в свои угодья. Обычно уходили недели на две-три, а тут нет и нет. Уж чуть не в апреле пошли их искать. Добрались до избушки, там нашли мертвого, с дырой от пули в груди, брата жены. А отца андрюхиного, сколько не искали, не нашли. Пропал. Убили его или нет? Или он родственника пристрелил и подался в бега? Андрюха считает, что отца манси убили. Пришел из армии, все на пятидесяти квадратных километра родовых угодий оглядел, каждый кустик. Ничего не прояснил. Сколько лет уже прошло, он не перестал искать и надеяться. Месть в сердце спряталась в темный уголок, ждет.

– Убьешь, если найдешь кого?

– Убью.

– Посадят.

– Кто узнает? Я уж знаю, как сделать, что б никто не понял.

– Думаешь, отца твоего так же?

– Конечно. А дядьку за компанию, как свидетеля.

Такая вот быль и боль...

Я увидел удивительный корень упавшего дерева на каменистом берегу. Просто чудо, а не пейзаж.

– Пора обедать. Приставай к корню, потом кино немного поснимаем.

Я быстро сварил рожков с луком и классной няксимвольской лосиной тушенкой. Волки и медведи в радиусе пары километров захлебнулись слюной. Запах разлетелся по округе, зацепился за кедры и мхи, осел на болота. Низкое серое небо удивилось и заморосило на наш костерок.

– Давай штатив.

Пашка пошел в лодку. Я достал из своего рюкзака «Конвас», поставил любимый 28-й объектив. Пленки мало осталось, надо аккуратней.

– Сидите задумчиво, красоту рассматривайте. Скорость, Андрюха, километров десять, не быстро. Вот оттуда из-за угла и до поворота по середке речки.

Народ пошел на исходную. Я пока репетировал панораму. Поворот камеры получился не на 180 градусов. Надо плавненько, как у Княжинского. Вот затарахтел мотор, я включил камеру и поглубже хорошенько вздохнул, как при стрельбе. Получилось. Я в монтаже не стал подкладывать никаких реальных шумов под этот кадр. Взял «Гимнопедию № 1» Сати. Тоскливее нет ничего в жизни, даже у Баха. Зато цвет в кадре какой!

Через три дня мы поплыли обратно, лес стоял голый – ветер унес остаток жизни. Скоро зима – нечего тут цвести. Все-равно, никто не увидит, не оценит. Нас не ждали, а мы сохранили тот день, неизвестно зачем. Но красиво, даже Сати не представлял, что так может быть, когда свою «Гимнопедию» писал и плакал на рояль.

Так мы и плыли. Я разглядывал берега, вспоминая кино Михаила. Многие реки похожи, он снял не один фильм о маленьких таежных речках: Тапсуй, Лепля – мы прошли мимо их. Там, где речки впадают в Северную Сосьву, навалены горы, принесенных мощной весенней водой, деревьев. Никто не чистит. Зачем? Кто по ним плавает? Манси ушли из тайги, мир вернулся к порядку.

Я помню удивительные пирамидальные горы в фильме «В лесах Северной Сосьвы». Их не спутаешь ни с какими другими. И, вдруг, чудо! Вот они, как у него: темно-коричневые глинистые холмы жмутся друг к другу. Порода, из которой они созданы, сыпучая. Деревья вырастают и падают, когда грунт осыпается вниз. Склоны усеяны стволами, лежащими верхушкой вниз. Вид у них несчастный. Словно их обманули.

– Здесь место для ночевки, – заявил Андрей.

– А что в Усть-Манье? Она рядом – километров пять.

– Нет. Лучше там не ночевать. Целее будем. – Проводник не доверял местным жителям.

– Хорошо. Давайте, пока светло, пару кадров снимем, – предложил я. – Плывите мимо гор. Пристанете тут у куста шиповника. Выгружайтесь.

Я надел на «Конвас» «рыбий глаз» – сверхширокоугольный объектив. Сразу все вошло в кадр – и горы, и река, и лес. Надо аккуратнее, чтоб собственные ноги не снять ненароком.

Лодка, буквально из точки, быстро рассекла спокойную воду, с отраженным в ней синим небом, парни ловко причалили и занялись выгрузкой. Я снимал под хронику. «Рыбий глаз» дает ощущение «субъективности» – кто-то смотрит и шевелится. Я снимал спокойно, даже сильно пространство не исказил, только горы отдалились и стали выше.

Место у гор шикарное! Река делает поворот, получается полуостров, окруженный водой с трех сторон. Берег зарос шиповником и черемухой – для чая лучше не бывает. У Андрюхи котлы ведерные, он же их на горбу никогда не таскает. В них готовить удобно. Опять наварили густой похлебки с лосятиной. Наелись!

Разлеглись у костра, пили чай и травили байки. Ох, и балагур наш проводник! Веселый и общительный парень. На охоту подолгу ходит – молчит. С кем болтать? А тут нашел уши городские. Благодать.

– Это место медвежье. Кругом следы на земле, на деревьях. Вон там я малинник видел здоровенный. Медвежья радость. – Андрюха махнул куда-то рукой. – Ходит щас зверюга, нюхает. Подойти боится. С медведями, с ними беда. Я не связываюсь. Вот лось, олень – другое дело. У меня в угодьях как-то завелся один. Ну и пусть, думаю. Один деловой парень из Ханты-Мансийска позвонил:

– Клиенты есть богатые из Германии. Медведя хотят. У тебя есть?

– Как раз есть. Привози.

Дело было зимой, мишка в берлогу давно залег. Я знаю, конечно, где. Кто не захочет денег полегкому заработать? Немцы, поди, заплатят нормально. Так я «губы раскатал», замечтался медведя своего буржуям загнать. Прилетели на вертолете: мой дружок деловой, один немец из наших бывших и двое настоящих, которые платили за праздник. Такая охота де-

нег стоит. Где она, Германия, и где Няксимволь? У меня два снегохода готовы, кроме моего, да трое нарт – как просили. Продукты они с собой привезли из Германии. Приехали в избушку – у меня изба, что надо! Дворец, а не изба. Живи и радуйся. Вечер провели весело, я тогда не зашитый ходил, а у них пойла целый ящик. Я им все про охоту трепался, какие тут медведи мордастые у нас в Сибири.

Один немец, который помоложе, сам вроде медведя. Как наши парни в штыковую против них в Отечественную ходили? Хрен знает. Вот этот мордоворот и говорит:

– Ты вот рассказываешь, что сибиряки с рогатиной и ножом на медведя не боятся. Я медведя вот этим ножом только возьму! – и показал свой полуметровый хлеборез.

Мы все поддатые были хорошенько, засмеялись над ним. Трезвые бы, наверное, не стали, а так, только разозлили мужика. Он взял меня одной рукой за пояс и рывком над головой поднял! Еще и башкой о потолок шмякнул. Потолки-то не три метра в избе. Посмеялись опять и спать легли. Утром встали до свету, опохмелились. Кто-то и говорит сдуру:

– Как, не передумал с ножом поохотиться?

Бугай разозлился, заругался понемецки, ножик достал:

– Пошли.

Собрались, тяпнули по 50 на дорожку и поехали с ветерком. Собаки мои впереди молча бегут, будто им кто сказал, куда едем. Приехали, что там ехать, полчаса – и на месте. Километра за два остановились, прихлебнули из фляжек, на лыжах дальше пошли.

– Шепотом ходите, – объяснил я.

Пришли к берлоге. У поляны кедр выворотило, где корень – там летом яма была, зимой снегом замело. Там косолапый храпит.

– Не надо, парень, – у меня хмель чуть выдуло, пока шли. – Давай, я собак пущу, он выйдет, мы его из карабинов, как в учебнике. А?

Тот пуховик скинул, намахнул полстакана для куражу, взял в одну руку длинный шест, в другую свой ножик. Пошел к берлоге, сунул в нее жердь, и ну давай шурудить! Собак я отпустил, думаю, что помогут, если что. Куда там! Медведь как выскочит без предупреждения, немец на него! И прямо, немец-то не меньше мишки был. Не забоялся, схватились.

Андрюха хлебал чай из кружки, свободной рукой разгорячено изображал сразу всех участников охоты: кто куда прятался, как он целился и боялся в немца попасть, как собаки кусали зверя. Такой рассказ снять от начала до конца на видео – будет готовое кино, монтировать не надо.

– И что дальше-то?

– Чего? Десять секунд – и оторвал мишка башку немцу, тот и ножик воткнуть толком не успел. Мы со вторым немцем тут стрелять и стали. Не ушел бедолага косолапый.

Пашка ужаснулся реализму сказки:

– Прямо, оторвал?

– Ну, да. С корнем.

– А потом?

Андрюха пожал плечами:

– Потом понятно: милиция, разборки. Что, как. У меня-то все в порядке, лицензия была на охоту. Живые немцы денег дали ментам, забрали покойника, шкуру медвежью – и фьють, на вертолет и домой. Я, понятно, ни хрена не заработал. Денежки достались мои людям в погонах.

– Почему им?

– Спрашиваешь! Им всегда, если тихо не вышло. Вину всегда найдут, был бы человек.

Так мы трепались и ужинали часов до 12-ти ночи. Супешник не доели, утром съедим. Забрались в огромную андрюхину палатку, разлеглись вольготно. Хорошо! Тепло и сыто. Я задремал. Вдруг Пашка вскочил, как полоумный:

– Медведь!

Андрюха прислушался, я тоже. В тишине кто-то натурально фыркнул неподалеку. Или померещилось?

– Точно, – шепнул наш охотник. – Хозяин.

– Где у тебя ружья? – спросил я. У него с собой их было целых два.

– На дереве висят, – вспомнил Андрюха. – Тут рядом.

– Иди, что делать.

Андрюха застыл, прислушался.

– Иди, ищи дурака! Ты знаешь, какой он быстрый.

– Щас придет, узнаю.

– Давайте, напугаем его.

– Как?

– Заорем.

До этого мы шептались, прислушиваясь к звукам в ночи. Тишина, и никаких шорохов.

– Раз, два, три!

– А-а-а-а-а! – заорали мы втроем.

Андрюха пулей вылетел из палатки, запнулся о корягу, упал, дополз до ружья и пару раз пальнул в небо. Жуть! Мы все оказались снаружи около гаснущего костра. Хоть глаз выколи!

– Может, зря зашухерили? – спросил я, слышавших медведя.

– Нет. Я слышал, – твердо заявил Павлуха. – Фыркнул помедвежьи.

– Я тоже слыхал. На запах супа пришел хозяин, – сказал Андрюха, перезаряжая двустволку.

– Надо костер сделать побольше.

Мы набросали дров в огонь, скоро заполыхало, будь здоров! Так и просидели у костра до рассвета. Какой тут сон? Мысль о медведе бодрит.

– Надо твой рассказ о Заплатине снять, – заявил я с утра пораньше.

Солнце взошло в чистом небе. Похоже, будет классный денек. Мы развели красивый костер, поставили в огонь большой котел с сосьвинской водой для чая.

Синхронные съемки несинхронной камерой – большая проблема. Таскать специальный мотор и аккумулятор – дураков нет.

Я делал это так. Несинхронный мотор шумит – отхожу подальше, снимаю телевиком. Он же не держит частоту 24 кадра – снимаю короткими кусками метров по пять. Звук пишу микрофоном «петличка» на видеокамеру, которую прячу прямо в кадре. Да! На съемочную камеру бросить сверху пару курток для защиты от шума.

Я – дядька хитрый. Посадил «героя» у костра, огонь потрескивает, перекрывает камеру. Пленки мало. Сочинили Андрюхе две фразы, он их заучил, но парень – артист. Комар носу не подточит, так он естественен.

– Камера, мотор, начали!

Андрюха начал:

– Заплатина у нас на Сосьве все знают. Еще в детстве помню, как он

приезжал и показывал свои фильмы в клубе.

– Стоп.

Беру чуть крупнее и боковее, повторяем вторую половину про фильмы. Еще крупнее, и взгляд озорного глаза в кадр. Взгляд подсвечен отражателем – кино, все-таки.

– Начали.

– Приходилось убегать из школы. Отличников отпускали, а двоечников завуч не пускала.

– Молодец! – про завуча – это про главу администрации донос.

Досняли возню Андрея с костром, огонь, детали лагеря. Хватит с утра, устали. Пашка решил снять чай с огня, взялся за ручку, та оказалась раскалена до красна. Обжегся, пролил пол котла чая, обиделся на всех. Это с ним от бессонницы.

– Чего, так по капле и делается кино? – спросил Андрюха, впервые слышавший, как шумит камера.

– По-всякому. Мы с февраля снимаем. В горах, в Перми, теперь с тобой. К новому году сделаю, будет минут тридцать. На экране легко и красиво, надеюсь, покажется.

– Кошмар! – ужаснулся проводник.

– Нормально, – не согласился Пашка, перебинтованной рукой накладывая кашу.

В Усть-Манью осталось плыть минут двадцать. Часам к одиннадцати были на месте.

– Вот она, – как-то невесело сказал я. – До Мань-Пупы-Нера нелегко далось дойти, так и сюда. Пятую неделю в походе.

– Надо было на вертолете, – посоветовал Андрей. – За неделю можно.

– На вертолете не понять. Прилетел на святую гору, два часа повертелся – ничего толком не увидел. Главное, не почувствовал сам родства с природой никакого. Потом сюда за час лету – бжик, бжик! Дальше к вам в поселок: а где тут Папуев? Час побегал с камерой, «отлудил» пару кассет. Дома тексту побольше понаписал – готово! Месяц попил водки с местными сибиряками – и вся работа. Заплатин так не делал, понимал.

На звук нашего мотора к берегу вышли трое местных мужиков. Вообще-то, их тут четверо живет. Четвертый уехал в Няксимволь за товаром. Кроме людей, по берегу гуляли пестрые коровы, радуясь теплому солнышку. Речка разлилась по долине мелкая, каменистая. Хорошо, что приплыли уже и дальше не надо русло копать.

Народ вышел трезвый, спокойный, доброжелательный. Познакомились. Все – сидельцы, кто по сколько. Сюда смылись от соблазнов и зла в покой и гармонию. У каждого изба, корова. Выпить хочется иногда, но магазин не рядом. Господи! Где эта Усть-Манья, ты знаешь? И везде – Россия. Наши люди живут, свои парни.

– Давайте, мужики, я вас в кино сниму? Останетесь на пленке в красоте частью этого мира.

Сняли мужиков, сидят на скамеечке, специально для размышлений поставленной, и глядят на реку, что течет, как время. Пусть течет. Вечная река и небо, и листья осени четвертого года, которым три дня осталось красоваться, и мы, люди, во всем этом живущие так мало и глупо. Философия – высшего образования не надо, чтобы понять. Посиди, посмотри, погуляй, подыши, послушай реку. В тебе самом что-то пробьется и расцветет. Я про это и снимал.

Когда был студентом, помню, снимал учебную работу с режиссером Димой Салынским. Он старше, по первому образованию – искусствовед. Все мне про воздух, который должен ощущаться в кадре, рассказывал. Чего я мог про воздух понимать в девятнадцать лет? Я про девок тогда еще ничего не понимал, а тут воздух! Сколько прошло лет, пока я сообразил, что оно есть, и полюбил. Воздух в кадре – это жизнь. Надо его разглядеть и научиться ловить объективом. В Усть-Манье у меня воздуху в кадре столько, аж голова кругом. Объекты в кадре должны светиться, а не быть освещены – раз. Два – читай Леонардо о тональной перспективе. Остальное – приемы использования техники и пленки.

Когда-то в Усть-Манье работали геологи. Уже много лет, как их базу законсервировали, окружили высоченным забором. До меня доходили слухи, что там солидное месторождение золота. Не так много лет осталось, скоро протянут железную дорогу от Ивделя до Салехарда длиной больше тысячи километров. Рельсы проложат близко к горам, и тогда станет элементарно подниматься на Главурал, тогда все давно открытые месторождения разработают. Дорога позволит вывозить и осваивать, строить и обживать. Пройдет сотня лет – не останется тихого мира, останется убитая природа. Потом ее забросят, когда все выкопают, и после лет пятисот, предположительно, наш мир заживит раны. Заплатин писал с оптимизмом – в его юности развитие технологического мироустройства принималось, как прогресс и новая жизнь. Я же покатался по границе природы и цивилизации, в наше время скорее похожей на тяжелую болезнь. Весь хрупкий зеленый мир рушится. Ничего не поделаешь – тем, кто правит, не требуется ничего, кроме прибыли. За тонны золота жалких обитателей, людей и птиц, рыб и медведей, просто выживут. И я не знаю, Михаил Александрович, будет ли хорошо, как обещали теоретики.

Кроме базы угадывался бывший аэродром. Заросло все бурьяном по макушку, но вертолеты, если что, сядут легко. Мы с Павлухой запечатлели и большую поляну. Потом подошли снять рыболова, просто так, для настроения и красоты. А он возьми и поймай рыбу! Размером сантиметров тридцать. Я думал, что за зверь незнакомый?

– Таймень, малек, – сказал, беззубо улыбаясь, рыбак. – Они невкусные маленькие. Вырастет – поймаю и съем.

Молодой парень пригласил нас попробовать молока парного. Чище не бывает, дикие травы коровки едят.

– Как ты здесь очутился? – спросил я «аборигена».

Я рассматривал его жилище, удивляясь, как только люди ни живут. У него бардачище в избушке, похоже, что он никогда не прибирается и курит, не выходя на улицу. Запах специфический! Но везде валяются старые книжки, самые разные. Еще есть радиоприемник на батарейках, а электричества нет.

– Я из Уфы родом. Сидел за хулиганку, потом за наркотики. Чувствую – умираю. Бросил все, добрался сюда. Полегчало. Поживу еще.

– Деньги где берешь?

– Собираю, что растет, сдаю. На хлеб, чай, сахар, соль хватает.

– Ты же городской, как приспособился?

Парень пожал плечами. Вид у него нездоровый, в глазах тоска. Ясно с ним все.

Я отдал лишние продукты: рожки, рис, сахар, пачку чаю, бутылку масла. Андрюха с Павлухой подарили пару пачек курева. Часа в три мы уплыли вниз по течению. Так долго шли, зато быстро ушли. Грустно как. В заплатинских книгах и фильмах, снятых на Северной Сосьве, много искреннего светлого чувства, много людей, легко и радостно живущих в тайге. Какое-то ожидание долгой осмысленной жизни. Почему люди не стали счастливыми? Много вариантов ответов. Ни одного доброго.

Скоро поплыли мимо высокого берега с пирамидальными горами. Солнце к вечеру хорошо осветило пейзаж с рекой.

– Андрюха, надо тебя снять. Рули и смотри по-умному вперед, будто нас нет, ты один.

Я взял камеру и снял метров тридцать – несколько вариантов крупности нашего проводника. Достоверно вышло. Хорошо смонтируется с черно-белым старым кино. Мы честно плыли часа три, начало темнеть.

– Мы же не доплывем сегодня?

– Нет, конечно. Скоро на берегу, помните, изба охотничья. Переночуем.

Изба оказалась просто шик! На высоком правом берегу хозяин поставил скамью и беседку над ней. Можно сидеть, отдыхать и любоваться, как вода блестит на закате, или дождь идет.

– Здесь родовые угодья, но у нас любой может в чужом доме заночевать. Иначе нельзя, такой древний обычай, – объяснил Андрей.

– Знаем, ночевали.

Было еще светло, когда мы вошли в дом. Бессонная медвежья ночь сказывалась – утомились. Места в избе полно, хорошие крепкие нары, печь с плитой огромная, шкаф с посудой, сухарями, солью, чаем и сахаром. Записка на видном месте: «Гости, пожалуйста, не сожгите дом». Мы и не собирались. Быстро запалили печку и приготовили ужин, вскипятили чай. Лучший специалист по печи – традиционно Паша. В этот раз явно перестарался – жара в доме невыносимая.

– Печка слишком хорошая, – объяснил истопник.

Пришлось спать голыми с открытой дверью, только к утру температура устоялась, а то, как в бане, честно.

Рассвет наступил тихий, затаившийся. Природа предчувствовала скорый сон, здешний конец сентября похож на наш конец октября. Не так далеко на север, однако, много суровее. Вниз по реке плыть легко, быстрое течение несет само. Я что-то еще снял грустно-осеннее: листья на воде, близкие кусты, проплывающие над нами. Увидел охотника с собакой, гуляющих по берегу. Пес нас лениво облаял, я их снял на ходу.

Вот и Няксимволь. Мы вернулись. Осталось совсем немного работы.

– Завтра снимаем Папуева, – сообщил я план последней съемки.

Как нас, все-таки, «вели». Погода часам к одиннадцати утра просто идеальная – так называемое «молоко» – солнце в дымке. У меня с Папуевым из 63-го года несколько заплатинских эпизодов. Я сделаю пару переходов от его кадров к своим, будет очень экспрессивно. Вот юный парень в лодке после такого же Ковалева, вот мой кадр снова – забор, открывается калитка, и Папуев выходит на берег, садится на лавочку. Картинка – персик. Лодка проплыла с шумом по реке – живопись, Нестеров! Папуев начинает рассказывать.

Я поставил 150-й объектив. Он у меня очень хорошо сохранившийся. На длинном объективе будет не слышно мотора. Звук, конечно, пишем на видеокамеру. Ох, дядя Саша! Как он слова путает! Угробили метров пятьдесят пленки – все зря.

– Давайте, короче будем предложения говорить, – предложил сам герой. Молодец, соображает! Или помнит прошлый опыт?

Пашка стоял за камерой, сильно переживал за резкость. Закрыл диафрагму – в камере хоть глаз выколи. Мы с Папуевым сочинили фразу слов на 15. Отрепетировали.

– Камера, начали!

Я сидел рядом, Папуев смотрел на меня. Какой симпатичный человек. Жаль, волнуется, тянет паузы. Ничего, словно он глядит вдаль и думает. Павлуха перешел ближе, навел резкость, накрыл камеру курткой.

– Готов! – отрапортовал он.

Так мы сняли еще пару реплик, меняя точку съемки. Получилось монтажно и очень грустно, даже больно. Потом я «собрал» все вместе – прошлое, настоящее, себя и Михаила и великую реку. Работа души никуда не пропадет, мы вложили чувства, силу мира, даже немного Бога.

Наш герой обрадовался, что съемка закончилась.

– Пошли чаю попьем, – пригласил дед.

В гости к нему приехала дочь, она тоже помнит Заплатина. Прошлое с нами, как уходящая осень и опавшие листья. Жизнь, прости Господи, уйдет, кто-нибудь вспомнит по мере наших заслуг и нас. Дочь испекла пирог, Папуев включил видеомагнитофон. Кино у него есть, посмотрели и вспомнили Заплатина. Его душа была рядом.

На завтра у нас билеты на самолет. Хорошо провели вечер: баня, ужин с деликатесами – строганина оленья и рыба. Андрюха надарил огромных вяленых язей, еле упаковали. Загрузили свои баулы в тачку, поехали утром на летное поле.

– Погодка не очень, – посмотрел Андрей на небо, ниже не бывает.

И тут началось! Пять суток мы «загорали» в Няксимволе, каждый день, проводя несколько часов на аэродроме. А как иначе? Кино сняли, дух-покровитель удовлетворен. Теперь сами шебуршиться должны.

Андрей Ковалев – такой парень, с которым можно быть в компании. У нас получилось дней десять прожить с ним. Ни разу я не почувствовал усталости или неприязни. Он – интересный собеседник, благодарный и любопытный слушатель. Наверное, такие люди – охотники. Выбираясь в тайгу, в жизнь без каких-либо развлечений, человек должен уметь быть напарником и собеседником. Что-то же надо делать нескончаемыми зимними вечерами в тесной охотничьей избушке? Простились с Андреем, как со старым другом.

На пятый день выдалось безоблачное утро, стало ясно – улетим. Даже как-то уже и не очень хотелось. Я договорился с пилотом, он обещал заложить плавный вираж над Няксимволем. Пусть будет поселок и река на прощание со всеми, кто был в фильме, пусть будет жаль расставаться.

Дальше дорога покатила, словно хорошо смазанная машина. В ясную погоду «Кукурузник» так не подскакивает на невидимых колдобинах. Еще засветло мы оказались в березовском аэропорту. Тащиться завтра на теплоходе, потом поездом целый день не хотелось.

– Глянь, – Пашка кивнул на расписание. – Через два часа рейс в Тюмень.

Я посмотрел – точно. Но цена! Они на северах с ума сходят – до Тюмени пятьсот километров, а стоит дороже, чем до Москвы из нормального места. Но если посчитать все: гостиницу, теплоход, поезд, три дня возни с рюкзаками.

– А! Полетели.

Я хорошо посчитал остаток денег – должно хватить. А у нас еще и центнер груза на двоих. Если что, у меня заначка есть, личных тысяч десять припрятано в экспонометре.

Мы пошли на погрузку в самолет. За багаж заплатили кучу денег, а нести его пришлось на своей натруженной спине. Я заметил, вдруг, как легко забросил пятьдесят кило на плечо. И Пашка тоже. Цена силы – сорок дней под рюкзаком. А как оно давалось в начале! Мрак.

Вот так: два самолета и поезд, мы меньше суток добирались из Няксимволя в Екатеринбург. Заплатин летал, бывало, спецбортом из Перми напрямую. Его знали геологи и власти – все считали за гордость помочь. Времена меняются. Кто мы теперь?

На этом съемки не закончились. Мы вернулись 2-го октября – моей жене Наталье подарок на день рождения. Через пару дней взял весь отснятый материал и собрался в Москву на проявку.

– Надо добить несколько фраз Поластровой. – Я просил у Валентины, директрисы, еще одну досъемку. – Теперь знаю точно, что надо сказать и что снять.

Валентина вздохнула, ведь назревал перерасход, но махнула рукой. С Пашкой рано утром 6-го октября мы были в Перми. В девять нас уже встречали Поластрова и Тиунов у забора ПермьТВ. Я им рассказал об «успехах», походе, встречах с людьми, горах. Старики порадовались за меня. Мы поставили боевой «Конвас» напротив забора и сняли проход ветеранов у их родной конторы. Потом досняли пару-тройку реплик Нины Александровны о том, как Заплатин не ладил с начальством, как он любил Мань-Пупы-Нер, как он умер в кабинете губернатора, пытаясь спасти студию, прося денег на фильмы. Я подарил Поластровой белые цветы, большой букет. Она захотела сниматься с цветами – так и стоит на крупном плане с букетом почему-то. Мы снимали 150-м телевиком на открытую диафрагму, утро было пасмурное, света хватало еле-еле. Вся пермская осень получилась абсолютно размытой, нерезкой. Нина Александровна в разбеленной пастельной гамме выглядит такой молодой! Оптика может делать чудеса.

Досняли и реплику Тиунова. Полчаса – все свободны. Мы обнялись со стариками, те звали в гости, но нам хотелось двигаться – привыкли за поход. Чего было не послушать их? Ничего бы не изменилось, но сейчас в душе что-то имели еще, кроме той дождливой быстрой съемки. Живы ли они еще сегодня? Четырнадцать лет прошло. И больше не будет, только память.

Пашка посадил меня с материалом в ближайший поезд на Москву. Ему надо было подождать несколько часов и ехать домой. Я сегодня вспоминаю ту осень, и у меня ноет в груди, сладко и больно, как о лучших днях. Тогда же была суета, и будущее представлялось деятельным. Казалось, что фильм послужит импульсом, толчком, началом успеха. Как считать. Заплатин остался жив на войне, считал ли, что жизнь – подарок? Считал ли войну самым ярким событием? Или таким стал для Мань-Пупы-Нер? Я не знаю.

С фильмом надо было поспешать. В играх с государственным бюджетом важно уложиться в срок. Я собрал бригаду монтажного периода: монтажер Флера Стремякова, звукорежиссер Виктор Алавацкий, монтажер видеоматериалов Владимир Денисов, оператор комбинированных съемок Всеволод Киреев. Сейчас перечислил своих работников и понял, что за годы работы на студии все они, пожалуй, несколько самых приятных мне людей.

Вернувшись из Москвы, я отдал весь материал Флере, она знала, с чего начинать. Сам сел на пару с Денисовым разбираться с заплатинским наследием. С ним же мы придумали титры. В это время Витя Алавацкий занимался приведением в «божеский» вид всех звуков и голосов, полученных от меня. Смонтированные титры и видеоэпизоды я отдал Севе Кирееву, чтобы перевел на негатив, переснял на камеру с монитора. Этот процесс не очень простой, если хочешь получить качество. Я хотел. Все работали, машина крутилась. Как хорошо, тогда еще оставались люди, знавшие настоящий кинопроцесс, и уже были специалисты новых технологий.

Через пару недель, где-то в начале ноября, я смог сесть за монтажный стол. Первоначальная работа, как у скульптора, отрубить то, что не надо точно – брак, длинноты. Это просто и не больно. А вот на что рассчитывал и не получилось... Тут труднее. Сколько мук сердца с моими корявыми интервью. Из реплик Тиунова, пауз Папуева, длинных замысловатостей Поластровой мы с Флерой кроили смысл. Очень непросто подложить голос с видеопленки к кино. Несинхронное изображение убегает вперед. Витя брал нужные реплики и ускорял незаметно в компьютере. Постепенно, не сразу, материал организовался, и стало можно выстраивать историю. Я знал изначально, что время и события прошлого и настоящего я смешаю и соберу историю не информационную, а эмоциональную. Я хотел сам ощутить близость с героем и передать ее зрителю, если таковой случится. Многие эпизоды и монтажные переходы я представлял еще на пленке. У меня так и получилось: экспедиция не в дикую природу, экспедиция в мир Заплатина.

Формообразующим связующим элементом оказался Смоктуновский из «Седого Урала». Я взял его голос и стихи о Печере и переложил на свое изображение. Легли, как так

и было. Сделал подобный переход пару раз – получилось одно кино, а не его и мое. «Седой Урал» – фильм цветной. Я сделал его черно-белым, чтоб не нарушать стиль и не путать зрителя: если без цвета – Заплатин.

И еще интересная вещь: получилось – «МЫ». В смысле, родные люди, объединенные одними желаниями. Легко сказать такое словами, труднее выразить в образе, вызвать чувственное понимание.

Моя «палочка-выручалочка» – Нина Александровна. Она говорит в фильме необходимые слова прямо и искренне. Другие мои «свидетели» не любили прямых суждений, избегали точных оценок – таковы характеры. Я не смог из них «извлечь», и пленки не хватало. Жаль. Папуев хоть выразил что-то лицом. Все – равно, они есть в кино, они – живая память, убегающее время, ощущение бренности жизни. Мои любимые тени на экране, отпечатки человеческих душ.

Мы собрали с Флерой кубики эпизодов, можно было складывать их в картину. Как раз привезли переснятое видео на пленке и готовые титры. Дело пошло. Сложили, как казалось разумным. Скучно, не интригует. Начали изобретать интригу, отложили Мань-Пупы-Нер в конец – он мечта, к нему долгий путь. Разложили заплатинское кино в ритмической связи с моим и воспоминаниями свидетелей, положили историю смерти героя в конец. Мрачно, тоскливо, предсказуемо. Хорошо, что кладбище выглядит по-весеннему ярко. Вот моя мрачная осень на реке под музыку Сати, вот кораблик на боку, вот вороны и кресты. Удавиться захотелось. Разве так можно?

Ба-бах! Это крупный план ехидно улыбающейся Поластровой. Помните, когда я на кладбище снимал, был у меня специальный синхрон, запасенный для финала? Напомню, не поленюсь.

– Однажды в перерыве он сказал: «Знаете, Ниночка, в 46-м году меня в Москве в кусты затащила одна женщина и лишила девственности. Теперь на этом месте стоит Останкинская телебашня!

После сразу смешок и фотография смеющегося Михаила, моя реплика:

– Так было.

Вот и все. Готовое кино рассказывать не стоит. Просто, хочется не забыть, как делал. Тогда, собрав все лучшие кадры и слова, я отправился в тонателье делать звуки мира, которые не смог записать. Людей на студии было уже очень мало. К примеру, шумооформителей должно быть хотя бы двое, а у меня оказалась одна. Вот я помучился! А что? Интересно изображать ложки, чашки, шаги по земле, снегу, скрип весел. Потом еще добавили крики птиц, ветер, самолет, реку, тайгу и все прочее, чего не счесть.

Потом перевели кино и фонограмму в компьютер, и там мы уже с Витей все привели в порядок и соответствие замыслу. До сих пор считаю, что справились. В компьютере делал все впервые, боялся. Но ничего, Алавацкий молодец.

Вот опять поезд, опять студия Горького, начальник цеха Игорь Кабищев, цветоустановщик Володя Россихин. Они знали меня, я привозил тогда пару документальных фильмов в год печатать. Часто о природе. Всему цеху обработки нравилось посмотреть мое кино – экзотика и красота. Скромняга я, правда?

24-го декабря вышла первая копия. Всего тогда делали две – одна Госкино, вторая нам на студию. Еще сразу переводили на «Бетакам», даже видеокопию с английскими субтитрами. Я сразу отвез кино и сдал вместе с бумагами в комитет. Надо было, кровь из носу, до конца года.

25-го я получил вторую копию получше. Жаль, где-то к пятой получилось бы идеально. Вторую копию пришли посмотреть человек десять работников студии Горького, сработало «сарафанное радио».

Посмотрели. Зажегся свет. Профессионалы встали, но не ушли сразу.

– Давно ничего подобного не видели, – сказала дама авторитетного вида. – Спасибо.

Кабищев пожал руку, он звал меня, как я представлялся по телефону:

– Молодец, оператор Петухов. Снимай такое кино.

С Россихиным мы посидели в его коморке, попили чаю с печеньем. Он предлагал «по маленькой», но я его в этом разочаровал. Добрый человек Володя Россихин. Какой был хороший тот день. Пасмурно, темно и холодно. Я взял коробки с исходными материалами фильма, копию. Дотащился до «Байкала», где люблю останавливаться в Москве: район моего ВГИКа, стадион «Искра», ВДНХ. Мой мир, моя Москва.

Я собрался, вызвал такси и укатил на Казанский. Скоро поезд домой, скоро Новый год. Наступало мое суетное, занятое по уши профессией пятилетие, только пятилетие. Потом кино кончится в моей жизни, отчасти из-за разного мусора, ему присущего. Но, само-собой, из-за меня самого, никогда не хотел вписываться в систему. Люди искали легкой прибыли, а мне на их деньги наплевать. Так нельзя. Когда они научились обходиться без оператора Петухова – обошлись. И работы, правду сказать, хорошей в Екатеринбурге не стало.

В феврале 5-го года удалось устроить премьеру в малом зале Дома кино. Пришли студийные старики, знавшие Заплатина аж с 50-х годов, пришли участники нашей экспедиции, кто-то из друзей, группа съемочная, разумеется. Мне было интересно, как зрители воспримут мои слабые попытки вызвать у них эмоции. Пейзажи, музыка, ритм, хроника, подобная новому изображению. Я чувствовал, что нравится. К финалу стало тягостно и тихо в зале. Кому под 80 – тому о неизбежности смотреть неприятно. Но «граната» про Останкинскую башню сработала, все отреагировали весело. А тут и конец фильма, свет зажегся. Врагов в зале не оказалось, поэтому я наслушался добрых слов. Особенно приятно было послушать Аркадия Тихоновича Черемисина. В 80-м он принимал меня на работу. Дядька суровый и даже угрюмый сильно хвалил за природу, сказал, что надо мне дальше в этом направлении работать. Я и сам не против, но эпоха не та. Если бы Черемисин руководил, вот мне работы бы привалило! Но такое кино, как мое, не позволяет деньги со сметы тырить. Я же все на производство потратил и даже сто баксов перерасходовал. Мне простили за хорошее кино. Так бы всегда.

❑

«ВЕСИ – 2019»

Дериземля Е. Рождественская ночь, или Охота на ведьму № 10

Драт А. Старуха и киллер № 2

Климушкин В. Кубинские новеллы № 10

Козинец В. Бывалый № 6

Козинец В. Инфизкульт № 3

Козинец В. Реинкарнация № 8

Криворотов С. Рассказы № 10

Куликова Л. Рассказы № 2

Марфин В. Мой Будулай № 2

Петухов В. Луна и старая волшебная рыба № 6

Петухов В. Рядом с героем – сам герой №№ 9, 10

Рыженков В. Гром и молния № 10

Садовников С. Встреча № 2

Сальников А. Рассказы № 10

Смирнов М. Рассказы № 10

Соломахин С. Граница №№ 6, 9

Стригин М. Десять минут № 10

Хоровский Ю.Ничего страшного… № 2

Шестакова Г. Райкин шоколад №2

Яровой Е. Записки археолога № 2

Спецвыпуски

Писательские организации № 10

Богданович

Колегов К. Бессловесный

Колосов А. Рассказы

Мальцев С. «…Что любовь? Это жизнь, дорогая…»

Ожинкова Н. «…Я все плохое отпустила…»

Семенов И. Как я раскатал губищу

Сергеев М. «…М холодные теплятся звезды…»

Тухта И. «…Белый ангел сядет на плечо…»

Фантер Ю. «…Я продолжаю слушать звездный шопот…»

Курган

Андреева Л. «Покажутся забытые деревья…»

Еранцев А. «…Ложь и правда стоят на мосту»

Верхнева Л. Стихи и рассказы

Климкин Н «Я русский. Этим и горжусь…»

Кокорин С. Рассказы

Пашков В. «…Иллюзий до сих пор невпроворот…»

Покидышев Н. «…Я жил и любил – так чего же еще мне желать?»

Портнягин В. След обрывается?..

Ростов-на Дону

Анжреева О. «…Надо же верить судьбе хоть немного…»

Вольфсон Б. В зеркалах

Лукьянченко О. Билет в цирк

Ошевнев Ф. Рассказы

Рыбин А. Арфа

Соболев А. «…Играем в поддавки на тряпках арлекинов…»

Сущий С. А помнишь?

Ульшина Г. Красная Москва

Творческому семинару в ЦК «Орджоникидзевский» – 85 лет № 9

Бельков С.

Богданова Т.

Ганебных Н.

Грехов С.

Домов М.

Захарова Е.

Исупова А.

Казаков Д.

Казачук В.

Капленко В.

Кирченов Ю.

Киселев Е.

Конецкий А.

Коонецкий Ю.

Кочнев В.

Кузнецова Н.

Ладейщикова Л.

Лобанов Е.

НикитинаУралова Н.

Никонов В.

Падерина Т.

Покроев М.

Санатин Е.

Титова Г.

Токарев А.

Царева Л.

Пьесы
(Спецвыпуски)

Бродичанский Н. (А.) Кружит тихо непогода № 9

Гейжан А. Сезон закатов № 5

Гусаров Н. Как умудриться нормально жениться… № 9

Драт А. Дамский клуб, или Маменькин сынок № 5

Драт А. Данилов цветок № 9

Кусаинова Ж. Родить клоуна № 9

Марфин В. НЛО, или Спасайся, кто может № 9

Наймушин В. Второе пришествие Ильича № 9

Орлов Д. Ведро № 5

Садовников С. Комната № 5

Фельзенбаум М. Бабье счастье № 9

Якимова Н. Альбом счастливых дней № 5

Якубовская И., Пархоменко А. Одиноким предоставляется… крыша, или Привет, Карл Сон! № 5

Лики времени

Габтрахманова М. Каждый раз, уходя, прощались… № 6

Гарелышева Н. Дорогами войны № 3

Голикова С. Как гимназисты писали сочинение № 2

Жербин М, Неклюдов Е. Яковлевы и Жербины. История родства. Потомки № 2

Зорина-Карякина И. Неизвестный. Человек, проходящий сквозь стену № 3

Пестов С. Александр Вертинский в Свердловске № 3

Пудов Г., Мануйлова И. О мастере-сундучнике Леонтии Спиридоновиче Овчинникове № 9

Ставцев Е. «По железной дороге к горным заводам» № 6

Стихин П. Новогодняя история «первопостного» ефрейтора Борисова № 3

Шлыков П. Музей им. В.Г.Короленко в Свердловске № 6

Шумков В. Возвращение на Вишеру № 9

Якимова Н. Чайка высокого полета № 6

Литературоведение

Грати А. (Пер. с румынск. – Мятлева М.) Женщины-поэты Республики Молдовы № 1 (ч. 1)

Марфина Н. «Мой милый, что тебе я сделала?» № 2

Смирнова Т. Горный инженер, рисовальщик, поэт… № 6

Соколов В. Советские писатели № 3

Мастерская

Анепонимос Н. Вино, кино и вопрос культурной идентичности стран Юго-Восточной Европы в творчестве Александра Савко № 3

Антосяк А. Магия простого карандаша № 1 (ч. 1)

Васильев Г. О конвергенции искусства и технологии № 1 (ч. 2)

Габриэлян Н. Мое кредо № 7

Зейтунян-Белоус К. Графика № 7

Зуев Б. Живопись № 9

Зябликова-Исакова И. Борис Зуев: Любовь к жизни № 9

История одного портрета. Картина М.Брусиловского «Групповой портрет бригады кузнецов УЗТМ» № 6

Канчик А. Живопись № 10

Козаев К. Первая «Маска скорби» № 8

Кононенко Ю. Мои талисманы № 5

Матоушек О. Графика № 8 (спецвыпуск)

Польских А. Акварели № 8

Пушкин В. Графика № 9 (спецвыпуск)

Савко А. Плакаты № 3

Садовников С. Александр Канчик: нашедший свой мир № 10

Спецвыпуски

Библиотеки России № 4

Арслан Г. (Гузель Блинова) Образ матери в творчестве М.Гоголева

Афонина О. «Я неустанно буду славить Россию – Родину мою!»

Боровская Н. Литературное братство Поюжья

Домбровская И. Культурный пласт

Зиновьева Л. О книге Александра Цуканова «Приказано не умирать»

Лобанкина Е. Библиотека как центр притяжения событий

Лобанкина Е. Когда оружие – слово, или Литературное наследие «Генерала Вперед»

Макобок А. Поэзия экскурсии

Москвин А. Гаджетом смерть поправ

Птиченко О. Где бывал писатель, или По дорогам Павла Петровича Бажова

Рудакова Т. «Никогда я не умру! В этом я уверен»

Рябухина В. И дольше века живет библиотека

Стафеева Т. Дар сердечный

Сунцова А. «Литературный гандикап», или 2:0 в пользу интерактивности

Фаттахова С. Образы поэтов XX века – наших земляков в лирике А.Е.Лаптева

Город Абдулино и его окрестности в годы Гражданской войны глазами чехословаков и белых № 6

Кручинин А. Абдулино и его окрестности в годы Гражданской войны

Питра Р. (Пер. с чешск. А.Кручинин) Семь дней в Абдулино и в Аксаково

Кручинин А.

Чехословацкие легионеры в Челябинске. Май 1918 г. № 8

Статьи, очерки, фельетоны, эссе

Блинов В. «Мы единою отмечены и связаны судьбой» № 10

Вохменцев А. Поэты Химмаша № 10

Колосов А. Дожили до понедельника № 2

Матвеева М. Синяя птица Валерия Климушкина № 10

Михаил Евграфович Чехин-Гоголевский Педсовет в городе Ен № 2

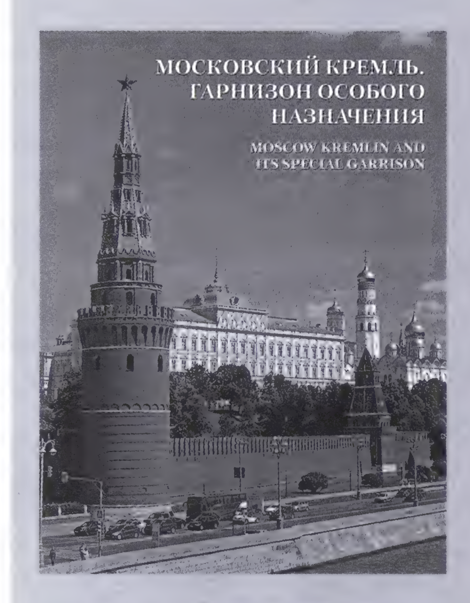
Нукулина М. Из чувства правоты № 10

Очеретина И. Жил для людей, для города № 3

Паэгле Н. «Я хотела бы жить с Вами...» № 8

Попов В. Композитор Владимир Высоцкий № 8

Соколов В. О советской издательской системе № 2



СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ»

Работая над данной книгой, мы не ставили перед собой задачи «объять необъятное», ведь темы, связанные с историей Московского Кремля и его охраной, поистине неисчерпаемы. Однако освежить в памяти уже известные факты или ознакомить наших читателей с событиями, еще не получавшими широкой огласки (но о которых теперь уже можно говорить), нам вполне по силам. Кроме того, наше повествование мы обильно проиллюстрировали схемами, рисунками и фотографиями Кремля и наиболее интересных его объектов, сделанными в различные годы – с прошедших веков и до начала XXI века. Будем рады, если знакомство с нашей работой пробудит у вас интерес к заявленной тематике и, вообще, к очень непростой, но героической и необычайно поучительной истории Государства Российского, к изучению своих истоков и корней... И в первую очередь, это, конечно, относится к нашим молодым читателям...

Павел Стихин.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ ОХОТА НА ВЕДЬМУ

Евгения ДЕРИЗЕМЛЯ

Лауреат многочисленных литературных конкурсов. Публикуется в различных литературных изданиях. Живет в городе Кременчуг (Украина).

– Так значит, Алексашка, говоришь, что раньше, до тебя, ведьма в этом сельском поместье жила? – скептически хмыкнул Волошин Игорь Анатольевич, усомнившись в услышанной от своего старинного приятеля, Бричевского Александра Борисовича, мистической истории.

* * *

Игорь Анатольевич был исконно городским жителем. Он родился в самом центре столицы в большом роскошном особняке, который унаследовал вместе с графским титулом от своего отца. Это был высокий красивый мужчина плотного телосложения. Весь его облик выдавал в нем дворянина до кончиков ногтей: аккуратно уложенные по последней моде белокурые волосы, подстриженная на французский манер бородка, которой граф сильно гордился, продуманный до мельчайших деталей наряд.

Игорь Анатольевич всегда и везде приковывал к себе влюбленные взгляды прекрасных дам, причем не только аристократок. Достаточно было всего одного взгляда его холодных голубых глаз и первейшие красавицы тут же падали в его жаркие объятья.

За графом в высшем свете давно закрепилась репутация донжуана и сердцееда. Его постель никогда не пустовала. Красотки сменяли в ней друг друга с периодичностью раз в неделю. Ни с кем граф подолгу не задерживался, хоть каждый раз страстно влюблялся и готов был свершать любые безумства ради нового объекта обожания.

Что правда, чувства Игоря Анатольевича быстро ослабевали, мужчина начинал скучать в объятиях очередной зазнобы, чьи ласки и признания в любви становились в тягость. Тогда Волошин быстро переключался на новую прелестницу, которая словно яркая трепетная бабочка врывалась в его мир и нарушала душевный покой.

Мужчину больше всего заводил сам процесс покорения новых «вершин» в виде девичьих сердец. В такие моменты Игорь Анатольевич чувствовал себя настоящим охотником, загоняющим свою добычу. Этот азарт и вызывал в нем душевный трепет, частое биение сердца и ощущение эйфории от попавшейся в его руки «добычи».

Казалось, что беспрерывный водоворот страстей, царивший в жизни Волошина, никогда не закончится. Но однажды, «охотясь» на очередную «трепетную лань», граф разочарованно поймал себя на мысли, что этот процесс более не доставляет ему утехи. Все шло, как по маслу. Юная особа из театралок уже в первый день знакомства была по уши влюблена в своего соблазнителя и сражена наповал шквалом обрушившихся на нее изысканных комплиментов. Она млела под томным взглядом красавца-графа и, не устояв от соблазна, тут же оказалась в его спальне.

Сильные мускулистые руки Игоря Анатольевича жадно шарили по тонкому девичьему стану, туго затянутому в корсет, облапывая все пленительные округлости прелестной чаровницы. Его губы впились жарким поцелуем в ее чувственные алые, слегка приоткрытые от блаженства, уста. С усилием освободив свою жертву от одежды, словно от тяжелых оков, Волошин повалил ее на мягкую постель. Тут же острые белоснежные зубки молодой барышни вонзились в загорелое мужское плечо. На волю из девичьей груди вырвался томный сладострастный стон, заполонивший собой все пространство алькова...

Спустя полчаса, наконец утоливший чувство страсти граф отпустил измученную своей пылкой любовью покоренную им красотку. Он медленно поднялся с ложа, пристальным взглядом наблюдая за обнаженным стройным телом, ленно растянувшимся на белоснежных шелковых простынях.

– Лапусик, ты куда? – капризно надула пухлые губки новоиспеченная любовница графа, глядя, как тот набрасывает на плечи домашний халат.

Волошин наморщил гладкий высокий лоб, тщетно пытаясь вспомнить имя той, которая подарила ему столь приятные минуты блаженства.

– Лизетта, Лоретта, Нинетта, – судорожно перебирал он в голове женские имена:

– Принцесса моя, – так и не вспомнив, медленно протянул он, – я только попрошу прислугу тебе фрукты принести! – граф одарил собеседницу белозубой обворожительной улыбкой, рассматривая как та ленно, будто кошка, потягивается всем телом на ложе, демонстрируя округлую упругую грудь, словно заманивая Волошина обратно в свои объятия.

Граф игриво подмигнул прелестной развратнице, и быстро запахнув халат, выскочил прочь из комнаты.

Он немного потоптался на месте, прикидывая в уме, как ему отправить навязчивую барышню восвояси. Но вместо складного плана в голове, точно заноза, засела одна единственная мысль:

– Бежать!

Она вместе с кровью пульсировала в висках, заставляя Игоря Анатольевича, будто затравленного зверя, пуститься в бега.

Вспомнив о своем последнем расставании, мужчина скривился как от боли. Тогда брошенная им барышня из мирной, любящей и нежной любовницы превратилась в разъяренную фурию, которая едва не разгромила весь особняк графа. В Волошина летела посуда, картины и даже ценные статуэтки, украшающие интерьер роскошного особняка. Все это сопровождалось изрядными проклятиями и отборными ругательствами, которые Игорь Анатольевич не слышал даже от портовых грузчиков, не то, что от светской дамы. Мужчина целых три дня не мог прийти в себя после той безобразной сцены.

Такое в доме Волошина бывало, конечно, не часто. Как правило, расставания проходили со слезами и истериками покинутых любовниц. Но от этого Игорю Анатольевичу было не легче. Поэтому, чтобы избежать ненужных и травмирующих его чуткую натуру сцен, граф на этот раз решил молча ретироваться из собственного дома и пропасть эдак где-нибудь в сельской глубинке на недельку-другую.

Тут же вспомнилось Волошину, что накануне он получил приглашение приехать в гости от своего университетского приятеля Александра Бричевского, который пару лет назад сменил городскую веселую жизнь на тихое мирное деревенское бытие. Граф никогда бы и подумать не мог, что примет это не самое привлекательное предложение посетить дремучее захолустье, однако обстоятельства вынуждали его на этот шаг.

К тому же подумалось мужчине, что возможно такая кардинальная смена обстановки вернет ему вкус к жизни. Да и в письме дальновидный Бричевский, описывая все сельские красоты, зная, что его приятель уж больно падкий до женской натуры, не забыл упомянуть про красивых сельских девок, которых в его поместье было много в заводе, причем каждая кровь с молоком.

Прошло совсем немного времени и Волошин Игорь Анатольевич, получше укутавшись в теплое зимнее пальто, уносился в заснеженную ночную даль, подальше от собственного дома, в котором в полном неведении осталась почивать на шелковых простынях обнаженная прелестница, чье имя граф так и не удосужился вспомнить. Мужчину даже не испугал крепкий мороз, то и дело норовивший пробраться в самые укромные места под теплым одеянием.

* * *

Захолустье, принадлежавшее Бричевскому, оказалось не таким уж и дремучим, как полагал Волошин. От города до имения университетского приятеля графа было всего четыре часа езды по промерзшей и засыпанной снегом проселочной дороге.

Прибыл Игорь Анатольевич за полночь, однако в большом добротном двухэтажном поместье светились все окна, и никто не спал. Ну, это было и не удивительно – в селе отмечали рождественский сочельник.

Бричевский Александр встретил друга с распростертыми объятиями. Сначала потчевал за щедро накрытым столом, потом развлекал приезжего колядками, собрав в гостиной всю челядь. Со словами:

– Сам Иван Грозный и Петр Первый любили святочные игрища, – провел он небольшой экскурс по древнерусской истории для удивленного от происходящего действа городского жителя. – Они-то и сами принимали в них участие, – довольно крякнул рассказчик, потирая лысеющую голову.

Хоть радушный хозяин сельской усадьбы и был ровесником Волошина, но внешне сильно уступал приятелю. Он не был баловнем судьбы. Та обделила его импозантной наружностью и вниманием прекрасных дам. В свои сорок семь лет Александр Борисович не был женат. Он был невысокого роста и страдал от избыточного веса. Но вместе с этим был большим добряком.

– Издревле святочные игры не то, что сейчас, – продолжил свое веселое повествование немного захмелевший от выпитого за столом вина мужчина, – бывали не только в городах и селах, но и в царских палатах, где сами царевны святочничали с боярынями и сенными девками! – заливистый хохот помещика заполнил просторное помещение гостиной.

От неожиданности Волошин вздрогнул. Он не сильно слушал друга, с интересом рассматривая собравшуюся в зале, разодетую в нарядные костюмы челядь. Дворовые девки и хлопцы молча толпились по добротному лакированному паркету, ожидая, когда хозяин разрешит им начать святочное действо. Лица некоторых колядующих скрывали цветастые чудные маски.

Увидев пытливый взгляд гостя, Александр Борисович прогудел своим могучим голосом:

– Ну что ж вы, братцы, молчите? – обратился он к ряженым. – Покажем городским, как деревня гуляет! – хозяин дома лукаво подмигнул Игорю Анатольевичу и по-свойски хлопнул того по плечу.

На этих словах началось обрядовое игровое действо. Ряженые в шкуры животных, чьи лица закрывали самодельные маски, приплясывая на месте, завели веселую колядку:

– Коляда, коляда,
Отворяй-ка ворота.
Пришла коляда
Накануне Рождества.
С пышками, с лепешками,
Со свиными ножками. – искусно выводили тонкими голосами нарядные девицы.

– Коляда, коляда,
Подай пирога!
Подавай, не ломай.
А по целому давай! – хор девичьих голосов дополнился мужскими басами.
Кто дает пирога,
Тому скот, живота.

– Кто не даст пирога, – выступили вперед юноши.

– Уведем корову за рога! – шутейно пригрозили они слушателям.

На этих словах в центр комнаты выскочил из толпы ряженых хлопец в костюме козы – весьма колоритный персонаж и пустился в неистовый пляс, готовясь одарить любого, кто сумеет до него дотронуться счастьем и удачей на весь будущий год.

Волошин только диву давался, глядя на пестрое театрализованное действо, которое сопровождалось музыкой, звоном бубенчиков и безудержным весельем. Никогда еще графу не доводилось видеть ничего подобного. Наевшись досыта и изрядно захмелев после праздничного стола, Игорь Анатольевич не успел опомниться, как сам очутился в кругу колядующих, где его начали кружить

в безумной пляске местные разбитные девки.

Тут же из головы мужчины улетучились все гнетущие его мысли и тяготящая душу хандра. Мимо Волошина, будто на карусели, проплывали ряженые – разрумяненные краснощекие лица девиц сменялись лицами колядующих пританцовывающих на месте парней. Периодически перед глазами графа мелькали разрисованные вручную маски диковинных птиц и животных.

Главный герой театрализованной постановки – переодетый в козу юноша – выдавал такие танцевальные па и проделывал немыслимые акробатические кунштюки, что городской гость только диву давался, как с головы весельчака при этом не отвалились приделанные витые рога, которые то и дело мерно покачивались из стороны в сторону при каждом движении колядующего.

Завершил праздничное действо мехоноша. Ему с барского стола в мешок посыпались коврижки, баранки и прочие сладости.

* * *

– Вот так вот, дружище, мы и празднуем Рождество в деревне, – устраиваясь поудобнее в уютном кожаном кресле перед камином, в котором мирно потрескивал огонь, сказал Бричевский. Мужчины уже успели переместиться в кабинет хозяина дома, где и продолжили дружескую беседу.

– Да-а-а-а, Алексашка, – Волошин, немного утомившийся от развязной пляски, но все-таки довольный тем, что сбежал из города, тяжело опустился в соседнее кресло. – Давно я так не веселился! – рассмеялся граф, демонстрируя собеседнику свои белоснежные ровные зубы. – Теперь понятно, почему тебя из города в глубинку занесло, и ты теперь отсюда и носа не кажешь, – заключил Игорь Анатольевич.

На этих словах дверь в комнату отворилась с легким скрипом, на пороге появилась миловидная девица в белом кружевном фартуке. В руках она держала поднос с чашками и кофейником:

– Я вам, Александр Борисович, с вашим гостем кофею принесла.

Бричевский одобрительно кивнул, после чего девка стала разливать в белые фарфоровые чашечки горячий ароматный напиток, при этом, то и дело, поглядывая из-под густых пышных ресниц на заезжего дворянина.

– Хороша, – мысленно отметил про себя Волошин.

Его взгляд оценивающе скользнул по ладной девичьей фигурке, жадно впиваясь голубыми глазами в нервно вздымающуюся от волнения пышную грудь прислуги.

– Пожалуйте, барин, – девушка подала заезжему гостю чашечку, из которой струясь поднимался в воздух бархатный нежный аромат хорошего турецкого кофе.

– Я из твоих рук, хорошая, и яд выпить готов! – Игорь Анатольевич игриво подмигнул девице, лицо которой от таких слов раскраснелось, от чего служанка стала еще миловидней.

Дождавшись, пока хозяин ее отпустит, девка медленно направилась к выходу. У самого порога она обернулась на короткое мгновенье и, бросив манящий томный взгляд на заезжего гостя, быстро скрылась за тяжелой дубовой дверью кабинета. Волошин присвистнул:

– Я вижу, Алексашка, тебе тут скучать не приходится, – все еще маслеными, словно у кота, глазами Игорь Анатольевич смотрел на плотно закрытую дверь. – Эдакие чаровницы тебя окружают! – мужчина облизнул пересохшие губы и жадно отпил ароматный напиток из своей чашки.

Уж было потерявший вкус к жизни граф, быстро воспрял духом.

– А-а-а, ты об этом, – ухмыльнулся в пышные усы Бричевский. – Да, девки у нас что надо! – утвердительно закивал головой помещик.

Он шумно втянул носом кофейный аромат и расплылся в добродушной улыбке:

– Хоть девки здешние и красавицы, да только не сравнится ни одна из них с прежней владелицей этого дома, – таинственно протянул Александр Борисович, лукаво поблескивая маленькими карими глазами из-под нависших на самые веки бровей.

– Что за она? – заинтересовался Игорь Анатольевич, уютнее устраиваясь в мягком кресле.

Граф, как истинный ценитель женской красоты, не мог не заинтересоваться историей друга. Увидев в лице Волошина благодарного слушателя, тот повел повествование дальше:

– Так значит, жила до меня в этом имении одна дворянка. Я сам ее не видел, но здешние рассказывали, что неземной красотой была та барышня наделена. Один только взгляд ее зеленых, будто малахит, глаз сводил с ума каждого мужчину. Никто устоять перед ее очарованием не мог, – рассказчик на мгновение замолк, чтобы понаблюдать за реакцией своего гостя.

Глаза Волошина заискрились любопытством:

– Так-таки никто устоять не мог? – Игорь Анатольевич скептично хмыкнул.

– Никто! – твердым голосом подытожил Александр Борисович. – Так вот, – продолжил он, – меняла барышня любовников своих, как перчатки. А брошенные ей кавалеры были не в силах выдержать разлуки с ней. Они начинали болеть, чахли от тоски и в конце концов умирали, – грустно покачал головой Бричевский. – Местные селяне даже черной вдовой хозяйку за глаза называли, а некоторые и вовсе – ведьмой или вампиршей.

– Так значит, Алексашка, говоришь, что раньше, до тебя ведьма в этом сельском имении жила? – усомнился в услышанном Волошин. Граф не был склонным верить в мистику, он считал себя отпетым материалистом и скептиком. – Сельские сплетни, – отрезал он.

– Может и сплетни, но факт остается фактом: все любовники Елизаветы Юрьевны, именно так звали нашу ведьму, отправлялись в мир иной. Здешние по сей день считают, что это вампирша из них все жизненные соки выпивала, а сама при этом становилась все прекраснее... – перешел на зловещий шепот приятель Алексашка.

– А куда ж девалась ведьма эта? – поинтересовался столичный гость.

Чего уж таить, но Волошину и впрямь было любопытно на прекрасную вампиршу хоть глазочком взглянуть.

– Пропала, – развел руками рассказчик.

– Как пропала? – удивился Игорь Анатольевич. – Не могла ж она сквозь землю провалиться. Да и зачем барышне пропадать? – не понимал он, не желая верить во всякую чертовщину.

– Э-э-э-э, братец, с ее исчезновением связана еще одна мистическая история, – смачно потягивая свой уже остывший кофе, произнес Бричевский. – Влюбился в Софью Юрьевну один заезжий офицер. Страстно влюбился. Да и офицер был собою пригож: видный статный. Вот и ответила ему ведьма наша взаимностью, – Александр Борисович отставил опустевшую чашку на кофейный столик красного дерева. – Захаживал тот офицер в это поместье целых шесть дней. Каждую ночь в покоях хозяйки проводил, а с утра домой возвращался, – Алексашка сверлил пытливым взглядом слушателя, отметив про себя, что его рассказ явно заинтересовал друга. – А на седьмой день офицер из покоев Софьи Юрьевны так и не вышел, – горько почесал лысеющую макушку рассказчик. – Стало быть его родные всполошились, знали, что за барыш-

ней слава дурная ходит, вот и вызвали полицейских из сыскного управления... – в комнате повисло интригующие молчание.

– Ну-у-у, – заерзал в ожидании развязки Волошин, поторапливая приятеля.

– Зашли сыскные в опочивальню ведьмы, а там лежит офицер тот мертвый, весь в крови, в объятиях Софьи Юрьевны. И она кровью измазана вся: и лицо, и руки. А рядом нож окровавленный лежит, – в красках расписывал говоривший все ужасы той злосчастной ночи. – Здешние говорят, такое зрелище жуткое было, что даже одному из полицейских плохо сделалось, – неожиданная развязка потрясла Волошина до глубины души. Такого коварства он не ожидал даже от женщины.

– Значит, арестовали барышню, раз на месте преступления поймали? – ошарашенный услышанным, полюбопытствовал граф.

Мужчине хотелось узнать о дальнейшей участи бывшей хозяйки поместья, в котором он сейчас гостил.

– Куда там, – развел руками Александр Борисович. – Я же уже говорил – исчезла барышня! – неожиданно хлопнул в ладоши помещик, чем вывел слушателя из оцепенения. – Бац, и нет ее!

– Что прямо в воздухе растворилась? – не веря своим ушам, подивился заезжий.

– Не совсем, – медленно протянул Бричевский. – Оставили Софью Юрьевну одну в ее спальне, чтобы она отмылась от крови и переоделась. А как зашли через полчаса в будуар, а там и нет ее. Прямо мистика ей-богу! – довольный произведенным на друга эффектом, Александр Борисович откинулся на спинку любимого кресла, взял со стола сигару и, подкурив ее, выпустил в воздух ажурное колечко терпкого табачного дыма.

– Так в комнате той, должно быть, потайной ход имеется, – задумчиво пробормотал себе под нос Волошин, но логичный ход его мыслей прервал густой бас приятеля.

– Нет, нет там никакого хода. Полицейские проверяли. Да и я, когда въехал, все в доме переделал, только полы оставил. А из той злосчастной комнаты я спальню для гостей сделал, – стряхивая пепел с сигары в хрустальную массивную пепельницу, отрезал хозяин дома. – Ты ж, дружище, не побоишься провести ночь в покоях самой вампирши, – хохотнул Бричевский, словно бросая приехавшему из города приятелю вызов.

* * *

Оказавшись в комнате для гостей, Волошин Игорь Анатольевич сразу же, не раздеваясь, рухнул на добротную мягкую кровать. Мужчину морил сон, и немудрено, граф провел весьма насыщенный день, да и времени было уже три часа ночи. Еще несколько часов и начнут кричать петухи. В полудреме Волошин рассматривал, сквозь слипающиеся глаза, причудливые узоры теней, падающие на стены от приглушенного света свечи, робко подрагивающей от дуновения, которое непонятно откуда взялось в закрытой комнате. Эта игра света убаюкивала сонного мужчину. Он затуманенным взглядом еще раз обвел помещение, прежде чем забыться в объятиях морфея до утра.

Вдруг граф уловил взглядом какое-то еле заметное движение в дальнем темном углу комнаты.

– Почудилось, – решил Игорь Анатольевич, сосредоточив взгляд на густой тени.

Но ничего не увидев, успокоился, списав все на накопившуюся за день усталость. Волошин поудобнее устроился на белоснежных простынях, готовый погрузиться в такой желанный сон. Но вновь странное колебание теней в дальнем углу спальни дало о себе знать.

– Кто здесь? – твердым голосом спросил городской гость, пристально вглядываясь во мрак.

В ответ послышалось тихое шуршание, и от стены отделилась тонкая, хрупкая тень, приобретая соблазнительные очертания женского тела. Тут же сонливость графа, словно рукой сняло. Он резко сел на кровати, предвкушая, что вот-вот на освещенное пространство алькова выйдет та самая девка, что всего час назад приносила ему с Бричевским кофе. Игорь Анатольевич даже не сомневался в том, что это именно так, ведь девица бросила на него при выходе из кабинета недвусмысленный многообещающий взгляд.

– Ну, иди ко мне, милая. Не бойся, – заискивающим голосом, мягко произнес граф, словно опасаясь спугнуть дивное видение.

Тень немного, точно в нерешительности, постояла на месте, затем твердым уверенным шагом выступила вперед, бесшумно приближаясь к сидящему на кровати мужчине.

– Что за чудо? – светлые брови Волошина от удивления и восхищения взлетели на лоб. Перед ним предстала совсем незнакомая обнаженная дева, или даже нимфа. Иначе ее и назвать было нельзя. Графу казалось, что он видит перед собой живое воплощение женской красоты и грации. Золотые пышные локоны игривыми завитками спадали на хрупкие плечи незнакомки, скрывая от восторженного мужского взгляда пленительные округлости девичьей груди.

Свет свечи стыдливо подрагивая, скользнул по округлым бедрам неземного существа, которое казалось, было обитателем иных миров. Дева без боязни и опаски, молча, сделала несколько шагов, приближаясь вплотную к ошарашенному ее внезапным появлением Игорю Анатольевичу. Она коснулась горячий маленькой ладошкой небритого лица, запустив тонкие пальчики в ухоженную бородку графа, и тут же, не отрывая страстный сверкающий взгляд своих больших зеленых, будто у дикой кошки глаз, впилась жарким поцелуем в слегка приоткрытые от удивления губы мужчины.

Волошин попытался обхватить сильными мускулистыми руками гибкий стан обнаженной нимфы, но она с силой толкнула его острыми кулачками в грудь, и граф тут же распластался на мягкой постели, мерно покачиваясь на лебяжьей перине, словно на волнах. Не успел Игорь Анатольевич и глазом моргнуть, как пришедшее к нему в гости дивное видение неземной красоты оказалась сверху, лихо оседлав его. Тихий сладострастный стон вырвался из прекрасной упругой груди девицы. Она будто упивалась своей властью над покоренным ее чарами Волошиным. Нагая прелестница розовыми нежными пальчиками стала медленно, пуговица за пуговицей, расстегивать кружевную мужскую рубашку, освобождая графа от одежды, скрывающей от пристального кошачьего взгляда гости сильно упругое тело ее пленника. Именно пленника, ведь граф был пленен и сражен наповал под таким неистовым страстным напором незнакомки, и даже был рад оказаться в таком плену.

Еще ни одна женщина не вела себя с ним так властно и безрассудно. Волошину нравилась навязанная ему игра. Он полностью отдался ласкам прелестницы. Прикосновение горячей плоти сводило мужчину с ума, ввергая в некое помутнение сознания и вместе с этим даруя графу еще неизведанные им прежде ощущения. Игорь Анатольевич любовался изящным женским телом, которое извивалось, будто в сладостном танце в его объятиях, впиваясь острыми коготками в могучую грудь мужчины. Прикосновения становились все жарче, а поцелуи требовательнее. Мужское и женское тело

переплелись воедино, подхваченные бурным водоворотом страсти.

* * *

Наутро Волошин Игорь Анатольевич еле открыл слипшиеся ото сна глаза. Никакой прекрасной нагой нимфы рядом не было. Граф возлежал на ложе в полном одиночестве.

– Неужто почудилось? – подумал он, но тут же отбросил эту мысль, скривившись от боли, дотрагиваясь до своей расцарапанной груди.

Следы от женских ногтей были свежие и обжигали как огнем.

– Не почудилось! – довольная улыбка заиграла на лице Волошина при воспоминании сладостных моментов этой бурной ночи.

Образ незнакомки крепко запечатлелся в его памяти: чувственные губы, черные, словно ночь ресницы не давали ему покоя.

«Кто же она эта бесстрашная Фурия, которая сама без приглашения ворвалась в его спальню?»

Этот вопрос словно заноза засел в голове графа, лишив его покоя.

Первым делом, конечно, на ум Игоря Анатольевича пришел вчерашний рассказ приятеля Алексашки про бывшую хозяйку дома – ведьму. Но мужчина не был склонен верить в мистику. Он быстро собрался, бросив быстрый взгляд в зеркало, дабы убедиться в собственной неотразимости. Спустя мгновенье Волошин вышел прочь из комнаты и направился в кабинет Бричевского. Столичный гость был убежден, что все произошедшее – дело рук его старинного друга. Скорее всего, именно Александр Борисович подослал к нему на ночь одну из здешних сенных девок.

– И угодил же чертяка! – ухмыльнулся своим мыслям Игорь Анатольевич.

Однако увидев удивленный взгляд Бричевского после невероятного рассказа, граф пришел в недоумение:

– Так значит, Алексашка, говоришь, что это не ты ко мне мою ночную гостью прислал? – не мог поверить в происходящее граф, лелея в глубине души надежду, что приятель просто хочет его разыграть.

– Игорь, дружище, – хозяин дома имел сконфуженный вид, – честно признаться я об этом думал, но ты же был уставший с дороги и засиделись мы с тобой допоздна! – словно оправдываясь, развел руки в стороны Бричевский. – А куда ж твоя ночная гостья делась после того, как... – Александр Борисович запнулся на полуслове, густо покраснев. – Ну, после доставленного тебе удовольствия! – уточнил радушный хозяин, который уже с самого утра сидел в своем кабинете и перебирал какие-то рабочие бумаги.

– Не знаю, – рассеяно пожимая плечами, пробормотал себе под нос Волошин. – Понимаешь, Алексашка, я и сам не помню, как уснул, – Игорь Анатольевич в волнении смерил широкими шагами кабинет. – Я словно впал в забытье, – граф наморщил гладкий высокий лоб, тщетно пытаясь припомнить все подробности, но путанное сознание выдавало только миг наивысшего наслаждения, а следом за ним – кромешную тьму.

Так ничего не добившись от своего приятеля, мужчина покинул рабочее помещение хозяина дома с твердым намерением, во что бы то ни стало, разобраться в произошедшем и найти ту, которая так бесцеремонно ворвалась в его мысли, и засела в голове навязчивой мечтой.

Свое маленькое импровизированное расследование граф начал с того, что велел собрать в гостиной всех местных девиц: и тех, которые прислуживали в доме, и тех, кто занимался хозяйством. Веление Игоря Анатольевича было выполнено в считанные минуты и с особым усердием. В просторном светлом помещении в два ряда выстроилась вся прислуга женского пола от древних старух до маленьких детей. Волошин не ожидал, что соберется такая толпа. Бабы между собой о чем-то перешептывались, то и дело, бросая луковые взгляды на чужака.

– И чего это заезжий барин от нас хочут? – прошамкала беззубым ртом сморщенная древняя старуха, которая когда-то давно, более сорока лет назад, была няней Бричевского. А теперь, когда в услугах няни хозяин больше не нуждался, вела тихое мирное существование рядом с Александром Борисовичем.

– От вас, бабуля, – замахал руками приезжай, – я точно ничего не хочу!

Не долго думая, мужчина отпустил детей и пожилых женщин заниматься своими делами. Затем отправил следом и тех, кто лицом не удался, оставив только самых молодых и красивых девок.

– Ну конечно, – выходя из зала, громко хмыкнула баба Мотря, здешняя кухарка, дородная женщина средних лет. – Барину только молоденьких подавай, – недовольно ворчала она. – А что взять с тех молоденьких? Кожа да кости, не то что у нас, – баба руками обхватила необъятную пышную грудь. – И посмотреть есть на что, и есть за что ухватиться!

На этих словах вся зала заполнилась серебристым, будто колокольчик, девичьим смехом.

Тем временем разбитная бабенка вильнула толстым задом, вроде как демонстрируя понятливому графу, от чего тот отказывается, и скрылась за порогом. И того девушек в комнате осталось двенадцать. Они, конечно, были прелестны, юны и свежи, но ни одна из них не могла сравниться с ночным видением Игоря Анатольевича.

– А нет ли, милые, у вас подружки с вьющимися золотистыми волосами и зелеными глазами?

– Нет, барин, – вперед выступила вчерашняя прислужница, что кофе приносила. – Среди нас таких нет! – смело ответила она, бросая лукавый взгляд не заезжего дворянина. – У бывшей хозяйки нашей, Елизаветы Юрьевны, аккурат такие, как вы расписываете, волосы были.

– Ага!

– Ага! – подтвердили остальные девицы.

– Глазищи у нее были зеленые-зеленые, прям кошачьи, – продолжила говорившая. – Да только нет ее больше, хозяйки нашей, – девка приблизилась к Волошину, одаривая его игривый улыбкой. – Пропала Софья Юрьевна. Раз, – неожиданно девка хлопнула в ладоши. – И нет ее! А мы все здесь, – девушка раскинула руки в стороны, мол, делайте барин с нами все что хотите.

– Свободны, – резко отрезал Игорь Анатольевич, понимая, что от здешних обитателей он ничего не добьется.

Мужчина резко развернулся на каблуках и вышел прочь из зала, направляясь в комнату, чтобы тщательнейшим образом проверить ее на присутствие потайного хода.

* * *

Практически до самого вечера граф не покидал покои, и даже обед ему подали в гостевую комнату. Только лишь вечером Игорь Анатольевич спустился к столу, дабы поужинать со своим приятелем. Спускаясь, он отправил с секретным поручением человека в город.

– Дружище, – обратился к приезжему приятелю Александр Борисович Бричевский. – Я весь день думал о том, что ты мне рассказал, – встревоженным голосом произнес помещик, глядя на отсутствующий аппетит Волошина. – Наверное тебе лучше эту ночь провести в других покоях.

– В этом нет нужды, Алексашка, – медленно пережевывая кусочек сочной зажаренной говядины, ответил Игорь Анатольевич. – Со мной все в

порядке, – не выходя из задумчивого состояния, машинально ответил мужчина.

Он был настолько погружен в свои мысли, что даже не оценил вкус блюд, которые так старались приготовить местные бабы.

– Я вот чего узнать хотел, – оторвавшись от размышлений, заезжий гость обратился к Александру Борисовичу, прервав затянувшуюся молчанку. – С кем бы я мог поговорить про бывшую хозяйку этого поместья? – мужчина отложил в сторону столовые приборы, давая понять, что ужин закончен.

– Да-а-а, собственно… – задумчиво почесывая лысеющую голову, протянул друг Алексашка. – Здесь почти вся прислуга осталась та, что Софье Юрьевне прислуживала.

– Ну а кто лучше всех ее знал? – Игорь Анатольевич подался вперед всем телом в ожидании ответа.

– Наверное няня ее – баба Глафира, – Бричевский взял со стола бокал с вином и жадно причмокивая осушил его до дна. – А зачем тебе это, братец, – раскрасневшееся от выпитого лицо Александра Борисовича распалось в чудаковатой улыбке.

– Да понимаешь, Алексашка, – не зная как объяснить, да и стоит ли вообще пускаться в пространные объяснения, Волошин замялся на полуслове. Для себя он уже давно сложил в уме, словно два плюс два, всю картину произошедшего. Остались только небольшие детали, от которых зависел исход дела. Но пока все это было на уровне домыслов, неподтвержденных никакими фактами. – Я разобраться хочу в том, что тогда с тем офицером произошло, – неожиданный ответ друга прозвучал словно гром среди ясного неба.

Препятствовать своему гостю Алексашка не стал. Он подробно объяснил как пройти к дому, расположенному на самой окраине села, в котором мирно жила старушка Глафира.

* * *

Оказавшись на улице, граф полной грудью вдохнул чистейшей морозный воздух. Снежинки, словно в сказочном хороводе, плавно падали на землю, укрывая ее в белоснежный наряд. Бричевский отправил вместе с Волошиным провожатого – сына-подростка местной кухарки, чтобы тот довел приезжего без приключений до нужного дома.

– Долго еще? – пробираясь сквозь снежные заносы, недовольно спросил граф.

– Недалече, барин, – парнишка указал пальцем в сторону одного из небольших сельских домишек. – Аккурат это и есть тот дом, где баба Глаша живет, – ответствовал провожатый, шморгнув курносым носом.

Приближаясь к ветхому строению, Волошин услышал непонятный свист в воздухе.

– Берегитесь, барин, – только и успел выкрикнуть постреленок, пытаясь уберечь господского гостя от, казалось, неотвратимого удара по голове.

Игорь Анатольевич застыл на месте, точно вкопанный от такой неожиданности, и тут же у его ног приземлился мужской старый валенок.

– Что это? – захлопал в недоумении ресницами граф, поднимая с земли чуть не сбивший его с ног предмет.

В ответ послышался дружный девичий хохот. Через калитку соседнего с бабой Глафирой дома, гурьбой высыпала на улицу стайка раскрасневшихся девчат.

– У-у-у, бабы дуры! – напустился на девушек паренек провожатый. – Вы что из ума что ли выжили? – хватаясь за голову, кричал на непонимающих виновниц чуть было не произошедшей оказии, юнец. – Вы же валенком в достопочтенного господина швырнули!

– Да ладно тебе, – успокоил парнишку Игорь Анатольевич, увидев испуг на девичьих лицах. – Это кажется ваше! – протянул граф прилетевший к нему валенок сельским девкам.

Те дружно захихикали:

– Спасибо вам, барин, – невысокая рябая девка осторожно забрала из рук Волошина валенок, то и дело посверкивая маленькими водянистыми глазками из-под рыжих ресниц.

– Не за что, милая, – городской лукаво подмигнул девицам, разрешая им уйти.

Тут же с хохотом молодки пустились наутек, кто куда, в разные стороны.

– Что это с ними? – удивился граф, обращаясь к своему попутчику.

– Та знамо что, барин, Святки нынче, – будто несмышленышу, юнец начал объяснять заезжему господину особенности сельских гуляний. – Святки – это двенадцать дней, которые начинаются с Рождества и заканчивается накануне Крещения. Девки в эти дни будто очумелые на женихов ворожат, – улыбнулся постреленок. – Вот и только что ворожили, когда валенок кидали.

– Да-а-а, – удивленно приподнял брови Игорь Анатольевич, который до сегодня с такими обычаями не сталкивался.

– Ага, – утвердительно кивнул головой юнец. – Куды валенок укажет, оттуда и жениха ждать надобно!

При этих словах граф густо покраснел, а потом ухмыльнулся своим мыслям. Валенок-то не то что на него указал, а чуть ли не свалился ему на голову.

– Это вам, барин, повезло, что вы графских кровей, – немного осмелевший юноша хохотнул, указывая на ближайший дуб, за которым спряталась та самая рябая девка, что зыркала исподлобья на Волошина. – А то бы не успели оглянуться и женили бы вас, барин, наши местные бабы.

Игорь Анатольевич, который, казалось, должен был бы разозлится на бесцеремонность провожатого, зашелся громким смехом, чем изрядно напугал подглядывающую за ним девушку. Она тут же подобрала подол длинной юбки и пустилась наутек, покинув свой наблюдательный пункт.

* * *

Спустя короткое мгновение Волошин Игорь Анатольевич уже заходил в небольшой мазаный домик с соломенной, щедро засыпанной снегом, крышей. Это и было скромное жилище бывший нянечки ведьмы. Обстановка в доме была самая простая – стол, лавки возле него и небольшая теплая печка – сердце этого убогого обиталища.

– Не праздновала Софья Юрьевна свою бывшую няню! – подумал про себя граф.

Тут же его мысли прервал тихий старческий голос:

– Что вам, сударь, угодно? – из-за печи выглянуло измученное сморщенное лицо.

– Баба Глаша, – выступил вперед парнишка-проводник. – Это гость Александра Борисовича, пришел расспросить вас о Софье Юрьевне. Вы уж уважьте гостя, – юнец поклонился графу и со словами. – Я вас, барин, на улице подожду, – вышел прочь за порог.

– Спрашивайте, сударь, коли пришли, – прошамкала беззубым ртом старушка, тяжело опускаясь на лавку и жестом предлагая нежданному посетителю присесть.

– Я постою, – вежливо ответил Волошин, не желая запачкать новое зимнее пальто, отороченное бобровым мехом. – Расскажите-ка мне, бабуся, все, что знаете про Софью Юрьевну и офицера, которого мертвым нашли в ее объятиях, – мягким вкрадчивым голосом, чтобы расположить к себе собеседницу, произнес он.

Но баба Глафира и так не собиралась ничего таить, сильно обижена она оказалась на свою неблагодарную подопечную:

– Так что я, ваше благородие, об этом могу знать? – пожала бабуля плечами. – Софьюшка меня за месяц до этого случая выгнала.

– За что выгнала? – пристальный взгляд графа так и сверлил собеседницу.

Мужчина чувствовал, что именно здесь и сейчас получит ответы на все свои вопросы.

– Софьюшка в детстве хорошей девочкой была, послушной. Росла и радовала родителей, – скупая слезинка скатилась по сморщенный щеке говорившей от нахлынувших воспоминаний. – Выросла она красавицей. Все местные помещики к ней сватов засылали. Тут она и почувствовала, какую силу над мужчинами имеет, и что называется от рук отбилась. Родителям сказала что замуж не пойдет, мол, глупо жить с одним мужчиной, ему свою молодость и красоту дарить, когда вокруг столько много соблазнов, – горько ухмыльнулась старушка.

Граф слушал не перебивая, внимал каждому слову.

– Родители Софочки не выдержали такого позора, так и осталась она сиротой, – горько вздохнула бывшая нянька ведьмы. – Я пыталась ее уму разуму учить, говорила ей, что век девичьей красоты короткий. Сегодня есть она, красота эта, и женихи есть. А как не станет красоты, то кому ты, Сонечка, нужна будешь? – поучала ее я. – Зацепили барышню мои слова. Прямо идея у нее возникла, во что бы то ни стало молодость свою сохранить. Книжки специальные, магические, изучать она начала. А со временем внучку местной ведьмы, Аннушку, к себе в помощницы взяла. Они вдвоем закрывались в комнате Софьи и колдовали, обряды там разные проводили...

– И вправду значит ведьмой барышня была! – не верил своим ушам Волошин.

– Как-то раз, – прервала тяжелые мысли графа баба Глафира, – она мне рассказала, что помощница ее Аннушка у своей бабки колдуньи выведала секрет вечной молодости. Мол, надобно напиться крови молодого красивого крепкого мужчины. Я как услыхала – ужаснулась, как могла отговаривала ее, – дрогнувшим от волнения голосом продолжила старушка. – Вот она меня и прогнала подальше от себя, – обхватив седую голову, завыла говорившая. – Не уберегла я свою Софьюшку... – голосила баба.

* * *

Вернувшись в отведенную ему комнату для гостей, граф, утомленный своим затеянным расследованием, растянулся на мягкой кровати. В голове мужчины теперь ясно вырисовывалась вся картина произошедшего. Остался только один единственный вопрос без ответа: «Когда вновь появится ведьма?»

Волошин уже нисколько не сомневался в том, что именно бывшая хозяйка этого сельского поместья была его ночной гостьей. Игорь Анатольевич бросил тревожный взгляд на напольные часы, которые приглушенно прогудели, известив его о том, что уже три часа ночи. Граф, словно ожидая повторного визита прекрасного видения, напряженно вглядывался в самый темный угол спальни, в которой не проникал свет свечи, и откуда прошлой ночью так нежданно явилась к нему обнаженная дева. Ожидание не было напрасным. Из темноты послышался легкий шорох.

Мужчина мигом сел на мягком ложе, готовый к появлению Софьи Юрьевны:

– Ну где же ты? – вкрадчивым голосом произнес он, точно охотник, который боится спугнуть трепетную лань.

Из густой темноты, словно из-за мрачной завесы, выступила вчерашняя прелестница. Ее обнаженное прекрасное тело пленяло графа и манило его, как мотылька, неосторожно летевшего на пламя. Из головы тут же улетучились все тревожные мысли. «Неужто это дивное создание способно кого-то убить?»

Еще мгновение и вот она нагая и такая беззащитная оказалось в крепких объятиях графа. Его ладонь легла на упругую девичью грудь. Нежная кожа барышни сводила с ума, опьяняя и одурманивая мужчину своим нежным ароматом каких-то полевых цветов. На этот раз дева не брала инициативу в свои руки. Вместо властной повелительницы перед Волошиным предстала покорная рабыня, готовая выполнить любое его желание. Такая разительная перемена в ней вызвала еще большее желание в Игоре Анатольевиче.

От требовательных поцелуев Волошина дева, будто в горячке, металась на шелковых простынях. Тихий сладостный стон вырвался из ее груди:

– Я твоя, – тихо прошептало видение на ухо графу, чем вывело мужчину из пьяного дурмана.

Игорь Анатольевич властно свел ее руки над головой, обхватив тонкие запястья:

– Сюда! – неожиданно для ничего не понимающий барышни громко выкрикнул граф, окончательно освобождаясь от чар обнаженной нимфы. – Она здесь, я поймал ее!

На этих словах в комнату вбежало двое полицейских, за которыми Волошин послал в город сразу после того, как вышел из гостевой спальни, чтобы присоединиться к ужину со своим приятелем.

Граф не зря полдня провел в своей комнате, он искал потайной ход, который так не удалось обнаружить ранее ни полицейским, ни Бричевскому. А вот Игорь Анатольевич проявил смекалку и нашел замаскированный в каменном полу ход. Однако открыть его так и не сумел. Уже тогда мужчина твердо решил, что убийцу молодого офицера следует обязательно наказать и передать в руки правосудия. Но так как времени у графа до прибытия господ полицейских было много и Волошину все же хотелось понять причины такого коварства Софьи Юрьевны, вот он и посетил ее нянечку, которая приоткрыла завесу над этой тайной.

– Негодяй, мерзавец, подлец, – шипела взятая под стражу Софья Юрьевна. Она извивалась нагим телом в руках стражей порядка и сыпала ругательства в адрес своей несостоявшейся жертвы, которой удалось ускользнуть от нее.

Теперь она уже не казалась графу такой уж соблазнительной, как еще пару минут назад.

– Анна, где Анна? – прорычала разъяренная барышня.

– Да вы, сударыня, зря бушуйте, – усмиряя взятую под стражу дамочку, сказал один из полицейских. – Не могла ваша пособница вас предупредить, – на этих словах в спальню ввели понурившую голову ту самую девушку, что кофе в день приезда графу принесла.

Теперь все встало на свои места. Именно эта служанка и рассказала своей прятавшейся в потайной комнате госпоже про заезжего красавца. Она и служила преступнице все это время. Услышав про красивого барина, Софья Юрьевна не смогла устоять от соблазна, вот и наведала его в первую же ночь.

– Мне вот интересно, – почесывая белокурый затылок, спросил граф, – офицера вы, Софья Юрьевна, убили, зарезав его, а от чего умирали ваши прежние кавалеры?

– От любви! – ехидно заявила арестантка, с вызовом глядя на Игоря Анатольевича.

– Разберемся и в этом, – выводя барышню из комнаты, пробасил один из полицейских.

Kanchik
February 2019

Kanchik